

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ.

Ген. И. Данилова*).

VIII.

20-го ноября мы погрузились въ эшелонъ и отправились въ Симферополь, куда прибыли 1-го декабря. Цѣлые десять дней понадобились для того, чтобы пройти разстояніе отъ Павлограда до Симферополя, пробѣгаемое ранѣе курьерскимъ поѣздомъ обыкновенно въ 8—10 часовъ. По пути приходилось стоять по нѣсколько сутокъ на маленькихъ станціяхъ, такъ какъ не было топлива для паровозовъ. Желѣзныя дороги юга снабжались ранѣе каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна, который въ настоящее время почти не работалъ, а тѣ немногочисленные вагоны съ углемъ, которые присылались теперь оттуда, сейчасъ же растаскивались, какъ служащими жел. дор., такъ и пассажирами эшелонвъ для отапливанія теплушекъ, ввиду наступившихъ холодовъ. Машинисты, обыкновенно, израсходовавъ уголь, бросали составъ поѣзда на какомъ-нибудь развѣздѣ и торопились на оставшемся пару дойти до ближайшаго депо, чтобы не заморозить паровозъ и тѣмъ его не подвергнуть порчѣ. Еще ранѣе на большихъ станціяхъ, какъ Полтава, Лозовая, Александровскъ, всюду виднѣлись громадныя, тянувшіяся на нѣсколько верстъ, кладбища паровозовъ, которые стояли вытянувшись въ одну линію на запасныхъ путяхъ; съ нихъ было все расхищено, мѣдныя части отвинчены и унесены, и надежды на какой-нибудь ремонтъ не было.

По дорогѣ мы узнали, что союзъ между Махно и большевиками, о которомъ такъ восторженно кричали совѣтскія газеты, лопнулъ. Махно снова измѣнилъ имъ или, вѣрнѣе, большевики его обманули. Дѣло въ томъ, что на основаніи договора съ нимъ передъ общимъ наступленіемъ на генерала Врангеля, ему было разрѣшено произвести мобилизацію для пополненія его арміи на территоріи Украйны. Теперь, когда большевики использовали его и онъ имъ оказался болѣе не нужнымъ, они воспретили Махно эту мобилизацію. Въ это время армія его достигла значительныхъ размѣровъ. У него уже были правильно организованные штабы даже съ офицерами генеральнаго штаба, дивизіи и полки, преимущественно конные и пулеметные, свое интендантство и правильно функционировавшіе госпиталы, персоналъ коихъ пополнялся обыкновенно захваченными въ плѣнъ у генерала Врангеля и большевиковъ врачами, санитарями и сестрами милосердія. Резиденція Махно была въ г. Гуляй-Поле, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, который въ шутку назывался Махноградъ. Вся его организація представляла довольно серьезную силу, а съ проведеніемъ мобили-

---

*) Продолженіе, см. «Архивъ Русск. Рев.», т. XIV.

зацин большевикамъ пришлось бы очень считаться съ нею, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшіе замыслы его имъ были неизвѣстны.

Въ составъ войскъ, оперировавшихъ противъ генерала Врангеля, входили, между прочимъ, первая и вторая конныя арміи Буденнаго; одна изъ нихъ была перекинута съ польскаго фронта, другая же пришла сюда съ Дона и Кубани. Это была вольница, которая мало мирилась даже и съ той тѣнью дисциплины, которая существовала тогда въ красныхъ арміяхъ. Родственная по духу грабежа съ войсками Махно, она быстро оцѣнила преимущество службы у Махно, и когда входила въ соприкосновеніе съ его войсками, то будучи тайно подбиваема на переходъ на службу къ нему, массами поступала въ махновцы. Были случаи перехода цѣлыхъ полковъ вмѣстѣ съ команднымъ составомъ; переходили къ нему также и пѣхотныя части. Все это не на шутку встревожило совѣтскую власть и она потребовала отъ Махно отдать распоряженіе, не принимать къ себѣ на службу перебѣжчиковъ изъ красной арміи, а также прекратить агитацію среди нея для перехода къ нему. Махно, взбѣшенный запрещеніемъ произвести мобилизацію согласно договора, отказался исполнить это требованіе большевиковъ, и вотъ, въ отвѣтъ на это, большевистское командованіе отдало приказъ объ арестѣ, какъ Махно, такъ и его главныхъ помощниковъ, рѣшивъ на этотъ разъ покончить съ нимъ окончательно. Махно удалось ускользнуть скрытнымъ образомъ, и онъ объявился въ Гуляй-Полѣ, а части его, разсыпанныя по Тавріи и Екатеринославской губерніи, по его зову спѣшили къ нему.

Въ Крыму, въ частности, въ Симферополѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ его отряда, при занятіи Крыма дѣйствовавшей совмѣстно съ большевиками, послѣдній былъ захваченъ большевиками, при чемъ начальникъ штаба и адъютантъ были разстрѣляны. Тогда весь отрядъ, численностью около 5000 человекъ, бросился отдѣльными партіями вонъ изъ Крыма черезъ Перекопъ и, несмотря на то, что здѣсь была выставлена большевистская преграда, они опрокинули ее и выскочили въ Мелитопольскій уѣздъ, гдѣ поддерживаемые населеніемъ и силами, присланными изъ Гуляй-Поля, подъ общимъ руководствомъ Махно, начали операціи противъ красной арміи.

Во время слѣдованія нашего эшелона въ Симферополь мы были брошены на одномъ изъ разъѣздовъ паровозомъ, у котораго кончалось топливо. Просидѣвъ на этомъ разъѣздѣ два дня, мы увидѣли пришедшій сюда бронепоездъ съ инспекторомъ броневыхъ поездовъ во главѣ. Увидѣвъ наше бѣдственное положеніе, такъ какъ мы уже въ то время голодали за исходомъ провіанта, инспекторъ броневоего поезда предложилъ намъ довести насъ, прицѣпивъ къ своему поезду, нѣсколько станцій впередъ, гдѣ, быть можетъ, мы и достанемъ паровозъ, который бы насъ повезъ дальше. Везти насъ самъ въ Симферополь онъ не могъ, такъ какъ имѣлъ оперативное заданіе отъ штаба арміи охранять линію жел. дор. отъ бандъ Махно, прорвавшихся изъ Крыма. Мы, конечно, съ радостью на это согласились и отправились въ путь. Подъѣзжая къ станціи «Плодородіе», мы замѣтили окруженную всадниками, двигающуюся по степи колонну повозокъ, растянувшуюся болѣе версты. Командиръ бронепоезда остановилъ его, навелъ на эту колонну пушки и пулеметы, но открыть огонь не рѣшался, такъ какъ не было извѣстно, махновцы ли это, или же свои обозы. Для выясненія этого рѣшено было послать къ этой колоннѣ всадника. Пока выгружали лошадь изъ вагона и всадникъ ѣздилъ туда и обратно, колонна проходила параллельно жел. дор. и скрылась изъ глазъ наблюденія въ ближайшую балку. Вернувшійся всадникъ доложилъ, что онъ настигъ лишь хвостъ колонны, отъ которой къ нему поскакали навстрѣчу четыре всадника, что мы и видѣли, и на его вопросъ — «кто они такіе?» — отвѣтили, что это обозъ 5-ой дивизіи, между тѣмъ какъ находящіеся здѣсь инспекторы пѣхотной и кавалерійской инспекціи заявили, что въ 4-ой арміи, какъ кавалерійской, такъ и пѣхотной 5-ой дивизіи нѣтъ. Пока все это происходило, вся колонна скрылась въ балку и не по кому было уже открывать огонь. Впослѣдствіи оказалось, что это была одна изъ бандъ Махно, прорвав-

шаяся изъ Крыма, которая попутно со своимъ слѣдованіемъ произвела налетъ на станцію сосѣдную съ «Плодородіемъ» и сожгла ее.

Подъѣзжая къ Чангарскому мосту, мы увидѣли множество воронокъ отъ снарядовъ и массу лошадиныхъ труповъ, валявшихся по обѣимъ сторонамъ полотна жел. дор. Это были остатки красной кавалеріи, пытавшейся атаковать Чангарскія позиціи. Далѣе сиротливо стояли морскія орудія на позиціяхъ Чангара, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали попадаться по дорогѣ воронки отъ снарядовъ, брошенныя повозки и орудія. Такая картина продолжалась вплоть до Симферополя. Въ Джанкоѣ, гдѣ намъ пришлось стоять два дня, мы видѣли партію чело-вѣкъ въ триста арестованныхъ Врангелевскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ мѣстную Чека. Сердце замерло отъ жалости при видѣ этихъ несчастныхъ, такъ какъ я зналъ по своему примѣру, что ихъ ожидаетъ, и сознавалъ, что помочь имъ ничѣмъ нельзя.

Въ 18-ти верстахъ отъ Симферополя на ст. «Сарабузъ» мы простояли два дня. Въ верстѣ отъ нея расположена громадная и богатая нѣмецкая колонія, того же наименованія. Здѣсь работали вальцевыя мельницы и можно было купить отличную крупчатку по 7000 рублей за пудъ. Мы вступали въ обѣтованный по продовольствію край послѣ хроническаго недоѣданія на западномъ фронтѣ, но когда я, четыре мѣсяца спустя, былъ здѣсь, то этотъ обѣтованный край уже былъ обобранъ. Ничего нельзя было купить и за деньги, во - первыхъ, потому, что онѣ потеряли всякую цѣнность, а во - вторыхъ, все было реквизировано и вывезено въ Москву. Населеніе само уже голодало и, если можно было достать что -нибудь, то только въ обмѣнъ на платъе или бѣлье.

Гуляя по нѣмецкой колоніи, мы видѣли брошенныя посреди улицы пушки; а населеніе, уже испытавшее режимъ большевиковъ, пряталось по домамъ. Мы разговорились съ однимъ пожилымъ нѣмцемъ, хозяиномъ хорошо оборудованной усадьбы, теперь разоренной, на дворѣ которой стояли изломанные локомобиль и вѣялки, и другія земледѣльческія орудія. Хозяинъ, почуявъ въ насъ бѣлыхъ, горько жаловался на грабежъ и разрушеніе колоніи, который произвели Буденовскія части, проходя мимо, и говорилъ, что у него, помимо съѣстныхъ припасовъ, пшеницы, ячменя и овса, они забрали всѣхъ его 16 лошадей, не оставивъ ему ни одной, благодаря чему онъ, какъ и другіе жители, не будетъ въ состояніи обрабатывать весною землю и посею нечего и думать заготовить хлѣбъ не только для нуждъ государства, но и для себя. Слова его теперь оправдываются, когда слышимъ о томъ голодѣ, который существуетъ въ настоящее время на югѣ Рос-сіи. Впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось видѣть подобные случаи и слышать такія жалобы; зато кавалерія Буденнаго, послѣ Крыма, сидѣла на великолѣпныхъ лошадяхъ нѣмецкой породы, такъ тщательно культивируемой и разводимой колонистами.

1-го декабря нашъ эшелонъ пришелъ въ Симферополь. Штабъ 4-ой арміи размѣстился въ помѣщеніи громадной «Европейской гостиницы» на Салгирной улицѣ, гдѣ во время генерала Врангеля было Алексѣевское военное училище. Черезъ нѣсколько времени полевой штабъ выѣхалъ обратно въ Мелитополь, вмѣстѣ съ командующимъ арміей Лазаревичемъ, для операціи противъ бандъ Махно, дававшихъ себя знать большевистской власти.

Веселый и шумный когда - то Симферополь, извѣстный своими стильными постройками, начиналъ переживать всѣ ужасы террора большевиковъ. Здѣсь былъ помимо мѣстнаго Ревкома, Областной Крымскій Ревкомъ, предсѣдателемъ котораго былъ знаменитый звѣрь и палачъ Бѣла - Кунъ. Слухи объ наводимомъ имъ ужасѣ смутили даже центральную власть въ Москвѣ, и она была принуждена черезъ нѣсколько времени его отозвать. То, что дѣлалось въ Симферополѣ и въ Крыму, не поддается описанію. Органами Чека и Особыми Отдѣлами армій и дивизій совершенно произвольно, безъ предьявленія какого - либо обвиненія, арестовывались и сейчасъ же разстрѣливались не только бывшіе Врангелевскіе офицеры, но и ихъ жены и дѣти, юристы, бывшіе служащіе гражданскихъ учрежде-

ній, кооператоры, банковскіе служащіе. Достаточно было быть прилично одѣтымъ на улицѣ, чтобы быть арестованнымъ встрѣчнымъ чекистомъ и отведеннымъ въ тюрьму или застѣнокъ Особого Отдѣла, изъ котораго уже выхода не было. Конечно, главнымъ образомъ, какъ и вездѣ пострадали здѣсь офицеры.

Обманутые радіо-телеграммой большевиковъ, въ которой обѣщалась жизнь и свобода всѣмъ тѣмъ, кто добровольно останется въ Крыму, офицеры эти, имѣя семьи, которыхъ нельзя было взять съ собою по тѣмъ или инымъ причинамъ, остались въ Крыму и явились на регистрацію, откуда имъ былъ уже одинъ выходъ — въ тюрьму, а дальше — на разстрѣлъ. Спаслись тѣ немногіе, которые, узнавъ о послѣдствіяхъ явки на регистрацію, немедленно бѣжали въ горы на Чатырдагъ, что, впрочемъ, было сдѣлать довольно трудно. Однако, нѣкоторымъ это удавалось благодаря сочувствію мѣстныхъ татаръ, которые изъ чувства чело-вѣколюбія, совершенно безвозмездно скрывали и проводили этихъ несчастныхъ въ горы: Мнѣ лично была извѣстна такая организація, главнымъ дѣятелемъ которой былъ проводникъ татаринъ, доставлявшій въ горы даже и пропитаніе для бѣглецовъ. Впослѣдствіи на Чатырдагѣ въ мартѣ мѣсяцѣ собралось довольно много такихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ Крыма. Туда же ушли вооруженныя воинскія части, даже, какъ говорили, съ пушками, не успѣвшіе прибыть въ Севастополь для погрузки на пароходы, для эвакуаціи изъ Крыма вмѣстѣ съ генераломъ Врангелемъ. Слухи, ходившіе по городу, опредѣляли это количество въ 20 000 человекъ. Можетъ быть, ихъ на самомъ дѣлѣ было и меньше, но во всякомъ случаѣ, они приносили и приносятъ еще и теперь большія хлопоты совѣтской власти. Скрываясь въ неприступныхъ пещерахъ Чатырдага, они имѣютъ тамъ правильную организацію и оружіе, доставленное населеніемъ или отнятое отъ красноармейцевъ. Они спускаются съ горъ и нападаютъ на обозы, а иногда и на мѣстечки Крыма, грабятъ склады интендантства красной арміи, захватываютъ оружіе и уходятъ со всѣмъ этимъ обратно въ горы. Обыкновенно они расправляются только съ коммунистами, а красноармейцевъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, поэтому красноармейцы, зная этотъ пріемъ, не оказываютъ имъ никакого сопротивленія при нападеніи на нихъ.

Еще въ бытность мою въ Крыму, въ началѣ апрѣля, такое нападеніе было произведено на городъ Карасубазаръ. «Зеленые», какъ ихъ теперь называютъ, держали этотъ городъ въ своихъ рукахъ въ продолженіе 6 часовъ, разграбили и захватили съ собою провіантъ изъ складовъ и ушли въ горы; и при этомъ батальонъ 46-ой дивизіи сидѣлъ въ казармахъ, не оказавъ никакого сопротивленія. За это былъ отданъ подъ судъ командиръ бригады.

Позднѣе уже въ маѣ мѣсяцѣ, о чемъ мнѣ рассказывалъ впослѣдствіи встрѣтившійся въ Гомелѣ сослуживецъ по инспекціи пѣхоты, машинистъ Притулецкій, — Ялта была захвачена этими зелеными, которые хозяйничали въ ней три дня, вырѣзавъ всѣхъ коммунистовъ во всевозможныхъ исполкомахъ и т. п. большевистскихъ учрежденіяхъ, а также и лѣжившихся въ санаторіяхъ и пріѣхавшихъ сюда изъ Москвы и Петрограда, по образцу прежней бюрократіи, на отдыхъ отъ переутомленія чекистовъ.

Путь между Симферополемъ, Севастополемъ и Ялтой для отдѣльно слѣдующихъ автомобилей и подводъ былъ очень опасенъ. Обыкновенно засада останавливала автомобиль или подводу, производила осмотръ и повѣрку документовъ и, если между пассажирами находились коммунисты, то таковые разстрѣливались, а остальные пассажиры пропускались далѣе съ извиненіемъ за безпокойство. Тотъ же Притулецкій рассказывалъ, что 1-го мая, въ ознаменованіе пролетарскаго праздника, была объявлена общая амнистія этимъ зеленымъ съ приглашеніемъ спуститься съ горъ и вернуться къ мирному труду. Передать эту амнистію были посланы въ преддверье горъ коммунисты, которыхъ зеленые, не причинивъ ничего дурного, вернули обратно, сказавъ: «Въ скоромъ времени мы сами будемъ давать вамъ амнистію». Эти зеленые заняли мѣсто и положеніе по отношенію къ краснымъ, аналогичное съ зелеными во время пребыванія въ Кры-

му генерала Врангеля. Тогда они были объединены под командою капитана Орлова и, насколько мнѣ извѣстно, причиняли много заботъ бѣлому командованію. Въ настоящее время то же положеніе повторилось по отношенію къ большевикамъ, съ тою только разницей, что въ число «новыхъ зеленыхъ» влились и «старые зеленые». Съ занятіемъ Крыма большевиками, старые зеленые спустились съ горъ и вошли въ Симферополь вмѣстѣ съ капитаномъ Орловымъ. Дня черезъ три послѣ этого капитанъ Орловъ вмѣстѣ со своими помощниками былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ и разстрѣлянъ, а его рядовые сотрудники бѣжали обратно на прежнія мѣста, гдѣ и были приняты новыми зелеными. Одно время ходилъ слухъ, что между зелеными въ горахъ находятся два генерала Врангелевскихъ войскъ. На этихъ зеленыхъ измученное большевиками населеніе Крыма возлагало большія надежды. Оправдаются ли эти надежды, покажетъ будущее, но пока по тѣмъ отрывистымъ сообщеніямъ, которыя изрѣдка проskalъзываютъ въ совѣтскихъ газетахъ о частыхъ нападеніяхъ «зеленыхъ» на селенія Крыма и той расправѣ, которой они подвергаютъ представителей совѣтской власти, можно судить, что организація эта засѣла крѣпко въ горахъ и ликвидировать ее большевистская власть не можетъ, какъ не могла и бѣлая власть ликвидировать «своихъ зеленыхъ». Я знаю по службѣ въ инспекціи пѣхоты, что въ то еще время, когда я былъ въ Симферополѣ, на Чатырдагъ посылались цѣлыя бригады для ликвидаціи ихъ, но безрезультатно, такъ какъ неприступность горъ, съ одной стороны, и отсутствіе знанія именно тѣхъ пещеръ, въ которыхъ укрываются «зеленые», а также и путей къ нимъ, дѣлали это предпріятіе невыполнимымъ, тѣмъ болѣе, что въ ущельяхъ горъ есть такія позиціи, на которыхъ хорошо скрытый пулеметъ можетъ остановить наступленіе цѣлой бригады.

Въ Крыму еще съ 1918 года собралось много интеллигенціи и буржуазіи со всей Россіи, въ послѣдующіе годы она пополнилась еще тѣми, которые пришли вмѣстѣ съ отступающими войсками генерала Деникина и Врангеля. Часть изъ нихъ, у кого были еще средства, при генералѣ Врангелѣ выѣхали за границу, несмотря на всѣ трудности получить визу, большая же часть, не имѣя средствъ для проживанія за границей, осѣла въ Крыму, гдѣ подъ прикрытіемъ бѣлыхъ войскъ жила довольно спокойно. Быстрая эвакуація войскъ генерала Врангеля изъ Крыма поставила передъ ними дилемму: или бросить все то небольшое, что они имѣли, и ѣхать неизвѣстно куда безъ всякой надежды на будущее, безъ копѣйки денегъ, или же остаться въ Крыму на милость большевиковъ. Большая часть избрала второе рѣшеніе, за что она жестоко поплатилась. Это было еще счастье, когда нѣкоторые изъ нихъ были сосланы на принудительныя работы въ Архангельскую губернію, гдѣ они, впрочемъ, по всей вѣроятности, тоже погибли; большая же часть изъ нихъ была разстрѣляна.

Окраины города Симферополя были полны зловонія отъ разлагавшихся труповъ разстрѣлянныхъ, которыхъ даже не закапывали въ землю. Ямы за Воронцовскимъ садомъ и въ имѣніи Крымтаева оранжереи были полны трупами разстрѣлянныхъ, слегка присыпанныхъ землей, а курсанты кавалерійской школы (будущіе красные командиры) ѣздили за полторы версты отъ своихъ казармъ (бывшаго Крымскаго Коннаго полка) выбивать камнями золотые зубы изо рта казненныхъ, при чемъ эта охота давала всегда большую добычу. Общая цифра разстрѣлянныхъ въ одномъ Симферополѣ со дня вступленія красныхъ въ Крымъ до 1-го апрѣля 1921 года доходила до 20 000, а все число разстрѣлянныхъ во всемъ Крыму — до чудовищныхъ размѣровъ: 80 000 человекъ. Правда ли это или нѣтъ, сказать не могу, такъ какъ, ужасаясь такой цифрѣ, самъ не хочешь въ нее вѣрить, но ее называли коммунисты, причастные къ этимъ разстрѣламъ, и хвастались ею въ разговорахъ между собой, ставя это въ заслугу дѣятельности Чека и Особаго Отдѣла.

Въ городѣ, конечно, по общему большевистскому шаблону была закрыта свободная торговля, а на мѣстномъ огромномъ базарѣ не повинующихся этому гра-

били въ свою пользу агенты Чека и Особаго Отдѣла, устраивая облавы на торговцевъ. По базару вообще проходить было не безопасно. Все тихо и мирно, слышится гортанная, зазывающая рѣчь торговцевъ татаръ, привезшихъ свои продукты на базаръ, вдругъ раздаются выстрѣлы, свистъ пуль, и испуганная толпа шарахается въ разныя стороны. Летятъ лотки, корзины, появляются вооруженные красноармейцы съ площадной бранью, — оказывается, это производится облава для прекращенія торговли. Счастье, если самъ не попадешь въ середину облавы, какъ рыба въ неводъ, а то въ противномъ случаѣ придется посидѣть сутокъ двое гдѣ-нибудь въ Особомъ Отдѣлѣ. Пока докажешь на основаніи своего удостовѣренія личности, что служишь въ штабѣ арміи и шель на службу случайно черезъ базаръ. Или же другой примѣръ: идешь по улицѣ на службу или со службы, вдругъ на перекресткѣ улицъ преграждаетъ путь цѣпь красноармейцевъ, не пропускающая далѣе и указывающая другой путь слѣдованія. Уже наученный горькимъ опытомъ знаешь, что тамъ значитъ тоже арестовываютъ всѣхъ, кто туда приходитъ, и поэтому, желая избѣгнуть ареста, бросаешься въ другую улицу, но тамъ натыкаешься на то же самое. Оказывается, что оцѣпленъ цѣлый кварталъ въ нѣсколько улицъ, для провѣрки документовъ, съ цѣлью изловить скрывающихся врангелевцевъ. Для этой цѣли всѣхъ отправляютъ окруженныхъ густымъ конвоемъ въ бывшія казармы Литовскаго полка. Тамъ съ провѣркой не торопятся, а приводятъ лишь новыя и новыя партіи. Въ концѣ концовъ, дня черезъ два, если у кого были документы вѣрны, выпускаютъ, при чемъ, если попробуешь протестовать за незаконное задержаніе, то рискуешь остаться тамъ на болѣе продолжительное время. Конечно, выходишь оттуда вшивый, такъ какъ приходится спать на голомъ каменномъ полу, въ тѣсотѣ, вповалку, всѣмъ вмѣстѣ. И кого только тамъ не увидишь? И обывателя, и красноармейца, и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей, и штабного служащаго, и даже чекиста. Всѣ въ общей кучѣ до выясненія. Служащіе штаба арміи пробовали просить свое начальство объ огражденіи ихъ отъ задержанія въ такихъ случаяхъ, мотивируя тѣмъ, что служба ихъ въ штабѣ страдаетъ отъ этого, что, въ дѣйствительности, и было; начальство соглашалось съ этимъ, но что оно могло подѣлать противъ всеильной Чека и Особаго Отдѣла?

Въ Симферополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Крыма, была объявлена націонализація всѣхъ предприятий и реквизиція всего имущества у буржуевъ и выселеніе ихъ изъ квартиръ, въ которыя долженъ былъ поселиться рабочій пролетаріатъ. Это проводилось съ безпримѣрной послѣдовательностью и жестокостью. Тайнымъ приказомъ Ревкома, который былъ опубликованъ въ мѣстныхъ газетахъ въ день самаго изъятія, былъ назначенъ «день изъятія излишковъ у буржуазіи». Для этого, въ одинъ день къ вечеру были собраны всѣ коммунисты, находящіеся въ Симферополѣ, на митингъ въ кинематографъ по Дворянской улицѣ. Здѣсь имъ были объяснены приемы изъятія цѣнностей и что подъ этимъ изъятіемъ нужно подразумѣвать. Затѣмъ они были оставлены на ночь въ этомъ кинематографѣ, съ приставленіемъ часовыхъ, чтобы кто-нибудь не разболталъ объ этомъ населенію, такъ какъ день изъятія держался въ секретѣ, дабы населеніе не узнало о немъ и не успѣло бы приготовиться къ нему. На утро всѣ улицы города были оцѣплены вооруженными красноармейцами, а коммунисты, прямо изъ кинематографа, были направлены въ заранѣе распределенные имъ раіоны и дома въ сопровожденіи красноармейцевъ и подводъ. Изъ домовъ на улицы никто не выпускался, даже занятія въ штабѣ и во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ тотъ день не производились. Городъ словно вымеръ. Въ назначенный домъ или квартиру входилъ коммунистъ и производилъ осмотръ всѣхъ вещей, представляющихъ извѣстную цѣнность, причемъ эти вещи сортировались и подлежащія «изъятію» укладывались въ корзины и выносились красноармейцами на подводу. Изъятію подлежало почти все, такъ на примѣръ, у моихъ хозяевъ были забраны слѣдующія вещи: всѣ ковры, подушки, одѣяла, одежда, бѣлье, посуда, золотыя вещи, ложки, ножи, книги,

зеркала, картины, деньги, продукты и все, что представляло маломальскую цѣнность. Оставляли только по одной парѣ бѣлья и по одному костюму. Конечно, при изъятіи много прилипло къ рукамъ коммунистовъ, да куда дѣвалось и остальное, тоже неизвѣстно. Протестовъ и сопротивленія при изъятіи, конечно, не было, такъ какъ населеніе было до такой степени напугано, что не посмѣло этого сдѣлать, да и это было бы бесполезно. Такимъ образомъ, въ одинъ день все населеніе Симферополя было ограблено по заранѣе составленному плану.

Комиссаръ Инспекціи пѣхоты арміи Петровъ, какъ коммунистъ, бывший въ числѣ этихъ грабителей, съ злобной радостью рассказывалъ намъ о подробностяхъ изъятія. «Пріятно было», — говорилъ онъ, — «войти въ квартиру въ сознаниіи своей силы и раскрыть какой нибудь ящикъ буржуйки съ драгоценностями, аккуратно сложенными, потомъ все это свалить въ одну кучу и рыться въ нихъ, видя блѣдное лицо хозяйки, которая трясущимися руками открываетъ слѣдующіе ящики, не смѣя сказать слова протеста. Я бы, собственно говоря, не оставилъ имъ и одной пары бѣлья и пустилъ бы ихъ ходить голыми, пусть бы прикрывались фиговымъ листкомъ».

Привожу это заявленіе для того, чтобы читатель могъ судить о томъ, что творилось при этихъ изъятіяхъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ болѣе невѣжественный коммунистъ, разъ такъ дѣйствовалъ бывший учитель. Конечно, вездѣ при этомъ сыпалась площадная брань, какъ коммунистовъ, такъ и красноармейцевъ, на смѣшки и издѣвательства надъ беззащитнымъ «буржуемъ».

Вскорѣ послѣ этого, приказомъ Ревкома, жилищному отдѣлу Симферополя было предписано произвести выселеніе изъ домовъ и квартиръ буржуазіи, съ реквизиціей обстановки, и вселить вмѣсто нея рабочихъ. По этому приказу агенты жилищнаго отдѣла являлись на квартиру и предъявляли требованіе очистить квартиру въ 12-ти часовой срокъ, причемъ не исполнявшіе этого выбрасывались, въ полномъ смыслѣ этого слова, на улицу, а мебель отбиралась и свозилась въ жилищный отдѣлъ, откуда она грузилась въ вагоны и вывозилась въ Москву. Такимъ образомъ населеніе было ограблено и выброшено на улицу. До чего доходила при этомъ наглость и издѣвательство большевиковъ, указываетъ слѣдующее сообщеніе «Херсонскихъ Извѣстій»: «Мебельныя фабрики Крыма стали производить при совѣтской власти такое огромное количество мебели, что явилась возможность вывозить ее въ центральныя губерніи». Одновременно съ этимъ въ томъ же номерѣ газеты былъ помѣщенъ приказъ Харьковскаго исполкома, въ которомъ объявляется «день Крымскаго рабочаго, ограбленнаго бѣлогвардейцами», для сбора якобы въ его пользу, т. е. въ Харьковѣ повторялась та же самая исторія, что была въ Симферополѣ и другихъ городахъ Крыма.

Особенную наглость, издѣвательство надъ жителями и жестокость при выселеніи проявили начальникъ жилищнаго отдѣла г. Симферополя, нѣкто Жоржъ, одинъ изъ завѣдующихъ райономъ, и Фельдманъ, — оба евреи, подпольные коммунисты при власти генерала Врангеля, хорошо извѣстные населенію Симферополя. Для этой операціи городъ былъ раздѣленъ на 5 районовъ, при чемъ Фельдманъ такъ отличился въ глазахъ коммунистическаго начальства энергичнымъ выселеніемъ «буржуевъ», что ему поручались послѣдовательно всѣ пять районовъ. Эти «товарищи» явились и къ хозяйкѣ квартиры, въ которой жилъ я со своими сослуживцами по инспекціи пѣхоты. На предъявленное требованіе очистить квартиру и сдать мебель, дочь владѣльца дома - особняка, вдова съ груднымъ ребенкомъ, спросила ихъ, куда же она дѣнется съ груднымъ ребенкомъ, у котораго въ настоящее время воспаленіе легкихъ, на что есть удостовѣреніе врача, Фельдманъ отвѣчалъ: «Пусть дохнутъ буржуйскія дѣти». Только благодаря нашему энергичному вмѣшательству, за что мы получили отъ нихъ обвиненіе въ симпатіи къ буржуямъ, семья эта въ составѣ старухи 96 лѣтъ, ея дочери и двухъ внучекъ — обѣ вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, получили разрѣшеніе занять двѣ комнаты и кухню съ кладовой въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ дома, гдѣ жила раньше ихъ прислуга, но при томъ только условіи,

если и мы, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, будемъ занимать вмѣстѣ съ ними это помѣщеніе, какъ по отводу для военнослужащихъ. Конечно, чтобы не допустить несчастныхъ владѣльцевъ быть выброшенными на улицу, мы тотчасъ же на это согласились, за что хозяева были намъ безконечно благодарны. Бабушка и прабабушка помѣстились въ кладовой, а остальные размѣстились въ кухнѣ и двухъ комнатахъ. У вдовъ была корова для питанія дѣтей молокомъ. Фельдманъ реквизировалъ ее, и на заявленіе, что она необходима для питанія дѣтей, отвѣтилъ: «Пусть она питаетъ дѣтей рабочихъ, а не буржуевъ». Между тѣмъ эта корова была отправлена къ нему на домъ и, какъ всѣмъ было извѣстно, все время находилась у него.

Въ освободившуюся квартиру безъ мебели, были вселены бѣженцы германской войны изъ Польши, такъ какъ рабочіе Симферополя въ большинствѣ случаевъ не хотѣли занимать помѣщеній выселенныхъ «буржуевъ». Жоржъ и Фельдманъ были евреи, но тѣмъ не менѣе они были такъ же жестоки по отношенію къ зажиточному еврейскому населенію города Симферополя, а особенно къ караимамъ, и мнѣ неоднократно приходилось выслушивать жалобы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Симферополѣ было устроено торжественное погребеніе жертвъ «бѣлаго террора». Это были десять человѣкъ подпольниковъ коммунистовъ, осужденныхъ полѣвымъ судомъ и повѣшенныхъ по приказанію генерала Слащева на трамвайныхъ столбахъ города Симферополя. Несмотря на всѣ старанія отыскать еще такія же жертвы, большевицкой власти не удалось это сдѣлать, и она взяла еще первыхъ попавшихся покойниковъ изъ госпиталей, и такимъ образомъ всего набралось вмѣстѣ съ повѣшенными 52 гроба, которые на пышныхъ погребальныхъ дрогахъ, сопровождаемые оркестромъ музыки, полкомъ пѣхоты, кавалеріей и двумя батареями, между разставленными по улицамъ шпалерами войскъ, были торжественно перевезены въ скверъ около зданія духовной семинаріи и здѣсь, послѣ торжественныхъ рѣчей и проклятій «палачамъ» бѣлымъ, были погребены въ общей могилѣ. Какими же палачами можно назвать большевиковъ, если при всѣхъ усиліяхъ они не могли собрать болѣе 52-хъ труповъ, въ то время, какъ разстрѣлы ими бѣлыхъ, подходили уже къ 20-ой тысячѣ, и разстрѣливались совершенно не причастные къ бѣлому движенію, на примѣръ, за работу при бѣлыхъ въ кооперативѣ, какъ Баркъ, причемъ вся его семья была безжалостно выброшена на улицу, или управляющій пивнымъ заводомъ, Даманскій, за принадлежность къ польской національности. Даманскій не принималъ никакого участія въ бѣломъ движеніи.

Въ Симферополѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе архіепископъ Симферопольскій и Таврическій Діонисій — семидесятилѣтній старецъ. Къ нему въ его помѣщеніе былъ поставленъ автомобильный дивизионъ, и ему была оставлена одна только комната. Большевики хотѣли его арестовать по обвиненію въ контрреволюціи и увезти въ Севастополь для допроса Ревтрибуналомъ, но населеніе, окруживъ домъ плотной толпой, не выдало его, заявивъ большевикамъ, что если необходимо его допрашивать, то Ревтрибуналъ можетъ для этого пріѣхать сюда изъ Севастополя, и большевики отступились, оставивъ архіепископа въ покоѣ.

Рабочее населеніе г. Симферополя, а также и всего Крыма еще и при генералѣ Врангелѣ, какъ я слышалъ, въ своей массѣ было довольно режимомъ бѣлыхъ и особыхъ симпатій къ большевикамъ не проявляло за исключеніемъ, конечно, подпольниковъ - коммунистовъ, оставленныхъ большевиками при первомъ ихъ уходѣ изъ Крыма или присланныхъ черезъ фронтъ, которые работали между этой массой, стараясь возстановить ихъ противъ власти бѣлыхъ, но большого успѣха не имѣли. Бѣлая власть въ Крыму, вѣроятно, наученная прежними ошибками, удѣляла много вниманія рабочему классу и обезпечила ему приличное существованіе. Мнѣ рассказывали, что вообще при томъ общемъ паденіи цѣнности рубля, которое было въ Крыму, а отсюда и колоссальной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, рабочіе все-таки не терпѣли той острой нужды,

которую они встрѣтили съ приходомъ въ Крымъ большевиковъ. При генералѣ Врангелѣ трудъ былъ все-таки урегулированъ и оплачивался довольно хорошо, во всякомъ случаѣ настолько, что за тѣ деньги, которыя получалъ рабочій, онъ могъ приобрести все необходимое. Такъ, на примѣръ, рабочій зарабатывалъ въ день 250 000 рублей, хлѣбъ же стоилъ 15—20 тыс. фунтъ, а фунтъ сала 50 тыс. рублей. Слѣдовательно, на дневной заработокъ можно было обезпечить себя и свою семью пропитаніемъ. Теперь же, съ приходомъ большевиковъ, Врангелевскія деньги были аннулированы, что создало сразу же недовольство среди рабочихъ, такъ какъ у нихъ собралась уже значительная сумма ихъ, кромѣ того, хотя фунтъ хлѣба вначалѣ стоилъ 100 рублей совѣтскими деньгами (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ уже стоилъ 6 000 руб.), но за то жалованья чернорабочій получалъ 4—5 000 руб., а квалифицированный — максимумъ 9 000 руб. Конечно, сразу же сказалась разница между жизнью рабочаго при бѣлой власти и совѣтской. Это не замедлило отразиться на настроеніи рабочихъ; къ этому надо прибавить, что въ то время, согласно совѣтскихъ декретовъ, рабочій не имѣлъ права распоряжаться самъ собой, т. е. примѣнять свой трудъ тамъ, гдѣ онъ хочетъ, ибо всѣ рабочіе считались государственными служащими и должны были служить въ тѣхъ предприятияхъ, гдѣ они были необходимы совѣтской власти, не считавшейся ни съ мѣстомъ службы, ни съ желаніемъ рабочаго служить въ данномъ предпріятіи. Такъ, на примѣръ, былъ объявленъ декретъ, по которому рабочіе металлургическихъ предпріятій могли быть переводимы, въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, до Сибири и Урала включительно, причемъ согласія на такой переводъ у рабочихъ не спрашивалось, такъ какъ они были мобилизованы, какъ работники трудовой арміи. Для рабочихъ все это было дико и непонятно; не то они видѣли у Врангеля и не того они ожидали отъ совѣтской власти. Получалось уже рабство, противъ котораго они ничего не могли подѣлать. Профессиональные союзы, прежде защищавшіе интересы рабочихъ противъ капитала, реформированные большевиками, стали государственными учрежденіями, принимающими ближе къ сердцу интересы государственнаго капитала, чѣмъ рабочаго. Все это отшатнуло крымскихъ рабочихъ отъ большевицкой власти и создало непримиримое отношеніе къ ней. Но, такъ какъ вылить эту непримиримость тѣми способами, которыми они пользовались прежде, т. е. забастовками и бунтомъ, было невозможно, ибо за этимъ слѣдовали немедленныя жестокія расправы, до разстрѣловъ включительно, то пришлось покорно нести свою лямку, вздыхая о счастливомъ времени при бѣлой власти, и слать проклятія большевикамъ, оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ.

То же самое происходило съ татарскимъ и крестьянскимъ населеніемъ. Здѣсь кляли большевиковъ за ихъ продразверстку, за реквизицію лошадей, за наряды подводъ и за расквартированіе красноармейцевъ по ихъ саклямъ и хатамъ. Особенно, за послѣднее, такъ какъ они обязаны были этихъ красноармейцевъ и кормить. Какъ на примѣръ перемѣны настроенія крестьянскаго населенія къ большевикамъ, можно указать на слѣдующее. По Ялтинскому шоссе въ 20 верстахъ отъ Симферополя находилось большое село, населенное преимущественно выходцами изъ Великороссіи — кацапами. Жители его при бѣлой власти пользовались репутаціей самыхъ отъявленныхъ большевиковъ. Какъ говорили въ Симферополѣ, они доставляли массу хлопотъ бѣлымъ, давая убѣжище подпольникамъ и выдѣляя изъ своей среды коммунистовъ; высказывали явно, не скрываясь, свои симпатіи къ большевикамъ и радостно ожидали ихъ прибытія въ Крымъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ прихода совѣтской власти, это село первое подверглось продразвесткѣ и тотчасъ оно начало служить убѣжищемъ для всѣхъ скрывающихся офицеровъ-врангелевцевъ, которыхъ оттуда препровождали въ горы и которымъ доставляли безвозмездно туда же провіантъ. Это говорилъ мнѣ проводникъ-татаринъ, вывозившій тайно офицеровъ изъ Симферополя.

На южномъ берегу Крыма имѣнія и виллы, представлявшія цѣнность по своему мѣстоположенію, красотѣ и роскоши, были заняты подъ пролетарскія сана-

торіи, которая наполнились пациентами со всей Россіи. Сюда направлены были подъ видомъ пролетаріевъ преимущественно коммунисты, дѣятели Чэка и Особыхъ отдѣловъ, жаждущіе отдохнуть отъ понесенныхъ ими трудовъ. Жажда побывать въ этихъ санаторіяхъ была между ними такъ сильна, что я, ѣдучи по желѣзной дорогѣ изъ Александровска въ Симферополь, разговорился съ однимъ субъектомъ, который оказался коммунистомъ изъ Семипалатинска, ѣхавшимъ въ отдѣлъ Народнаго Здравоохраненія Крыма, чтобы получить мѣсто въ Ялтинской санаторіи. Крымъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ Всероссійской Здравоохраненіи, а г. Ялта былъ переименованъ въ Красноармейскъ. Но все это продолжалось недолго: черезъ два мѣсяца въ Крыму уже начался голодъ и въ санаторіяхъ кормить было нечѣмъ. Всѣ эти пациенты потянулись обратно, не испытывавъ той буржуазной жизни, которая имъ мерещилась.

Съ приходомъ большевиковъ въ Крымъ, Врангелевскія деньги были аннулированы и населеніе, оставшееся безъ денежныхъ знаковъ, усиленно понесло на базары свои продукты, которые, несмотря на запрещеніе свободной торговли, въ первое время поражали насъ своей дешевизной по сравненію съ Совдепией. Такъ, напримѣръ, фунтъ табаку фабрики Стамболи стоилъ 800 руб., натуральный чай, о которомъ въ Совдепії забыли тогда и думать, стоилъ 1200 руб. фунтъ и т. д. Но все это было только въ первое время. Черезъ два мѣсяца базары уже были пусты, а если что и было на нихъ, то цѣны были даже выше, чѣмъ въ Совдепії, Все было скуплено спекулянтами и, если у нихъ по дорогѣ не было отобрано заградительными отрядами, то вывезено въ Москву.

Въ Симферополѣ трамвай не работалъ, электричество отпускалось только въ тѣ квартиры, гдѣ жили коммунисты или совѣтскіе служащіе, населеніе, не имѣя керосина, сидѣло впотѣмахъ. Вскорѣ послѣ этого пришла другая напасть: выгребныя ямы переполнились и вывозить ихъ было некому. Содержимое стало переливаться черезъ край по дворамъ. Совѣтская власть вышла изъ этого затрудненія. Въ зданіи бывшей губернской земской управы, въ одномъ изъ этажей котораго былъ расположенъ Совнархозъ Крыма, нечистоты залили весь дворъ. Обитатели дома обратились къ предсѣдателю Совнарохоза, какъ компетентному лицу, съ просьбой принять мѣры для очистки выгребныхъ ямъ. Онъ, за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ, приказалъ содержимое выпускать на улицу. Этимъ приказомъ стали руководиться и въ другихъ домахъ, такъ какъ иныхъ средствъ освободиться отъ нечистотъ не было, и они заполнили улицы, заражая зловоніемъ воздухъ.

Отсутствіе топлива сильно сказывалось на жителяхъ. Раньше дома отапливались или углемъ, доставляемымъ изъ Крымскихъ копей, или же дровами, заготовленными на Яйлѣ. Теперь же ни того, ни другого не было. Правда, для заготовки этого топлива отправлялись туда, на принудительныя работы, уцѣлѣвшіе отъ разстрѣла контръ-революціонеры, но заготовки эти были ничтожны и кромѣ того имъ препятствовали зеленые, а поэтому весь запасъ заготовленнаго топлива хваталъ лишь на отопленіе квартиръ лицъ высшаго коммунистическаго міра, остальное же населеніе принуждено было мерзнуть, спиливая лишь деревья съ улицъ для варки пищи. Мнѣ самому приходилось при наступившихъ холодахъ сидѣть въ комнатѣ при 4—5 градусахъ Реомюра. То же самое было и на службѣ во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Впрочемъ это явленіе было ново только для Крыма, такъ какъ въ Совдепії давно уже привыкли къ этому; въ Московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ шли занятія даже при — 12-ти градусахъ Реомюра.

Большое лишеніе несли жители изъ-за отсутствія бань; имѣвшіяся въ городѣ бани были націонализированы и предоставлены въ распоряженіе красной арміи, но вслѣдъ за этимъ онѣ отъ неумѣлаго обращенія были приведены въ негодность, такъ какъ были испорчены водопроводныя трубы и отсутствіе воды заставило закрыть бани. Жители были предоставлены въ этомъ отношеніи самимъ себѣ. Развитіе сильной эпидеміи тифа всѣхъ видовъ и вшивость, какъ

результатъ отсутствія бань, все это увеличивало смертность среди населенія и красноармейцевъ, трупы которыхъ вереницами везли на кладбище, сваливали въ общую яму; но большевицкая власть на все это мало обращала вниманія. Она была занята искорененіемъ контръ-революціи и вывозомъ награбленнаго имущества въ Совдепію.

IX.

Съ переходомъ инспекціи пѣхоты въ Симферополь въ ней произошли перемѣны. Былъ объявленъ новый штатъ, увеличивающій число помощниковъ инспектора съ одного до трехъ, и инструкторовъ — съ четырехъ до двѣнадцати. Инспекторомъ пѣхоты былъ назначенъ бывший подполковникъ Симоновъ, совершенно безцвѣтная личность, боявшійся большевиковъ и все время думавшій, что его арестуютъ, хотя его ревностная служба не давала никакого повода къ этому, да и прошлое по отношенію его къ большевикамъ было совершенно безупречно, такъ какъ, будучи при большевистскомъ переворотѣ въ Москвѣ, онъ былъ ими тамъ мобилизованъ и зачисленъ на службу въ штабъ Московскаго Военнаго Округа. Будучи трусомъ по природѣ, онъ, конечно, не могъ принимать участія въ какомъ-либо заговорѣ противъ большевиковъ. Въ число трехъ помощниковъ инспектора пѣхоты былъ назначенъ и я.

Еще будучи на западномъ фронтѣ и состоя въ должности инструктора инспекціи, я одно время рисковалъ быть назначеннымъ инспекторомъ пѣхоты арміи, такъ какъ, какъ я уже выше писалъ, эту должность занималъ бывший заурядъ-военный чиновникъ, на что обратилъ вниманіе инспекторъ пѣхоты западнаго фронта, бывший командиръ гвардейскаго корпуса Императорской арміи Чернавинъ, которому были подчинены инспектора арміи. Чернавинъ представляетъ собою яркій примѣръ бывшаго гвардейскаго генерала, который, не будучи коммунистомъ, добросовѣстно служитъ совѣтской власти, получая за это всѣ блага жизни въ Совдепіи. Генерала Чернавина я еще прежде зналъ, до войны, по совмѣстной службѣ въ Финляндіи. Это Императорскій стрѣлокъ, въ послѣдствіи командиръ 7-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, наивѣрнопопуданнѣйшій Императора, при всѣхъ случаяхъ во время командованія склонявшій кстати и не кстати «Царь батюшка» и «Царица матушка». Будучи, какъ офицеръ 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, лично извѣстенъ Императору, онъ продѣлалъ быструю карьеру, именно на рекламированіи своей преданности Монарху и даже состоялъ преподавателемъ и воспитателемъ Великихъ Князей Кирилла и Бориса Владиміровичей. Въ послѣдствіи онъ командовалъ 3-й гвардейской дивизіей, а на войнѣ и гвардейскимъ корпусомъ. Больно и обидно мнѣ было читать его приказы въ качествѣ инспектора пѣхоты западнаго фронта, въ которыхъ онъ громилъ подчиненныхъ за саботажъ, нежеланіе искренне служить совѣтской власти и призывалъ всѣхъ бывшихъ офицеровъ сплотиться вокругъ нея и своимъ опытомъ и знаніемъ принести ей пользу, угрожая въ противномъ случаѣ репрессіями. Своимъ личнымъ примѣромъ въ этомъ дѣлѣ, знаніями воспитанія и подготовки къ бою солдата, которыя несомнѣнно у него были, онъ отдался весь службѣ совѣтской власти и требовалъ этого и отъ инспекціи пѣхоты арміи. Если бы это былъ не Чернавинъ, то съ этимъ можно было бы какъ-нибудь и помириться, но это былъ именно тотъ Чернавинъ, котораго я зналъ по его прежнимъ монархическимъ убѣжденіямъ. Какъ можетъ низко пасть человѣкъ! Такъ вотъ этотъ Чернавинъ обратилъ вниманіе на то, что на должности инспектора 4-й арміи состоитъ бывший заурядъ-военный чиновникъ, а на должности инструктора инспекціи — бывший генералъ-майоръ, и потребовалъ назначенія на эту должность меня. На мое счастье въ это время появился присланный изъ Москвы бывший подполковникъ Нуркъ, котораго и назначили инспекторомъ пѣхоты 4-й арміи, ибо мнѣ удалось доказать члену Реввоенсовѣта 4-й арміи Меж-

лауку, что я на эту отвѣтственную должность не гожусь. Теперь уже отъ должности помощника инспектора пѣхоты мнѣ уклониться не пришлось, да впрочемъ, она мало чѣмъ и отличалась отъ инструктора пѣхоты. Обязанности были тѣ же самыя.

Изъ штаба арміи было приказано инспектору пѣхоты отправить кого-либо отъ инспекціи въ городъ Джанкой для наблюденія за формированіемъ тамъ запаснаго полка изъ солдатъ - врангелевцевъ. Симоновъ, зная, что до сихъ поръ еще я никуда не ѣздилъ въ командировку, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать мнѣ непріятность, такъ какъ зналъ мое нежеланіе работать вообще на совѣтскую власть, назначилъ въ эту командировку меня. Меня же эта командировка устраивала, такъ какъ я, уѣзжая изъ Симферополя въ маленькій городокъ - деревню, перестану видѣть терроръ въ Симферополѣ и въ глуши нѣсколько отдохну отъ него.

17-го декабря я выѣхалъ въ Джанкой, при чемъ мнѣ повезло — я ѣхалъ до него всего только сутки, такъ какъ попалъ въ поѣздъ какого-то сильнаго въ коммунистическомъ мірѣ лица, ѣхавшаго въ Москву, для котораго были устранены всѣ задержки въ пути. Попасть же въ этотъ поѣздъ мнѣ было сравнительно легко, такъ какъ я имѣлъ мандатъ штаба арміи и къ тому же послѣ того, какъ я прибылъ въ Вильно, гдѣ я могъ, по мнѣнію даже коммунистовъ, совершенно свободно остаться, о чемъ говорилъ мнѣ комиссаръ инспекціи пѣхоты, за мной прекратилась слѣжка чекистовъ, и я пріобрѣлъ довѣріе у коммунистовъ. Благодаря этому меня свободно пустили въ поѣздъ этого «высокопоставленнаго лица», иначе мнѣ бы пришлось разстояніе въ 80 верстъ ѣхать около четырехъ сутокъ.

Пріѣхавъ въ Джанкой, я засталъ тамъ командира полка бывшаго прапорщика Остапчука, который формировалъ тамъ штабъ полка, но размѣстить полкъ онъ тамъ не могъ за неимѣніемъ мѣста. Джанкой — небольшой поселокъ, только что переименованный большевиками въ городъ, былъ переполненъ госпиталями и всевозможными совѣтскими учрежденіями, и о размѣщеніи еще кого-либо нечего было и думать, ибо въ городѣ были только мазанки, а всѣ деревянные зданія уже были разобраны на дрова для паровозовъ. Я далъ телеграмму инспектору объ этомъ и въ ожиданіи отвѣта прожилъ спокойно 10 дней, дѣйствительно отдохнувъ душою въ семьѣ нѣмца - колониста. 27-го декабря пришелъ отвѣтъ, что формирование запаснаго полка въ Джанкоѣ отмѣняется и чтобы я ѣхалъ инспектировать 42-ю дивизию, а для полученія инструкцій по этому поводу заѣхалъ бы по пути въ полевой штабъ арміи, стоявшій въ это время въ вагонахъ на станціи Мелитополь.

Въ это время на желѣзной дорогѣ творилось что-то невѣроятное. При занятіи Крыма желѣзнодорожники, служившіе при генералѣ Врангелѣ, были сняты со своихъ мѣстъ, какъ не заслуживающіе довѣрія у большевиковъ, и эксплуатация была передана военной власти въ лицѣ «Начвосо». И чего только она здѣсь ни надѣлала. При продвиженіи впередъ большевиковъ, посылались безъ всякаго порядка, очереди и расписанія поѣзда, которые забили собой всѣ станціи отъ Александровска до Севастополя такъ, что остановилось почти совсѣмъ движеніе поѣздовъ. Видя всю эту неразбериху, призвали опять обратно на прежнія мѣста старыхъ желѣзнодорожниковъ, но и они уже ничего не могли подѣлать. Тогда была назначена «тройка» изъ коммунистовъ съ диктаторскими полномочіями, которая выѣхала на мѣста стоянки застрявшихъ поѣздовъ. Она обнаружила, что на нѣкоторыхъ станціяхъ стояли пустые составы, такъ какъ изъ нихъ войска выгрузились и отправились пѣшимъ порядкомъ къ мѣсту назначенія, или же стояли до сихъ поръ погруженные имуществомъ и продовольствіемъ перевозимымъ вслѣдъ за арміей, но какой части это принадлежало теперь, этого нельзя было выяснитъ, такъ какъ конвоиры отъ холода и голода разбѣжались. Приказано было этотъ грузъ выгрузить и отправить въ армейскіе склады путемъ перевозки на крестьянскихъ лошадяхъ, согнанныхъ для этого принудительнымъ порядкомъ, отъ чего поднялся, конечно, ропотъ среди крестьянъ. Пустые ва-

гоны, въ виду невозможности ихъ вытащить изъ образовавшихся тупиковъ и неимѣнія топлива для паровозовъ, приказано было просто сбросить съ рельсъ. Но эта рѣшительная мѣра мало помогла дѣлу: во главѣ желѣзнодорожнаго хозяйства стояли круглые невѣжды комиссары, вчерашніе приказчики мелочныхъ лавокъ и продавцы сельдей, а низшій составъ служащихъ думалъ только о томъ, чтобы при поѣздкѣ «спекулировать», съ цѣлью обезпечить себѣ и своей семьѣ существованіе, и желѣзнодорожной службой не дорожилъ, готовый всегда ее покинуть, чего однако не могъ сдѣлать, такъ какъ былъ мобилизованъ. Другая причина остановки желѣзнодорожнаго движенія, которая достигла своей кульминаціонной точки въ декабрь—февраль мѣсяцахъ 1920—1921 года, это отсутствіе здоровыхъ паровозовъ и топлива для нихъ. Я уже упомянулъ выше, что на всѣхъ значительныхъ узловыхъ станціяхъ образовались громадныя кладбища паровозовъ; кромѣ того, при случайной, даже и не значительной поломкѣ частей паровоза онъ чинится въ мѣстномъ депо, крайне медленно, такъ какъ нѣтъ матеріала и инструмента, да нѣтъ и времени мастерамъ, которые изъ казеннаго матеріала дѣлаютъ сковороды, лемехи къ плугамъ, гвозди, зажигалки и т. п. для обмѣна на хлѣбъ, сало и колбасу у крестьянъ, такъ какъ послѣдніе продукты на деньги не продавали. Если же паровозъ и выходилъ изъ депо, то въ пути онъ вскорѣ опять ломался.

Топливо для паровозовъ добывалось тоже оригинальнымъ способомъ. Обыкновенно машинистъ заявлялъ пассажирамъ поѣзда, что, если хотятъ ѣхать дальше, то для этого надо добыть дрова на паровозъ, иначе онъ уйдетъ съ паровозомъ на оставшихся парахъ до ближайшаго депо, такъ какъ боится его заморозить. На югѣ Россіи нѣтъ лѣса, и потому пассажирами дружно разбирались деревянные постройки сначала на станціяхъ, гдѣ были раньше громадныя ссыпные пункты зерна, а когда онѣ были уже прикончены, то и частные дома, причемъ, конечно, никакого протеста со стороны владѣльца не могло быть, такъ какъ, во-первыхъ, частная собственность въ Совдепѣ была отмѣнена, а во-вторыхъ, это были не пассажирскіе поѣзда, а воинскіе эшелоны, двигающіеся по государственными соображеніямъ, и поэтому эти разборки дѣлались по приказанію комиссара поѣзда именемъ совѣтской власти. Конечно, разборка такихъ домовъ тоже скоро кончилась, такъ какъ на югѣ въ деревняхъ большей частью мазанки изъ глины или дома изъ мѣстнаго пиленнаго камня, и тогда уже топлива совершенно не стало, а отсюда, какъ результатъ этого, прекратилось движеніе поѣздовъ.

Согласно телеграммы, о которой я упомянулъ выше, мнѣ надо было ѣхать въ Мелитополь. На станціи стояла масса застрявшихъ поѣздовъ и, который изъ нихъ отойдетъ первымъ, никто, по обыкновению, на станціи не зналъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ я, при посредствѣ начальника О. Р. Т. Ч. К. (Отдѣленіе районной транспортной чрезвычайной комиссіи), получилъ мѣсто въ теплушкѣ перваго отходящаго поѣзда, который въ тотъ день вечеромъ отходилъ отъ Джанкоя, простоявъ тамъ три недѣли. Это, оказывается, былъ эшелонъ въ 82 вагона, переполненный солдатами, изголодавшимися на станціи и мерзнувшими отъ холода въ вагонахъ. Въ головѣ этого поѣзда было 17 вагоновъ какой-то «технической связи юга», перевозимой въ Москву, во главѣ съ ея начальникомъ. Для наблюденія за этой перевозкой былъ назначенъ комиссаръ изъ Москвы. Начальникъ связи былъ такъ любезенъ, что помѣстилъ меня у себя въ теплушкѣ, и мы тронулись. Шли довольно хорошо, но, не доѣхавъ трехъ станцій до Мелитополя, машинистъ заявилъ, что у него кончается топливо и онъ уходитъ въ Мелитополь на оставшихся парахъ и бросаетъ составъ, такъ какъ на этой станціи всѣ дома были уже разобраны и достать дровъ было негдѣ, за исключеніемъ самой станціи, которую разбирать было уже нельзя. Тогда начальникъ связи и комиссаръ изъ Москвы стали просить машиниста, чтобы онъ захватилъ съ собою хотя ихъ 17 вагоновъ и довезъ бы до Мелитополя, конечно, для этого между нами была собрана порядочная сумма и вручена машинисту вмѣстѣ съ

просьбой, такъ какъ иначе мы рисковали сидѣть на этой станціи, пожалуй, еще три недѣли. Интереснѣе всего то, что въ сборѣ этой суммы принималъ участіе и московскій комиссаръ. Машинистъ согласился, но красноармейцы узнали, что ихъ вагоны остаются, и потребовали, чтобы или ихъ всѣхъ посадили бы въ эти 17 вагоновъ, или же поѣздъ слѣдовалъ дальше въ полномъ составѣ. Машиниста же одного не отпускали. Тогда московскій комиссаръ попробовалъ ихъ застрашать разстрѣлами, но они схватили его, избили и положили на рельсы подъ паровозъ связаннымъ, заявивъ машинисту, что онъ можетъ тронуться, но только переѣхавъ комиссара. Я при этомъ не былъ, такъ какъ сидѣлъ въ теплушкѣ, но мнѣ все это рассказывалъ вернувшійся отъ паровоза, дрожащій отъ страха начальникъ связи. Было три часа ночи, толпа красноармейцевъ шумѣла и выкрикивала уже угрозы по адресу всего состава связи, предлагая вышвырнуть ее изъ вагоновъ, а самимъ погрузиться въ нихъ. Это были демобилизованные красноармейцы, распускаемые по домамъ послѣ ликвидаціи бѣлыхъ въ Крыму. Положеніе спасъ машинистъ. Онъ объявилъ, что если снимутъ съ рельсъ комиссара и посадятъ обратно въ теплушку, то онъ пойдетъ дальше со всѣмъ составомъ поѣзда, но не ранѣе, какъ часа черезъ два, такъ какъ ему надо поднять паръ. Комиссара возвратили на мѣсто, толпа разошлась, и мы дѣйствительно черезъ два часа тронулись. На слѣдующей станціи мы узнали, что въ нашемъ поѣздѣ не 82, а 20 вагоновъ, изъ нихъ 17 вагоновъ связи и 3 вагона съ красноармейцами, которыхъ пришлось взять съ собой, такъ какъ отцѣпить только первые 17 вагоновъ незамѣтно для красноармейцевъ не было возможности, и машинистъ, обманувъ ихъ, долженъ былъ сдѣлать расцѣпку на 20-мъ вагонѣ.

Въ Мелитополѣ полевой штабъ 4-й арміи стоялъ въ поѣздѣ на станціи и велъ операціи противъ бандъ Махно, которыя дѣйствовали въ Мариупольскомъ, Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Екатеринославская губернія и Полтавская тоже были наводнены бандами другихъ наименованій. По линіи желѣзной дороги шли постоянныя нападенія на поѣзда, при чемъ, какъ правило, рубились головы командному составу и коммунистамъ, а красноармейцы раздѣвались и въ одномъ бѣльѣ отпускались на всѣ четыре стороны, за исключеніемъ тѣхъ, которые добровольно поступали въ банды. Жители селъ и деревень относились сочувственно къ бандитамъ, укрывали ихъ и снабжали продовольствіемъ, а сами пополняли ряды бандъ, мстя красной власти за тѣ насилія, которыя она имъ чинила. Бандиты были совершенно неуловимыми для красной арміи, имѣя прекрасный конскій составъ, какъ у конницы, такъ и у повозокъ — «тачанокъ», прекрасныхъ рессорныхъ телѣжекъ, отобранныхъ у колонистовъ, на которыхъ перевозились пулеметы и пѣхота. Они, появившись въ одномъ мѣстѣ, производили налетъ и, не принимая боя, быстро разсѣивались при появленіи силъ красныхъ, дѣлая переходы въ сутки иногда отъ 200 до 300 верстъ, мѣняя въ пути загнанныхъ лошадей у крестьянъ, на что послѣдніе никогда не претендовали. Самая подвижная и остроумная организація у Махно были пулеметные полки. Это были 300—400 тачанокъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, причемъ на одной помѣщался пулеметъ и четыре номера, а на другой тачанкѣ патроны къ нимъ. Стрѣльба производилась прямо съ тачанки. Легкость экипажа позволяла скакать по степи безъ дороги, появляясь неожиданно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершенно не ждали. Бандиты Махно были одѣты также, какъ мѣстное населеніе, и поэтому, распознать въ крестьянинѣ махновца краснымъ было очень трудно. Мнѣ рассказывали впослѣдствіи, когда я инспектировалъ 42-ю дивизію, слѣдующіе случаи: идетъ погоня за бандой махновцевъ, которые разсѣялись, но нѣсколько тачанокъ не выпускаются изъ вида и ихъ уже настигаютъ. Тачанки влетаютъ въ деревню, красные за ними. Южныя деревни имѣютъ нѣсколько улицъ и вотъ на одномъ изъ поворотовъ за угломъ никого не видно. Тачанки словно провалились сквозь землю. Красные ѣдутъ по улицамъ, заглядывая во дворы: никого нѣтъ. На дворѣ старый дѣдъ вѣетъ рожь,

а молодой парень молотить хлѣбъ, понукая лошадей. — «Эй, дѣдъ, не видѣлъ ли, куда поѣхали тачанки?» — «А якъ же бачивъ, ось погнали до степу, тажъ тилько пыль виднѣется». — «А кто жъ у тебя хлѣбъ молотить?» — «А то мий сынъ Апонасъ, та жъ такой дурный, скаженный, ни слова не кажетъ». Красные бросаются догонять тачанки по указанному направленію, а «скаженный хлопецъ» вытаскиваетъ изъ скирды хлѣба винтовку, отпрягаетъ лошадей отъ привода, на подмогу къ нему выходятъ еще трое «скаженныхъ хлопцевъ», впрягаютъ лошадей въ тачанку, спрятанную подъ соломой, и ѣдутъ въ другомъ направленіи изъ деревни.

Махно былъ неуловимъ. 6-го декабря онъ былъ подъ Бердянскомъ окруженъ кольцомъ изъ трехъ дивизій, въ томъ числѣ и 42-й, которой командовалъ пресловутый Розень, находившійся, впрочемъ, въ то время въ отпуску. Штабъ 4-й арміи ежечасно получалъ телеграммы, что Махно не вырвется и на этотъ разъ попадетъ въ руки красныхъ войскъ. Однако, на разсвѣтѣ 6-го декабря Махно, собравъ всѣ свои силы, обрушился на 42-ю дивизию, которую буквально разбросалъ, и вырвался изъ окружающаго его кольца. О преслѣдованіи нечего было и думать; онъ благополучно прошелъ въ громадное село Большой Токмакъ, гдѣ расположился на отдыхъ. Завладѣвъ Бердянскомъ, онъ произвелъ страшную рѣзню коммунистовъ и команднаго состава красноармейскихъ частей. Всѣ только что сформированныя здѣсь совѣтскія учрежденія были поголовно вырѣзаны. Дивизиі вновь окружили его въ Большомъ Токмакѣ, опять заранѣе праздная надъ нимъ побѣду. Махно повторилъ тотъ же маневръ, вновь разорвалъ окружавшее его кольцо и съ отрядомъ, численность котораго доходила до 5 000 человекъ, бросился къ Никополу. Здѣсь онъ перешелъ по льду на правую сторону Днѣпра и, несмотря на то, что на перерѣзъ ему была брошена 1-я конная армія изъ Екатеринослава, не могшая впрочемъ его догнать на своихъ заморенныхъ лошадяхъ, онъ прошелъ сѣвернѣе Екатеринослава снова по льду черезъ Днѣпръ, направился въ южную часть Полтавской губерніи, минуя Константиноградъ, Зміевъ, и дошелъ до гор. Бирюча, Воронежской губерніи, откуда черезъ Купянскъ, Лиманъ, Бахмутъ къ 15 января вновь вернулся въ свою резиденцію Гуляй-Поле. Это былъ, дѣйствительно, изумительный по быстротѣ рейдъ. Дѣлая по 250—300 верстъ въ сутки, мѣняя загнанныхъ лошадей на привалахъ у крестьянъ, онъ далеко оставилъ преслѣдовавшія его конныя красныя части, которыя не могли войти съ нимъ даже въ соприкосновеніе. Кромѣ того, во время этого рейда по всему югу Украины оперировали шайки бандитовъ, можетъ быть, и не состоявшія подъ командованіемъ Махно, но, во всякомъ случаѣ, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль — борьбу съ большевиками. Эти банды отвлекали вниманіе красныхъ отъ преслѣдованія Махно, сбивая ихъ съ пути и увлекая ихъ въ другую сторону. Все это создало Махно громадную популярность среди населенія юга Украины, и оно возлагало на него свои надежды, что онъ избавитъ ихъ отъ большевиковъ. Мелкія шайки другихъ наименованій тревожили окрестности Александровска, Бердянска, Мелитополя, угрожая даже Крыму. Съ цѣлью борьбы, какъ съ Махно, такъ и съ другими шайками, командующій арміей Лазаревичъ выѣхалъ съ полевымъ штабомъ въ Мелитополь.

Въ штабѣ арміи я засталъ крайне нервное настроеніе. Шайки бандитовъ оперировали уже подъ самымъ Мелитополемъ, дѣйствуя на пути сообщенія между разбросанными по уѣзду отдѣльными частями красныхъ; вырѣзывали агентовъ продрозверстки и комнезаможей (комитеты бѣдноты), а также и всѣхъ совѣтскихъ учрежденій, только что здѣсь насажденныхъ, останавливали поѣзда, при чемъ красноармейцы отпускались раздѣтыми, а комсоставу и коммунистамъ рубились головы. Все это было и далѣе за Мелитополемъ по всему югу Украины. Въ штабѣ задумывалась новая операція противъ Махно, для чего изъ Екатеринослава въ Александровскъ перебрасывался 3-й конный корпусъ, подъ командой Каширина, бывшаго подъесаула Уральскаго казачьяго войска — коммуниста.

Для разбора дѣла и выясненія виновныхъ лицъ въ прорывѣ Махно черезъ окружавшее его кольцо красныхъ, 6-го и 12-го декабря выѣхали на мѣсто и дѣйствовали уже цѣлыхъ три комиссіи: одна отъ Ревтрибунала 4-ой арміи, другая отъ Особого отдѣла 4-ой арміи и третья отъ В. Ч. К. изъ Москвы. Когда я былъ у Лазаревича, то послѣдній просилъ меня вмѣстѣ съ инспектированіемъ 42-ой дивизіи выяснитъ лично для него степень виновности въ прорывѣ Махно ея Начдива Розена, такъ какъ онъ въ разговорѣ со мной отозвался отрицательно о Розенѣ, какъ начальникъ дивизіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ хотѣлъ свести съ Розеномъ личные счеты еще за то время, когда Розенъ былъ въ числѣ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, а Лазаревичъ завѣдывающимъ курсомъ, при чемъ Розенъ постоянно агитировалъ противъ него. На счастье Розена, онъ въ окруженіи Махно подъ Бердянскомъ не участвовалъ, такъ какъ былъ въ отпуску.

Въ штабѣ я узналъ, что 42-ая дивизія въ данное время стояла въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ и вела операціи противъ бандитовъ, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскъ. На время инспекціи мною 42-ой дивизіи мнѣ были присвоены права командующаго арміей, при чемъ я имѣлъ право смѣщать начальниковъ частей до Начдивовъ включительно, но частнымъ образомъ начальникъ штаба Рошковскій просилъ меня этого не дѣлать, такъ какъ ихъ замѣнить было некъмъ. Пользоваться же этимъ правомъ не входило въ мой цѣли. Тутъ же я видѣлъ и командира 3-го коннаго корпуса Каширина, который, только что вернувшись отъ Лазаревича, показывалъ всѣмъ драгоцѣнную, всю усыпанную брилліантами шашку, украденную изъ сокровищницъ Эмира Бухарскаго, пожалованную ему Реввоенсовѣтомъ Совѣтской Республики. Это была драгоцѣнная и рѣдкая вещь, какъ по своему качеству, такъ и по массѣ брилліантовъ, насаженныхъ на золотомъ эфесѣ, ножнахъ и чистаго золота портупелѣ. Присутствующіе здѣсь коммунисты рассказывали, что при занятіи Бухары совѣтской властью, изъ хранилищъ Эмира Бухарскаго было привезено 7 вагоновъ золота и драгоцѣнностей, при чемъ и упомянутая шашка была въ этомъ числѣ.

При второй конной арміи была интернаціональная бригада, состоявшая поэскадронно изъ всевозможныхъ національностей, коммунистовъ; тутъ были и венгры, и поляки, и персы, и кавказскіе горцы, и китайцы и проч. Бригада эта участвовала въ насажденіи совѣтской власти въ Бухарѣ и, конечно, въ грабежѣ, какъ имущества Эмира, такъ и его «буржуевъ». Почти у каждаго всадника этой бригады, помимо массы драгоцѣнностей, были шашки, подобныя этой. Немудрено, что до сихъ поръ существуетъ Туркестанскій фронтъ и тамъ идетъ борьба съ басмачами. Неблагодарные азіаты до сихъ поръ не могутъ понять прелести коммунизма и забыть способы его насажденія.

Между прочимъ, эта бригада весною 1921 года была расформирована за неповиновеніе совѣтской власти. Въ ней были слишкомъ явныя тенденціи къ переходу на сторону Махно, такъ какъ всѣ попытки дисциплины, которую хотѣли въ нихъ внѣдрить, казались ея чинамъ неприемлемыми, послѣ той распушенности, къ которой они поощрялись самой совѣтской властью въ Бухарѣ.

Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Александровскъ вмѣстѣ съ Каширинымъ въ его поѣздѣ и 1-го января 1921 г. былъ уже тамъ.

Х.

Въ Александровскѣ стоялъ штабъ 42-ой дивизіи и штабъ 3-ей бригады этой дивизіи, части которой были разбросаны по окружающимъ городъ селамъ и деревнямъ, для непосредственной защиты города отъ бандитовъ. Въ штабѣ дивизіи я засталъ начдива Розена, который въ виду своей командировки въ академію генеральнаго штаба, сдавалъ дивизію вновь назначенному начдиву, Калмыкову, кавалеру ордена краснаго знамени, бывшему кадровому фельдфебелю 22-го сапер-

наго батальона, стоявшаго до войны въ Гельсингфорсѣ. Съ Розеномъ въ академію уѣзжалъ и начальникъ штаба дивизіи. Преемника ему не было назначено, и онъ сдавалъ временно должность начальнику административнаго управленія дивизіи.

Мнѣ впервые пришлось встрѣтиться со штабомъ дивизіи красныхъ, и я нашелъ здѣсь полный сумбуръ. Во главѣ штаба дивизіи стояли бывшіе офицеры, большей частью бывшіе подпоручики и поручики, а такъ какъ въ Совѣтской Россіи писарей нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть письмоводители, т. е. тѣ же самые прежніе писаря, только какъ бы повышенные рангомъ, то дѣлопроизводство въ общемъ кое-какъ шло, но оно поражало, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ, громадной перепиской, при полномъ отсутствіи бумаги, чернилъ и проч. письменныхъ принадлежностей. Писали всѣмъ: въ перепискѣ между собой состояли даже отдѣленія штаба. Впрочемъ, для переписки было нѣкоторое оправданіе: въ Совѣтской Россіи на слово никому не вѣрятъ. Писали и пишутъ на чемъ угодно: на оберточной и почтовой бумагѣ, на старыхъ дѣлахъ, реквизированныхъ изъ архивовъ церковныхъ, судебныхъ учреждений, банковъ, земскихъ управъ, полицейскихъ управленій. Получаешь иной разъ бумагу совѣтскаго учрежденія, а на другой сторонѣ ея оказывается метрическое свидѣтельство какой-нибудь церкви.

Штабъ дивизіи я рѣшилъ инспектировать послѣ осмотра частей ея, но въ концѣ концовъ мнѣ не пришлось сдѣлать этого, такъ какъ я заболѣлъ тифомъ. Въ дивизіи меня приняли очень любезно и съ нѣкоторымъ страхомъ. Какъ никакъ, я для нихъ въ данную минуту представлялъ особу, облеченную властью командующаго арміей, и при усердіи могъ въ строевомъ отношеніи подложить имъ всѣмъ, до комиссара включительно, свинью. Вѣроятно, поэтому, мнѣ была отведена комендантомъ штаба дивизіи у частныхъ жителей отличная комната, конечно, принудительно, а также и предложенъ столъ въ штабѣ дивизіи. Такимъ же вниманіемъ и гостепріимствомъ и, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, я пользовался, какъ въ штабахъ бригадъ, такъ и въ полкахъ этой дивизіи.

Переночевавъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, я выѣхалъ рано утромъ 2-го января для инспектированія 3-й бригады. Хозяйка квартиры горько жаловалась мнѣ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1920 года она потеряла мужа, а въ ноябрѣ того же года сына, которые были убиты въ уѣздѣ неизвѣстно кѣмъ, по всей вѣроятности, крестьянами, за то, что они служили агентами по продовольственной разверсткѣ. При этомъ добавила, что они не были коммунистами, а принуждены были служить по мобилизаціи продовольственныхъ работниковъ (была и такая мобилизація въ Совдепіи); убиты были звѣрскимъ образомъ: тѣла ихъ нашли за деревней со вспоротыми животами, наполненными пшеницей, съ прикрѣпленной запиской, на которой значилось: «разверстка выполнена». Тогда это былъ общій удѣлъ агентовъ продразверстки, а теперь — агентовъ продналога, если они отлучатся куда-нибудь безъ конвоя.

Въ штабѣ бригады дали мнѣ экипажъ, и я отправился въ ея полки. Всѣ три полка стояли на небольшомъ разстояніи отъ города и вокругъ него. Они заняты были несеніемъ сторожевой службы, выставленіемъ постовъ и заставъ въ предполагаемомъ направленіи мѣстонахожденія бандитовъ и карательными экспедиціями противъ тѣхъ деревень, а въ частности, и домовъ, гдѣ имѣли пріютъ эти бандиты. Экспедиціями этими завѣдывалъ комиссаръ, съ приданными къ нему агентами отъ Особаго Отдѣла дивизіи, при чемъ никакого судебного разбирательства и установленія факта виновности судебнымъ слѣдствіемъ не было. Достаточно было, если комиссаръ или агенты Особаго Отдѣла подозрѣвали крестьянина не только въ томъ, что онъ, или кто-либо изъ его членовъ семьи, былъ бандитомъ, но что у него, по слухамъ, переночевали бандиты, чтобы таковой былъ разстрѣлянъ тутъ же комиссаромъ или агентами. Все это, конечно, сильно волновало крестьянъ, вызывало страшную ненависть къ красной арміи, но подѣлать они ничего не могли: слишкомъ они были уже запуганы.

Общее впечатлѣніе отъ полковъ составилось очень неважное. Въ это время шла демобилизація красной арміи — увольняли старшіе сроки службы — и, поэтому, число штыковъ въ полкахъ колебалось отъ семидесяти до ста пятидесяти. Пулеметныхъ командъ въ полкахъ было отъ одной до трехъ, а численность пулеметовъ въ командѣ — отъ двухъ до восьми (штатъ—восемь), такъ какъ въ недавнихъ бояхъ съ Махно пулеметы были имъ отняты. Пулеметы были на тачанкахъ. Оружіе было въ совершенно негодномъ видѣ: заржавленное, съ поломанными прицѣлами и мушками и, какъ общее правило, безъ штыковъ; красноармейцы ихъ не любятъ носить и, какъ лишнюю тяжесть, обыкновенно бросаютъ. Оружіе было старой Императорской арміи еще Германской войны, но между ними попадались винтовки Тульского завода, изготовленія 1920 года. На эти винтовки особенно жаловался командный составъ, такъ какъ онѣ были крайне грубо и небрежно изготовлены, и послѣ 20—30 выстрѣловъ затворъ давалъ отказъ, такъ какъ соединительныя планки затвора, вслѣдствіе отсутствія стали, дѣлались изъ желѣза и отъ выстрѣловъ гнулись. Винтовки, очевидно, никогда не осматривались и не протирались. Конечно, этому находили оправданія — отсутствіе смазочнаго полусала, котораго, дѣйствительно, не было и въ поминѣ, но, тѣмъ не менѣе, не было и никакого ухода за винтовкой. При осмотрѣ полка, выведеннаго на инспекторскій смотръ, въ строю попадались сплошь и рядомъ красноармейцы, у которыхъ были заряжены винтовки, въ оправданіе чего они говорили, что вчера смѣнились съ караула. Значитъ, требуемаго уставомъ осмотра винтовокъ, послѣ караула, не производилось, а уставы въ красной арміи остались прежніе. Люди, несмотря на команду «смирно, равеніе на право», когда въ то же время командиръ подходилъ ко мнѣ съ рапортомъ, разговаривали между собой, подпрыгивая на мѣстѣ отъ холода, а по мѣрѣ прохожденія мною ротъ, слышны были возгласы пожеланія отпуска по домамъ. Конечно, люди были не стриженные, съ громадными волосами, о недопустимости чего неоднократно отдавались приказы по арміи и фронту, въ оборванной одеждѣ и въ рваныхъ сапогахъ или лаптяхъ. Понятія объ установкѣ прицѣла не имѣлъ никто, но разсыпаніе въ цѣпь и перебѣжку при наступленіи знали.

Командный составъ представлялъ совершенно невѣжественный, въ военномъ дѣлѣ, элементъ, по сравненію съ тѣмъ, къ чему я привыкъ въ старой арміи. За исключеніемъ командировъ полковъ, между которыми только одинъ былъ изъ фельдфебелей, командный составъ отъ батальоновъ до ротныхъ командировъ былъ преимущественно изъ бывшихъ унтеръ-офицеровъ старой арміи. Командиры полковъ говорили мнѣ, что и это уже очень хорошо, такъ какъ теперь появляются новые красные командиры, которые ровно никуда не годятся. Недостатокъ на этихъ должностяхъ прежнихъ офицеровъ они объясняли громадной убылью, понесенной въ лѣтнихъ бояхъ съ арміей генерала Врангеля и тифозными эпидеміями. Интереснѣе всего, что съ ними предписывалось вести тактическія занятія по образцу и примѣрамъ старой арміи; но какимъ же могъ быть руководителемъ этихъ занятій командиръ полка, въ большинствѣ случаевъ, прапорщикъ производства временъ Керенскаго.

Конскій составъ былъ малочисленъ: на полкъ — отъ 80 до 120 лошадей, въ томъ числѣ обозныя, команды конныхъ развѣдчиковъ и пулеметныя. Обоза, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, а все имущество перевозилось, какъ я выше говорилъ, на принудительно согнанныхъ для этого крестьянскихъ подводахъ; въ случаѣ же внезапнаго отступленія или, вѣрнѣе говоря, бѣгства, все бросалось и попадало въ руки бандитовъ, вслѣдствіе чего, никакого имущества въ полкахъ и не было. Конскій составъ былъ крайне изнуренъ, вслѣдствіе безкормицы и плохого ухода. Лошади были покрыты сплошной чесоткой, которую лѣчить было нечѣмъ, некому и негдѣ, такъ какъ лѣченіе этой болѣзни требуетъ медикаментовъ и теплыхъ конюшенъ.

Въ Совдепіи распространено мнѣніе, что чесотку занесли въ Россію нѣмцы при оккупации Украины, такъ какъ у нихъ въ то время были сильно истощенныя

отъ безкормицы лошади. Можетъ быть, это и такъ, но я думаю, что главную роль здѣсь сыграло отсутствіе ухода за лошадыю, который сразу же прекратился еще въ старой арміи, вмѣстѣ съ возвѣщенной Керенскимъ деклараціей правъ «самаго свободнаго въ мірѣ» солдата. Во всякомъ случаѣ это — въ настоящее время громадное бѣдствіе для Россіи, такъ какъ, вызвавъ сильный падежъ конскаго состава въ арміи, чему я лично былъ свидѣтелемъ, зараза эта быстро распространяется и между крестьянскими лошадыми, а лѣчить ихъ нечѣмъ, и конскій составъ государства идетъ на убыль даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онъ сравнительно обезпеченъ фуражемъ, какъ, на примѣръ, въ Западномъ краѣ.

Учебныхъ занятій съ людьми, конечно, не производилось, но за то ежедневно они собирались принудительно на такъ называемые «митинги», на которыхъ коммунисты полкового культпросвѣта настойчиво вбивали въ головы красноармейцамъ прелести коммунистическаго строя и разжигали ненависть къ буржуазіи. Обыкновенно вначалѣ, пробывъ на этихъ митингахъ около получаса, красноармейцы понемногу расходились, и ораторы оставались одинокими, но въ послѣдствіи комиссары полка приказывали ставить часовыхъ къ выходу изъ помѣщенія, и такимъ образомъ, аудитория оставалась полна до самаго конца.

Покончивъ съ осмотромъ полковъ 3-й бригады, я направился въ расположеніе 2-й бригады, полки которой были расположены по лѣвому берегу рѣки Днѣпра, вверхъ по теченію отъ г. Александровска до порога «Ненаситець».

Здѣсь также полки заняты были несеніемъ сторожевой службы противъ бандъ, выставляя сторожевое охраненіе по берегу рѣки Днѣпра. Численность полковъ была та же самая, что и въ третьей бригадѣ, и въ томъ же состояніи было и вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе людей. Полки были расположены въ когда-то богатыхъ селахъ, конечно, на полномъ иждивеніи крестьянъ. Видно было, что это не особенно имъ нравилось, такъ какъ приходилось тратить запасы, приходившіе къ концу, но развѣ на ихъ неудовольствіе обращалъ кто-нибудь вниманіе?

Здѣсь вездѣ были видны слѣды только что минувшей гражданской войны: разоренныя и сожженныя усадьбы, а у громаднаго села Павло-Кичкась, гдѣ желѣзнодорожный путь пересѣкалъ рѣку Днѣпръ, висѣлъ обоими концами въ воду желѣзнодорожный мостъ, взорванный большевиками при отступленіи ихъ изъ города Александровска лѣтомъ 1920 года подъ натискомъ войскъ генерала Врангеля. Мостъ этотъ, по рассказамъ жителей, представлялъ міровую достопримѣчательность мостовой архитектуры, такъ какъ онъ былъ построенъ безъ быковъ. Здѣсь Днѣпръ, прорывая каменную гряду, идетъ между громадной высоты отвѣсными скалами; и вотъ черезъ эти скалы былъ переброшенъ ажурной работы желѣзный мостъ, казавшійся висящимъ на воздухѣ. Подъ нимъ совершенно свободно проходили громадные пароходы, такъ какъ высота обоихъ скалистыхъ береговъ допускала возможность выстроить мостъ безъ разводной части.

Все это представляло печальную картину разрушенія и не давало никакой надежды возстановить этотъ мостъ средствами Совѣтской Республики.

Въ этотъ годъ была довольно суровая зима, и знаменитый порогъ «Ненаситець» замерзъ. Все было тихо кругомъ, тогда какъ даже въ теплыя зимы ревъ «Ненаситеца» былъ слышенъ за десятки верстъ, какъ говорили жители.

Окончивъ въ четыре дня осмотръ 2-ой бригады, я возвратился въ городъ Александровскъ, откуда на другой день выѣхалъ въ городъ Орѣховъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ 1-ой бригады 42-ой дивизіи, а полки ея разбросаны по окружнымъ селамъ и деревнямъ.

Орѣховъ находился въ 60 верстахъ отъ г. Александровска; къ нему ведетъ большая шоссеяная дорога. Это было центральное мѣсто недавнихъ боевъ съ войсками генерала Врангеля. Вездѣ валялись лошадиные трупы, видны были наскоро сдѣланные окопы и воронки отъ снарядовъ. Въ 10 верстахъ отъ г. Орѣ-

хова находится громадное село Жеребець, 15 верстъ длиною; въ немъ уже находился штабъ 42-ой дивизіи, перешедшій сюда изъ города Александровска.

Приѣхавъ 3-го января 1921 года въ г. Орѣховъ, я на другой день выѣхалъ въ село Малую Токмачку, расположенное въ 7 верстахъ къ югу отъ Орѣхова, для осмотра расположеннаго тамъ полка первой бригады. Это — огромное село въ 8 верстъ длины, съ нѣсколькими улицами и тремя каменными церквями. Осмотрѣвъ расположенный здѣсь полкъ, который не отличался ничѣмъ отъ другихъ полковъ дивизіи, я остался здѣсь встрѣтить Рождество, помѣстившись у командира полка, который былъ произведенъ въ офицеры во время Германской войны изъ старыхъ фельдфебелей и въ настоящее время былъ — коммунистомъ. Однако, коммунизмъ не мѣшалъ ему долго молиться утромъ и вечеромъ передъ иконами въ красномъ углу хаты и итти вмѣстѣ со мной въ день праздника Рождества къ обѣднѣ въ церковь. Церковь была настолько переполнена народомъ, что мы съ большимъ трудомъ попали лишь въ притворъ ея. Между богомольцами виднѣлись и красноармейцы. Насколько я могъ замѣтить, крестьяне этого села относились къ красноармейцамъ и ихъ начальникамъ, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ сдержанно и никакихъ симпатій не проявляли. Причиной этому были, повидимому, слухи о подвигахъ бандъ Махно, которымъ сочувствовало крестьянство, и, кромѣ того, недовольство большевистскими войсками за постой, реквизиціи хлѣба и фуража и подводную повинность, на которую особенно крестьянство жаловалось.

На третій день праздника, 8-го января, я выѣхалъ обратно, рано утромъ въ г. Орѣховъ, осмотрѣлъ тамъ другой полкъ этой бригады и утромъ 9-го января выѣхалъ въ село «Новониколаевское», расположенное въ 60 верстахъ отъ г. Орѣхова и въ 12 верстахъ не доѣзжая до г. Гуляй-Поле, гдѣ въ это время находилась резиденція Махно. Когда я вечеромъ накануне отъѣзда прощался съ командиромъ полка, у котораго я просилъ лошадей для переѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что мы завтра еще увидимся, такъ какъ онъ будетъ лично провожать меня. Я поспѣшилъ отклонить эти проводы, находя это лишнимъ, но онъ категорически мнѣ заявилъ, что онъ сдѣлаетъ это, такъ какъ ему лично нужно осмотрѣть тотъ конвой, который будетъ меня сопровождать. Упомянутое о конвоѣ меня удивило, и я поспѣшилъ отъ него отказаться, но командиръ полка заявилъ мнѣ, что отпустить безъ конвоя онъ меня ни въ коемъ случаѣ не можетъ, такъ какъ получилъ на это приказаніе отъ начальника дивизіи, и что вообще ѣхать одному небезопасно, такъ какъ дорога идетъ глухой степью по разореннымъ еще въ 1918 г. до основанія хуторамъ и нѣмецкимъ колоніямъ, въ которыхъ теперь устраиваютъ засады бандиты Махно, и что ежедневно приходятъ донесенія о нападеніяхъ на одиночно слѣдующихъ людей, принадлежащихъ къ составу красной арміи.

Въ семь часовъ утра 9-го января я тронулся на рессорной тачанкѣ въ Новониколаевку, сопровождаемый другой тачанкой, на которой находился пулеметъ и 4 номера, и, кромѣ того, окруженный 20 всадниками съ винтовками за плечами. Переѣздъ былъ совершенъ благополучно, никакихъ бандитовъ я не видѣлъ, но за то меня поразила разоренность этой мѣстности. Пришлось проѣхать много хуторовъ и нѣсколько нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ не видно было ни одной живой души; вездѣ были только однѣ развалины, слѣды пожарищъ и валялись обломанные части земледѣльческихъ машинъ и локобилей для паровыхъ молотилокъ и вѣялокъ. Степь лежала кругомъ заброшенная, не вспаханная, заросшая бурьяномъ и ковылемъ. А вѣдь еще недавно это были житницы, поставлявшія пшеницу за границу. Немудрено, что теперь въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ распространено людоѣдство.

Приѣхавъ въ село Новониколаевское въ тотъ же день поздно вечеромъ, я помѣстился въ отведенной мнѣ командиромъ полка комнатѣ въ семействѣ бывшаго сельскаго торговца, жившаго когда-то зажиточно, а теперь зачисленнаго въ разрядъ буржуевъ и поэтому обобраннаго Совѣтской властью. Семья эта со-

стояла изъ самого хозяина, старика 70 лѣтъ, его жены, больной старухи и четырехъ взрослыхъ молодцовъ - сыновей, старшій изъ которыхъ былъ уже вдовъ, а двое его дѣтей были на попеченіи больной старухи. Всѣ они видимо перебивались съ хлѣба на квасъ и встрѣтили меня, хотя и любезно, но сдержанно.

На другой день 10-го января я произвелъ смотръ полку. Полкъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ, численность въ немъ была 147 штыковъ, и командиръ полка, а также и комиссаръ мнѣ жаловались на оторванность его отъ остальныхъ частей дивизіи, указывая, что въ случаѣ серьезныхъ дѣйствій со стороны Махно, который находится отсюда въ 12 верстахъ, въ г. Гуляй-Полѣ, имъ придется всѣмъ погибнуть, такъ какъ они не могутъ оказать серьезнаго сопротивленія по своей малочисленности, тѣмъ болѣе, что и путь отступленія на Орѣховъ кишитъ бандами. Красноармейцы полка, прекрасно зная это положеніе и не ожидая себѣ пощады отъ Махно, были настроены панически.

Это былъ послѣдній полкъ 42-ой дивизіи, который я осмотрѣлъ, и мнѣ оставалось ѣхать въ село Жеребецъ инспектировать штабъ дивизіи и этимъ закончить свою командировку. На другой день утромъ 11-го января я предполагалъ выѣхать въ обратный путь, но всю ночь мнѣ нездоровилось, лихорадило. Утромъ я почувствовалъ, что въ этотъ день выѣхать не могу, и послалъ за полковымъ врачомъ, который вскорѣ прибылъ и опредѣлилъ у меня возвратный тифъ. Этого, собственно говоря, я и долженъ былъ ожидать, такъ какъ за все время моего путешествія я былъ покрытъ вшами, между которыми вѣроятно оказались и тифозныя. Однако, заболѣть здѣсь въ Новониколаевскомъ, гдѣ нѣтъ никакого лѣчебнаго заведенія, лежать въ тифу въ 12-ти верстномъ разстояніи отъ резиденціи Махно, было крайне рискованно. Перевезти-же меня обратно въ ближайшій госпиталь въ г. Орѣховъ на разстояніи 60 верстъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ у меня была высокая температура, а на дворѣ стояли 15-ти градусныя морозы, при сильномъ степномъ вѣтрѣ. Ко всему этому — полное отсутствіе медикаментовъ, что дѣлало мое положеніе крайне незавиднымъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось покориться судьбѣ и плыть по теченію. На мое счастье полковой врачъ оказался очень внимательнымъ и знающимъ свое дѣло. Онъ ежедневно посѣщалъ меня утромъ и вечеромъ, а въ часы возврата тифа все время сидѣлъ около моей постели. Командиръ полка и комиссаръ проявили также ко мнѣ большое участіе и немедленно въ день моего заболѣванія послали нарочныхъ въ г. Александровскъ за камфорой, впрыскиваніе которой было необходимо для поддержанія дѣятельности сердца при 40 градусной температурѣ. Къ моему счастью камфора тамъ оказалась, и она спасла меня отъ смерти. Большимъ вниманіемъ я пользовался также и со стороны моихъ хозяевъ, которые, узнавъ во мнѣ бывшаго бѣлаго офицера, всячески старались высказать свое расположеніе, а сыновья по ночамъ по очереди дежурили у моей постели. Бывали и довольно неприятныя минуты, когда командиръ полка мнѣ осторожно сообщалъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, ожидается нападеніе бандитовъ на полкъ и что въ такомъ случаѣ, въ виду малочисленности полка, придется отступать, или вѣрнѣе говоря, бѣжать, при чемъ для этого случая дежурила на дворѣ у меня запряженная парой лошадей тачанка съ одѣялами, въ которую, въ случаѣ внезапнаго бѣгства, предполагалось меня бросить и мчаться вмѣстѣ съ полкомъ. Однако, къ счастью, до этого дѣла не дошло.

Перенеся три приступа тифа, я къ 15 февраля лежалъ въ постели, хотя и съ нормальной температурой, но сильно ослабленный приступами, и не могъ подняться. 16 февраля, рано утромъ, ко мнѣ пришелъ крайне взволнованный полковой врачъ и сказалъ, что получены крайне тревожныя вѣсти о предстоящемъ нападеніи на Новониколаевку бандитовъ и что, поэтому, онъ рѣшилъ меня отправить для дальнѣйшаго лѣченія въ бригадный госпиталь въ г. Орѣховъ, такъ какъ температура у меня теперь нормальная, и, если я буду тепло одѣтъ, то смогу перенести этотъ переѣздъ, тѣмъ болѣе, что у него при околоткѣ имѣется реквизируемая гдѣ-то у нѣмецкихъ колонистовъ карета, и онъ мнѣ дастъ до-

статочное количество одѣяль для теплоты. Оставаться же при полку онъ считаетъ настолько опаснымъ, что если бы онъ самъ имѣлъ возможность уѣхать отсюда, то немедленно бы это сдѣлалъ. Мнѣ, конечно, осталось только поблагодарить его за любезное ко мнѣ отношеніе и исполнить его совѣтъ. Тотчасъ же я простился со своими милыми хозяевами, горячо поблагодаривъ ихъ за любовное ко мнѣ отношеніе и питаніе, такъ какъ они все время меня и кормили, главнымъ образомъ, молокомъ, которое мнѣ такъ было необходимо; сѣлъ въ карету, запряженную четверкой крестьянскихъ лошадей и отправился съ санитаромъ въ путь - дорогу. Ко мнѣ въ карету докторъ посадилъ еще одного красноармейца, у котораго былъ возвратный тифъ, направляя его въ тотъ же госпиталь, куда ѣхалъ и я. Конвоя на этотъ разъ со мной уже никакого не было, за малочисленностью людей въ полку.

Переѣздъ былъ совершенъ относительно благополучно, въ смыслѣ встрѣчи съ бандитами, но не доѣзжая 8 верстъ до Орѣхова, сломалась задняя ось кареты, и мы очутились въ совершенно беспомощномъ состояніи среди голой степи. Не было ни дерева, ни топора, ни веревокъ, которыми можно было бы кое-какъ исправить ось и дотащить до Орѣхова. Наступала ночь, мы были совершенно беспомощны, дулъ сильный морозный вѣтеръ, а у моего компаньона красноармейца начался приступъ тифа. Онъ былъ весь въ поту, и я, опасаясь, что онъ простудится, укрылъ его всѣми имѣющимися одѣялами, оставшись самъ въ одной шинели. Становилось холодно, темно и помощи ждать откуда нибудь не приходилось. Проходившій встрѣчный обозъ красноармейцевъ продовольственного транспорта, на наши просьбы довести насъ въ Орѣховъ, отказался это сдѣлать. Надо было выходить изъ создавшагося положенія. Кромѣ насъ, двухъ больныхъ, съ нами находился санитаръ и два хохла - крестьянина, владѣльцы лошадей. Я приказалъ отпрячь двухъ лошадей и ѣхать въ г. Орѣховъ санитару и возницѣ крестьянину, гдѣ обратиться въ Исполкомъ съ требованіемъ дать подводу для перевозки насъ, а также добыть топоръ, веревки и жердь для исправленія оси кареты. Санитаръ и хохоль взгромоздились верхомъ на лошадей и скрылись въ темнотѣ. Мы остались съ другимъ хохломъ, который отъ холода забрался къ намъ внутрь кареты.

Холодный степной вѣтеръ сильно знобилъ насъ, а красноармеецъ бился въ припадкѣ тифа. Хохоль послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

«Да, вотъ гдѣ сидятъ у насъ большевики», указывая на шею. «Вотъ вы приходите къ намъ въ деревню, становитесь къ намъ на квартиры, берете у насъ послѣдній хлѣбъ, овесъ, сѣно, гоняете насъ въ подводы, и мы ничего на это сказать не въ силахъ. Вы уходите, завтра приходятъ банды Махно, дѣлаютъ то же самое, и мы и имъ ничего не можемъ сказать. Они уходятъ, приходите опять вы и говорите, что мы даемъ приютъ бандитамъ, и начинается за это расправа. Мѣсяць тому назадъ у насъ въ деревнѣ ваша Чека разстрѣляла за такое гостепріимство 34 человекъ, въ томъ числѣ моего отца, которому было 70 лѣтъ. Скажите, пожалуйста, можемъ ли мы любить и уважать совѣтскую власть?»

Все это было сказано съ такой злобой и ненавистью къ намъ, такъ какъ въ глазахъ его мы были тѣ же большевики, что я ожидалъ, что онъ возьметъ шкворень, который тутъ же валялся, прикончитъ меня и красноармейца и, пользуясь темнотой, уѣдетъ въ степь. Къ счастью нашему, онъ или не догадался, или не хотѣлъ этого сдѣлать. Я не пытался его убѣждать въ томъ, что я не причастенъ къ этому дѣлу, что я не принадлежу къ большевикамъ, такъ какъ считалъ это излишнимъ, ибо не надѣялся, что онъ мнѣ повѣритъ. Становилось все холоднѣе и холоднѣе; у тифознаго красноармейца припадокъ кончился, и я обращалъ все свое вниманіе на то, чтобы онъ не простудился, стараясь закутать его одѣялами отъ вѣтра. Наконецъ, часа черезъ четыре, послѣ того, какъ посланные въ Орѣховъ скрылись изъ нашихъ глазъ, послышался шумъ колесъ телѣги и топотъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ подѣхала къ намъ телѣга въ сопровожденіи верховыхъ: санитаръ и хохла - возницы. Привезли веревки и жердь. Санитаръ

разсказаль, что онъ просилъ долго въ Исполкомѣ подводу, въ которой ему тамъ отказали, и наконецъ послѣ того, какъ пригрозилъ отправиться съ жалобой на него къ коменданту, получилъ просимое. Я, видя, что тифозному красноармейцу немыслимо было ѣхать въ открытой телѣгѣ по степи при холодномъ вѣтрѣ, приказаль перенести себя въ телѣгу, а подъ ось кареты подвести жердь, впрячь лошадей въ карету и, оставивъ въ каретѣ красноармейца, везти его въ Орѣховъ.

Такимъ образомъ въ первомъ часу ночи мы прибыли въ Орѣховъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ госпиталя нашли его помѣщеннымъ въ зданіи бывшаго земельного банка. Однако, въ госпиталь насъ не хотѣли впустить, говоря, что нѣтъ мѣсть, и предлагали намъ ѣхать туда, откуда мы прибыли. Пришлось поднять шумъ, на который сбѣжались дежурная сестра, фельдшера и, наконецъ, главный врачъ госпиталя. На его вопросъ, почему здѣсь такой шумъ, я объяснилъ, что потому, что насъ тифозныхъ больныхъ не впускаютъ въ госпиталь. Главный врачъ тоже было заявилъ, что мѣсть нѣтъ, но когда я на это предъявилъ свой мандатъ помощника инспектора пѣхоты 4-й арміи, которому поручено произвести инспекторскій смотръ 42-й дивизіи и всѣмъ ея учрежденіямъ, въ томъ числѣ и санитарнымъ, то получился большой конфузъ: мѣсто для меня и красноармейца моментально нашлось и даже, несмотря на поздній часъ времени, намъ былъ предложенъ ужинъ. Помѣщенъ я былъ, конечно, вмѣстѣ со всѣми красноармейцами, такъ какъ у большевиковъ для команднаго состава отдѣльныхъ помѣщеній нѣтъ. Мой красноармеецъ такъ ко мнѣ привязался за то, что я позаботился о немъ, когда съ нимъ былъ припадокъ въ степи, что непремѣнно требоваль, чтобы его койка стояла рядомъ съ моей, чего онъ и добился, и всѣмъ разсказываль о моемъ уходѣ за нимъ.

Здѣсь, въ госпиталѣ, мнѣ пришлось близко познакомиться съ состояніемъ санитарной части большевицкой арміи и лично испытать всѣ лишенія и невзгоды, которыя переносили красноармейцы, имѣвшіе несчастье попасть въ лѣчебное заведеніе. Могу съ увѣренностью сказать, что мнѣ посчастливилось, когда я, заболѣвъ тифомъ въ Новониколаевскѣ, не былъ отправленъ въ госпиталь за дальностью разстоянія и остался лежать на частной квартирѣ, гдѣ я имѣль хорошій уходъ и лѣченіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ я, по всей вѣроятности, отправился бы уже къ праотцамъ.

Госпиталь былъ расположенъ въ помѣщеніи земельного банка и комплектовался исключительно тифозными больными. Въ небольшой залѣ помѣщались больные возвратнымъ тифомъ, число которыхъ доходило въ этой палатѣ до 50, при чемъ уплотненіе было таково, что на двухъ сдвинутыхъ койкахъ помѣщались трое. Рядомъ съ этой палатой находилась другая, ходъ въ которую шелъ черезъ нашу, при чемъ дверей даже не было. Въ этой палатѣ лежало около 25 больныхъ сыпнымъ тифомъ. Помимо переноса заразы сыпного тифа къ больнымъ возвратнымъ тифомъ и обратно сидѣлками и санитарками, которыя были общими, была громадная опасность заразиться переползающими вшами, такъ какъ больные были ими буквально покрыты, и избавиться отъ нихъ не было никакой возможности, да и персоналомъ госпиталя къ этому даже никакихъ попытокъ и не дѣлалось. Впрочемъ, едва ли они что-либо и могли бы сдѣлать. Какъ на примѣръ, укажу, что больнымъ никакой ванны не дѣлалось за отсутствіемъ горячей воды, ибо топлива въ г. Орѣховѣ не было, и температура палаты не превышала 10 градусовъ Реомюра. Приѣхавъ въ госпиталь, я, не будучи еще въ ваннѣ или банѣ, попросилъ на другой день сдѣлать мнѣ ванну и, конечно, получилъ отказъ за отсутствіемъ горячей воды, хотя и былъ въ госпиталѣ большой персоной. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ принесли казенное больничное бѣлье и, такъ какъ свое у меня было очень грязное, то я обрадовался случаю и хотѣль переодѣться, но былъ остановленъ своимъ сосѣдомъ по койкѣ, который сказаль мнѣ:

«Товарищъ инспекторъ, что вы дѣлаете? Посмотрите, вѣдь на бѣльѣ ползаютъ вши; лучше уже оставайтесь въ своемъ, а то снова заболѣете уже сыпнымъ тифомъ».

И дѣйствительно, когда я разсмотрѣлъ бѣлье болѣе внимательно, то на немъ оказалась такая масса вшей, что я отъ смѣны отказался. Оказывается, за неимѣніемъ горячей воды и мыла, бѣлье, снятое съ больныхъ, стирали только въ холодной водѣ, сушили и вновь выдавали въ носку. Немудрено, что въ госпиталѣ были одновременно больные сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ.

Въ госпиталѣ былъ главный врачъ, который, какъ и полагается вообще главному врачу, былъ занятъ канцеляріей госпиталя и отчетностью, предсѣдательствомъ въ комиссіяхъ по освидѣтельствуванію выздоравливающихъ и т. п. и поэтому появлялся одинъ разъ въ день въ палатѣ, проходя ее, какъ можно скорѣй. Кромѣ него, были два врача - ординатора — двѣ еврейки, мобилизованныя совѣтской властью; одна постарше, окончившая курсъ медицинскаго факультета еще до Германской войны, знающая свое дѣло и пользовавшаяся поэтому довѣріемъ и уваженіемъ среди больныхъ. Она завѣдывала отдѣленіемъ сыпного тифа. Другая только что кончила медицинскій факультетъ Кіевскаго университета и поэтому не пользовалась никакимъ довѣріемъ у больныхъ и фельдшеровъ старой школы. Последніе называли ее «совѣтскимъ выкидышемъ». Обѣ онѣ были очень милыя, заботливыя и внимательныя по отношенію къ больнымъ, но что онѣ могли подѣлать, когда не было лѣкарствъ, медикаментовъ, ни сносныхъ условій для ухода за больными, а главнымъ образомъ камфоры для впрыскиванія при приступахъ тифа, для поддержанія дѣятельности сердца. Кормили въ госпиталѣ довольно хорошо. Дѣло въ томъ, что по окрестнымъ селамъ и деревнямъ въ это время производилась продовольственная разверстка и, благодаря этому, больныхъ кормили куринымъ супомъ, яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ. Не было только чаю, а давали вмѣсто него суррогатъ: жженую морковь и 8 золотниковъ сахарнаго песку, чего, конечно, было очень мало.

Очень плохо обстояло въ Орѣховѣ дѣло съ топливомъ, что сильно отражалось на госпиталѣ. Орѣховъ городъ степной, и лѣса въ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ. Въ прежнее время весь этотъ край снабжался каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна. Теперь объ углѣ нечего было и думать. Крестьяне еще кое-какъ вышли изъ положенія, отапливая свои хаты соломой и кизякомъ, но положеніе горожанъ было ужасно. Всѣ деревянныя постройки и заборы въ городѣ были уже сожжены. Городской садъ около собора и громадная тополевая аллея, по которой я въ началѣ января этого года ѣхалъ, теперь была вырублена, и отъ нея, равно какъ и отъ сада, остались только маленькіе пни. Все это сдѣлала военная власть для своихъ нуждъ, жителямъ же было предоставлено право замерзать въ своихъ квартирахъ. Въ 20-хъ числахъ февраля здѣсь выпалъ снѣгъ и продержался при 15 градусахъ мороза съ сильнымъ холоднымъ вѣтромъ до 1-го марта. Это были ужасные дни для здѣшняго населенія и красноармейцевъ. Въ это же время окончательно истощилось всякое топливо въ г. Орѣховѣ. Городская водоканализація прекратила свою дѣятельность за отсутствіемъ топлива. Бросились къ частнымъ колодцамъ, ихъ въ городѣ было немного и они скоро были вычерпаны. Благодаря этому мы, больные, три дня сидѣли совершенно безъ воды, не только горячей, но и холодной. Наконецъ «въ порядкѣ боевого заданія» волостнымъ исполкомамъ приказано было за свой страхъ и рискъ путемъ реквизицій у крестьянъ доставить въ городъ для нуждъ водоканализаціи солому и кизякъ, и она стала вновь функционировать.

Лежа въ госпиталѣ, мы, больные, два раза подвергались опасности попасть въ руки Махно, такъ какъ его банды въ это время находились въ 4-хъ верстахъ всего отъ города и произвели смѣлый налетъ на штабъ 2-й бригады 42-й дивизіи, расположенный въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ они разгромили весь штабъ, убивъ въ немъ 19 человекъ команднаго состава и комиссаровъ, при чемъ

спасся только командиръ бригады Гринбергъ, бывший штабсъ - капитанъ, латышъ - коммунистъ.

Въ г. Орѣховѣ былъ расположенъ только штабъ 1-й бригады со своими учрежденіями, но безъ всякихъ прикрытій. Когда сюда дошелъ слухъ о разгромѣ штаба 2-й бригады, то здѣсь поднялась невѣроятная паника: всѣ, кто могъ, запрягали лошадей и готовились къ бѣгству; намъ же, больнымъ, было объявлено, что за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ насъ оставляютъ въ госпиталѣ, а служебный персоналъ долженъ былъ итти пѣшкомъ. Надо правду сказать, что мы пережили въ эту ночь очень непріятныя минуты, такъ какъ по бывшимъ уже примѣрамъ мы знали, что отъ Махно намъ пощады ждать не приходится. Къ нашему счастью банда ограничилась вышеописаннымъ разгромомъ и куда - то исчезла. Жертвы этого погрома были торжественно похоронены на серединѣ площади въ селѣ Жеребецъ; могилы ихъ я впоследствии видѣлъ, проѣзжая черезъ это село.

Приѣхавъ въ Орѣховъ въ госпиталь, я уже сталъ поправляться отъ тифа; прошелъ инкубаціонный періодъ въ 14 дней, и возвраты тифа болѣе не повторялись, но я былъ очень слабъ и не могъ встать съ постели безъ посторонней помощи. Въ это время у меня начались осложненія послѣ тифа, при чемъ сначала я оглохъ на оба уха. Наши ординаторы отправили меня въ сосѣдній госпиталь къ врачу - специалисту по ушнымъ болѣзнямъ, который нашелъ, что у меня это произошло отъ сильнаго малокровія и что это должно со временемъ пройти. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ко мнѣ вернулся слухъ. Но за то пришла другая бѣда: какъ послѣдствіе возвратнаго тифа, у меня образовалось воспаленіе радужной оболочки лѣваго глаза, а затѣмъ и праваго. Помимо того, что я ослѣпъ, воспаленіе это причиняло сильную боль обоимъ глазъ, особенно по ночамъ. Наши ординаторы не могли опредѣлить эту болѣзнь, а также и лѣчить ее; врача окулиста въ г. Орѣховѣ не было, и они чистосердечно мнѣ признавались, что болѣзни глазъ они не лѣчатъ и что для этого мнѣ надо спѣшить въ городъ Александровскъ, гдѣ по всей вѣроятности есть специалистъ по глазнымъ болѣзнямъ, иначе болѣзнь можетъ осложниться.

Переѣздъ въ городъ Александровскъ меня нѣсколько страшилъ: выпалъ снѣгъ, установился санный путь, морозы доходили до 15 градусовъ съ холоднымъ вѣтромъ, я еще былъ очень слабъ, и вдобавокъ ко всему, у меня, кромѣ шинели, никакой верхней одежды больше не было. Путь до г. Александровска былъ около 70 верстъ и лежалъ черезъ село Жеребецъ, въ которомъ стоялъ штабъ 42-й дивизіи. Кромѣ того, меня еще заботилъ вопросъ о передвиженіи. До штаба дивизіи мнѣ обѣщали дать лошадь изъ госпиталя, а дальнѣйшее путешествіе отъ села Жеребца до г. Александровска надо было совершить уже перевозочными средствами штаба дивизіи. 26 февраля я выѣхалъ въ с. Жеребецъ. Въ штабѣ дивизіи меня встрѣтили очень радушно и сообщили, что изъ Симферополя изъ управленія инспекціи пѣхоты справлялись обо мнѣ и что имъ отвѣтили, что я боленъ. Видя мое безпомощное состояніе, мнѣ дали солдата изъ комендантской команды, для сопровожденія меня въ г. Александровскъ и далѣе, такъ какъ меня надо было водить подъ руку, а на другой день дали пару лошадей, запряженныхъ въ сани, одѣяла, и я въ сопровожденіи красноармейца Тишкова отправился въ г. Александровскъ. На половинѣ пути мы заѣхали обогрѣться и покормить лошадей въ нѣмецкую колонію. Здѣсь меня поразила бѣдность колонистовъ, которые еще въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ были такъ богаты. Въ настоящее время у нихъ были съѣдены всѣ запасы, такъ какъ совѣтская власть обязывала ихъ кормить всѣ проходящія большевицкія части и одиночныхъ красноармейцевъ.

Меня поразила удивительная покорность судьбѣ и отсутствіе всякаго ропота со стороны этихъ нѣмцевъ - колонистовъ на такое распоряженіе. Обыкновенно нарядъ о постоѣ и кормленіи проходящихъ людей давалъ мѣстный колониетскій Волисполкомъ, и каждому колонисту приходилось ежедневно кор-

мить отъ 10 до 30 человѣкъ, при чемъ, конечно, пища состояла изъ ветчины, колбасъ и сала, которыми всегда были такъ богаты колонисты, заготовливая ихъ осенью въ прокъ на цѣлый годъ. Теперь, конечно, всѣ запасы были съѣдены, хлѣбъ и картофель также, и колонисты обрекались на голодное существованіе. Чудныя лошади колонистовъ были забраны конницей Буденнаго, а скотъ зарѣзанъ на мясо. На дворѣ стояли сломанные локомотивы, паровыя молотилки и вѣялки, и настѣжь были раскрыты пустые конюшни и хлѣва. Колонисты, какъ бы окаменѣли отъ горя, и отъ нихъ не было слышно ни жалобъ, ни сожалѣній о быломъ богатствѣ. Жутко было смотрѣть на нихъ, думая, что эти люди обречены на голодную смерть, а теперь, когда я читаю сообщенія о голодѣ въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, то мнѣ всегда приходятъ въ голову эти несчастные страдальцы.

XI.

Въ городѣ Александровскѣ еще находился штабъ 3-й бригады 42-й дивизіи, куда я и явился. Здѣсь мнѣ распоряженіемъ штаба отвели комнату въ семьѣ рабочаго металлургическаго завода, бывшаго Бодянскаго, а на другой день я съ помощью моего новаго вѣстового Тишкова разыскалъ врача - окулиста, который опредѣлилъ родъ болѣзни моихъ глазъ и сказалъ, что слѣпота моя носить затяжной характеръ, но тѣмъ не менѣе есть надежда, что зрѣніе у меня возстановится, на что у него уже есть прецедентъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году особенно много случаевъ осложненій послѣ возвратнаго тифа, именно въ болѣзняхъ глазъ, но до сихъ поръ почти всѣ его пациенты выздоравливали. Утѣшилъ онъ меня еще и тѣмъ, что я долженъ быть благодаренъ судьбѣ за то, что осложненіе вылилось у меня именно въ воспаленіи радужной оболочки глазъ, а не гангренѣ ногъ или рукъ, какъ это имѣло мѣсто при эпидеміи прошлаго года. Для лѣченія мнѣ надо было приходиться къ нему ежедневно два раза въ 10 утра и въ 5 часовъ вечера, когда онъ мнѣ всыпалъ дозы атропина въ глаза, чтобы не заросъ зрачокъ, и кромѣ того, прописалъ приемъ ежедневно по три порошка аспирина. Въ случаѣ же сильной боли - рѣзи, надо было дѣлать горячіе компрессы на глаза, что дѣйствительно черезъ полчаса успокаивало боль. Но все-таки я терпѣлъ сильныя мученія, такъ какъ эта страшная боль, о которой меня предупредилъ врачъ, начиналась обыкновенно часа въ три ночи и, такъ какъ въ это время нельзя было достать кипятку, ибо не будить же было изъ-за этого моихъ хозяевъ, чтобы ставить самоваръ, тѣмъ болѣе, что вопросъ съ углями стоялъ очень остро, то мнѣ приходилось переносить невѣроятныя мученія до 7 часовъ утра, когда подымались мои хозяева. Такъ какъ я ровно ничего не видѣлъ, то къ врачу меня водилъ подъ руку Тишковъ, при чемъ и здѣсь не обошлось безъ приключенія: въ то время, когда мы переходили улицу, на насъ налетѣлъ неожиданно выскочившій изъ-за угла парный извозчикъ и, несмотря на крики Тишкова, чтобы онъ ѣхалъ тише, наскочилъ на насъ, и я попалъ подъ лошадей. Мнѣ посчастливилось какъ-то ухватиться рукой за дышло; я повисъ на немъ; лошади остановились, и меня сбѣжавшійся народъ снялъ съ дышла. Извозчикъ, хотя и былъ самъ во всемъ виноватъ, началъ ругать меня и Тишкова, тогда возмущенная этимъ публика, видѣвшая все это происшествіе, уговорила меня ѣхать на этомъ же извозчикѣ въ милицію и подать заявленіе о неосторожной ѣздѣ извозчика, при чемъ вызвались ѣхать со мной въ качествѣ свидѣтелей. Пришлось исполнить ихъ желаніе, и вотъ я, Тишковъ и три свидѣтеля, усѣвшись въ экипажъ, отправились въ милицію. Извозчикъ все время насъ ругательски поносилъ и увѣрялъ, что намъ придется отсидѣть въ холодной. Въ милиціи насъ встрѣтили довольно холодно и не хотѣли принять моего заявленія, но когда я потребовалъ свиданія съ начальникомъ милиціи и рассказалъ ему о происшедшемъ, предъявивъ свой мандатъ

помощника инспекціи пѣхоты 4-й арміи, то извозчикъ былъ къ большому удовольствію свидѣтелей тотчасъ же арестованъ и тутъ же приговоренъ начальникомъ милиціи къ вывозу навоза съ городской площади въ теченіе мѣсяца безъ права ѣзды для промысла. Свидѣтели мои были очень довольны этимъ рѣшеніемъ, доволенъ былъ и начальникъ милиціи, который сказалъ: «Некому возить накопившейся за зиму навозъ съ улицъ».

Въ г. Александровскѣ, такимъ образомъ, мнѣ пришлось пробыть съ 28-го февраля по 30 марта, при чемъ это время я жилъ исключительно въ рабочей средѣ. Къ моему хозяину, который прежде работалъ литейщикомъ на заводѣ Бодянского, ходило по вечерамъ много его товарищей по заводу, и вотъ здѣсь я много слышался тѣхъ проклятій, которыя сыпались отъ нихъ большевикамъ.

Въ Александровскѣ масса металлургическихъ заводовъ. Въ настоящее время большая часть изъ нихъ разрушена или сожжена, а остальные стояли закрытыми, такъ какъ были расхищены и испорчены машины, растащенъ ручной инструментъ, не было сырья. По словамъ рабочихъ, въ мирное, до-революціонное время число ихъ было до 60 тысячъ, въ настоящее же время ихъ было всего 4 тысячи; остальная масса расплылась по деревнямъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Остались въ городѣ только тѣ, кто имѣлъ недвижимую собственность, т. е. домики, построенный въ болѣе счастливое время, какъ напри-мѣръ, мой хозяинъ. Я жилъ на первой Московской улицѣ, домохозяева которой были сплошь рабочіе бывшихъ заводовъ и фабрикъ г. Александровска. Судя по жизни моего хозяина, это была раньше зажиточная семья, состоящая изъ старухи матери и трехъ женатыхъ сыновей, въ числѣ которыхъ былъ мой хозяинъ. Сыновья жили отдѣльными семьями въ двухъ собственныхъ домахъ, около которыхъ были разбиты фруктовый садъ и огородъ. Все это они наслѣдовали отъ своего отца, который точно также работалъ на заводѣ. Жили они, по ихъ словамъ, зажиточно, сытно и не стѣснялись въ средствахъ, какъ впрочемъ и остальные рабочіе-домовладѣльцы этой улицы. Съ какимъ восторгомъ они вспоминали доброе старое время, когда могли ни въ чемъ себѣ не отказывать. Рассказывали о своемъ путешествіи на выставки въ Екатеринославъ и Кіевъ, о той дешевизнѣ, которая тогда была. По ихъ словамъ, въ то время они, какъ и большая часть рабочихъ, принадлежали къ социаль-демократической партіи, отъ идей которой у нихъ теперь не осталось и слѣда, и они сами пребываніе въ этой партіи въ настоящее время называли утопией. Рассказывали про 1905 годъ, про движеніе, которое было между рабочими въ г. Александровскѣ и которое выразилось въ открытомъ возстаніи, про ихъ борьбу съ войсками, когда, по ихъ словамъ, на улицахъ Александровска «цѣлые эскадроны взлетали на воздухъ». Всю эту борьбу они теперь вспоминали съ горечью и раскаяніемъ, такъ какъ результатъ этого привелъ ихъ къ большевизму и его послѣдствіямъ, т. е. обнищанію, лишенію свободнаго слова и выраженія мысли и тѣмъ болѣе какого-либо протеста противъ коммунистовъ, которые плотно засѣли въ ихъ профессиональный союзъ и заставляютъ ихъ итти тѣмъ путемъ, которымъ они не хотятъ. Вспоминали они очень тепло своего хозяина Бодянского, германскаго подданнаго, находящагося въ настоящее время въ Германіи, на заводахъ котораго работало до 20 000 рабочихъ и который, по ихъ словамъ, проявлялъ большую заботу и справедливость къ нимъ, что, однако, въ свое время не мѣшало рабочимъ предъявлять къ нему еще большія требованія, о чемъ они теперь вспоминаютъ съ глубокой ироніей. Вспоминали они, какъ говорилъ имъ Бодянской: «Эхъ, русской рабочей, будешь ты ѣсть кислое молоко». «Тогда мы смѣялись надъ этимъ», говорили они, «а теперь у насъ и этого нѣтъ». И дѣйствительно заводъ Бодянскаго лежалъ въ развалинахъ, работы никакой не было, и поэтому мой хозяинъ служилъ секретаремъ въ Уличкомѣ, за что получалъ на себя паекъ, который и одного его не обезпечивалъ, а у него на рукахъ еще была семья. Особенно мнѣ было жалко его жену, которая выбивалась буквально изъ силъ, чтобы какъ-нибудь добыть средства къ существованію. Мужъ не

могъ никуда отлучиться, такъ какъ былъ мобилизованъ на совѣтскую службу, поэтому жена, продавъ какія-нибудь вещи домашняго обихода на базарѣ, покупала на эти деньги тамъ же гвозди, куски желѣза, оконное стекло и т. п. — предметы необходимые крестьянину, и съ ними отправлялась за 30 верстъ въ деревню, чтобы тамъ обмѣнять эти вещи на сало и масло и вернувшись съ ними, продать ихъ въ городѣ на базарѣ, чтобы опять въ свою очередь купить тѣ же самые предметы для обмѣна вновь въ деревнѣ, а на полученную прибыль купить въ городѣ для себя хлѣба, ибо хотя хлѣбъ можно было бы купить и дешевле въ деревнѣ, но оттуда ей его было не донести.

Все это она продѣлывала, буквально безъ передышки по весенней распутицѣ, переходя по льду черезъ Днѣпръ. Помню, мы всѣ провели очень тревожную ночь изъ-за нея. Днѣпръ уже, къ югу отъ Александровска, тронулся, съ минуты на минуту ждали сдвига льда и у Александровска. Около Хортицы образовались уже большія полыньи, а наша хозяйка была на той сторонѣ и къ вечеру ждали ея возвращенія. Маленькій грудной ребенокъ, котораго она оставляла на попеченіе старшей 9-тилѣтней дочери, въ помощь которой была ея семилѣтняя сестра, соскучившись по матери, оралъ немилосердно. Хозяинъ, вернувшись вечеромъ и не заставъ жены, нѣсколько разъ бѣгалъ къ переправѣ на Днѣпръ, но жены не встрѣчалъ. Наконецъ, ночью ледъ тронулся и пошелъ густой массой и только на другой день къ вечеру она пришла домой вся измученная, промокшая и голодная. Оказалось, что на противоположномъ берегу, въ виду плохого состоянія льда, ее не пустили по льду черезъ Днѣпръ перевозчики, и только къ вечеру, когда поплыли уже отдѣльныя льдины, перевозчики, тронутые ея мольбой, перевезли ее на лодкѣ къ нашему берегу, рискуя каждую минуту перевернуться при встрѣчѣ со льдиной. На другой день она съ принесеннымъ добромъ отправилась на базаръ, но къ несчастью наткнулась тамъ на агентовъ Чека, которые отобрали у нея весь ея товаръ, какъ у спекулянтки.

Надо было видѣть слезы и горе всей семьи, когда эта несчастная вернулась домой. Сколько проклятій она сыпала на голову большевиковъ, вспоминая какая она была «дура», когда въ 16-мъ году ругала Императора Николая за то, что ея мужа мобилизовали и отправили на фронтъ.

«Теперь — говорила она, — я записала имя его въ поминаніе и каждый разъ, когда бываю въ церкви у обѣдни, то подаю за упокой его души. Тогда я не понимала, что дѣлала и что говорила, такъ какъ осталась одинока съ двумя маленькими дѣтьми безъ копейки денегъ, ибо мужу пришлось отдать послѣдніе три рубля. Между тѣмъ на другой день — продолжала она, — я отправилась къ своимъ знакомымъ господамъ, которые дали мнѣ работу по стиркѣ бѣлья, рекомендовали меня и другимъ. Всѣ они вмѣстѣ, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, присылали дѣтямъ молоко, булки, масло. Кромѣ того, я получала отъ воинскаго начальника солдатское пособіе; работу мнѣ давали, и я настолько оправилась, что черезъ полтора мѣсяца послала мужу 10 рублей. Теперь же, когда явились проклятые большевики со своей свободой, то мы сидимъ голодные и холодные, работы нѣтъ никакой, а если на митингѣ рабочихъ мужья наши начнутъ говорить объ этомъ, то ихъ арестовываютъ и отправляютъ въ концентраціонный лагерь».

Помню еще — разыгралась и такая сцена. Въ Александровскъ пришелъ конный артиллерійскій дивизионъ, штабъ котораго расположился недалеко отъ насъ на Московской улицѣ. Входитъ въ комнату ко мнѣ хозяйка и заявляетъ, что такъ какъ по домамъ ходятъ красноармейцы и отбираютъ мебель, то она ставитъ ко мнѣ въ комнату, кромѣ имѣющихся въ ней двухъ стульевъ, еще четыре изъ своей комнаты, которые она и проситъ красноармейцамъ не отдавать, такъ какъ я могу сказать, что комната эта отведена мнѣ, какъ должностному лицу, и стулья мнѣ нужны самому. Я, конечно, на это охотно согласился, выразивъ однако сомнѣніе въ успѣшности защиты этихъ стульевъ отъ грабежа.

Хозяинъ въ это время былъ на службѣ въ Уличкомѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени явились ко мнѣ три коммуниста, заявившіе, что они члены культпросвѣта, и спросили, кто я такой. Я предъявилъ свое удостовѣреніе помощника инспекціи 4-й арміи. Они мнѣ заявили, что берутъ отъ меня четыре стула и столъ, такъ какъ имъ необходима мебель для красноармейскаго клуба. На это я имъ отвѣтилъ, что мебель мнѣ необходима самому и что я ее не дамъ. Красноармейцы сказали, что съ меня довольно и двухъ стульевъ и что четыре остальные они возьмутъ. На это я имъ сказалъ, что стыдно отбирать послѣднюю мебель у рабочихъ и посоветовалъ взять нужную мебель у «буржуевъ». «Буржуи всѣ уже обобраны», отвѣчали они мнѣ. Въ это время хозяйка не выдержала и, истерически закричавъ на коммунистовъ: «А, такъ вы ограбили всѣхъ буржуевъ и принимаетесь грабить теперь насъ, рабочихъ», легла поперекъ порога, говоря, что она никого изъ комнаты не выпуститъ, иначе какъ черезъ себя. Дѣти, увидѣвъ эту сцену, разревѣлись. Я тогда обратился съ просьбой притти за мебелью нѣсколько позже, когда придетъ домой хозяинъ со службы, и ее теперь не брать насильно. Судя по ихъ голосу, они, вѣроятно, были смущены такимъ рѣшительнымъ отпоромъ моей хозяйки, — къ сожалѣнію, я не могъ видѣть выраженія ихъ лицъ, — и они сказали, что зайдутъ послѣ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ хозяинъ, который, услыхавъ отъ насъ о происшедшемъ, снесъ злополучные четыре стула въ канцелярію Уличкома, гдѣ по его словамъ не было тоже мебели и, встрѣтивъ на другой день на улицѣ коммунистовъ культпросвѣта, заявилъ имъ, что стульевъ у него на квартирѣ болѣе нѣтъ, такъ какъ они пошли на мебелировку Уличкома. Такимъ образомъ, онъ спасъ свою мебель отъ разграбленія.

Какъ я уже писалъ раньше, рабочіе говорили, что въ настоящее время въ г. Александровскѣ 4 000 рабочихъ. Всѣ они были зарегистрированы въ профсоюзѣ и мобилизованы на государственную промышленность, а слѣдовательно вполне зависѣли отъ совѣтской власти, которая въ любой моментъ могла перебросить ихъ съ одного предпріятія на другое, не стѣсняясь съ осѣдлостью даннаго лица и не справляясь о его желаніи. Такъ, уже были примѣры отправки рабочихъ партій на Уралъ, при чемъ сопротивлявшихся этому объявляли контръ-революціонерами и отправляли въ концентраціонный лагерь, который находился на окраинѣ города по дорогѣ на Кичкасъ и въ которомъ въ то время число заключенныхъ достигало до 1 200 человекъ. Все это были преимущественно рабочіе, такъ какъ принадлежащихъ къ другимъ классамъ населенія просто разстрѣливали въ мѣстной Чека.

Рабочіе обслуживали, главнымъ образомъ, бывшую автомобильную мастерскую южнаго фронта Германской войны, кое-какъ влачившую свое существованіе. Сюда сыпались, какъ изъ рога изобилія заказы на починку автомобилей большевицкой арміи и сборку изъ нѣсколькихъ испорченныхъ автомобилей одного цѣлаго; поступали заказы отъ мѣстнаго земотдѣла на плуги, бороны, косилки и вѣялки и т. п. сельско-хозяйственныя машины, которыми предполагалось снабжать весною Совхозы. Какъ курьезъ, можно указать, что изъ центра, т. е. Москвы, приказывалось дѣлать даже тракторы, при чемъ всѣ эти заказы сопровождались громадной шумихой о томъ, какъ идетъ по пути прогресса и возстановленія народнаго хозяйства рабоче-крестьянская власть, о чемъ коммунисты кричали на митингахъ, въ мастерскихъ и заводахъ. Но дѣло дальше этихъ заказовъ и не шло, такъ какъ не было матеріала, инструмента и угля. «Все это такъ намъ надоѣло. Вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что мастерскія не въ силахъ выполнить эти заказы и что все это ложь», говорили рабочіе. «Мы только у Бога дни крадемъ», говорилъ другой рабочій. «На заводѣ или въ мастерской никто ничего не дѣлаетъ: или слоняется безъ дѣла, или же дѣлаетъ для себя зажигалки, гвозди, топоры, для того, чтобы обмѣнять въ деревнѣ на хлѣбъ и сало».

Другая часть рабочих занималась тѣмъ же дѣломъ на уцѣлѣвшихъ кое-какъ двухъ мелкихъ заводахъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочимъ выдавался паекъ примѣнительно къ красноармейскому только на себя, но крайне неисправно, при чемъ задолженность того или другого вида довольствія доходила до двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Квалифицированные рабочіе въ то время жалованье получали отъ 4 000 до 9 000 въ мѣсяць.

Въ серединѣ марта на ст. Александровскъ прибыло шесть эшелоновъ съ матросами, вывезенными экстренно изъ Петрограда по случаю Кронштадскаго возстанія, слухи о которомъ дошли и до Александровска. Эшелоны эти совѣтской властью предназначались въ Севастополь, но она не рѣшалась ввезти этотъ ненадежный элементъ туда, такъ какъ агенты Чека раскрывали или провоцировали тамъ одинъ за другимъ контръ-революціонные заговоры. Эшелоны стояли около недѣли въ Александровскѣ, матросы съ нихъ бродили по городу, рѣзко и громко высказывая осужденіе совѣтской власти, проникали въ оппозиціонно настроенную массу рабочихъ, въ результатѣ чего на заводскихъ митингахъ все болѣе и болѣе рѣзко говорили противъ совѣтской власти. Мѣстная Чека насторожилась, и начались массовые аресты между рабочимъ населеніемъ, а эшелоны съ матросами отправили въ Мелитополь. Тамъ повторилась та же самая исторія. Тогда эти эшелоны вновь появились въ Александровскѣ, слѣдуя на ст. Лозовую, откуда они уже въ 10-хъ числахъ апрѣля по ликвидаціи Кронштадскаго возстанія были отправлены въ Севастополь.

Въ числѣ арестованныхъ рабочихъ были два ихъ лидера, социаль-демократы, къ сожалѣнію фамилій я ихъ не помню. Мѣстная Чека въ слѣдующую-же ночь послѣ ареста ихъ разстрѣляла. Это сильно взволновало рабочую массу, и она пригрозила совѣтской власти общей забастовкой. Власть испугалась этого тѣмъ болѣе, что разстрѣлъ произошелъ безъ вѣдома центра, и ей пришлось уступить. Рабочіе потребовали производства слѣдствія особой комиссіей, какъ о самомъ фактѣ разстрѣла безъ суда, такъ и о степени виновности арестованныхъ лицъ. Власть пришлось на это согласиться, но, къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло, такъ какъ я въ это время выѣхалъ въ Симферополь. Судя по рассказамъ тѣхъ рабочихъ, которые собирались по вечерамъ у насъ, они не склонны были къ уступкамъ, да и время то было такое, что они надѣялись на свою побѣду, такъ какъ Кронштадтское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и между рабочими ходили самые фантастическіе слухи, которые они принимали съ дѣтской вѣрой, какъ на примѣръ, о возстаніи въ Москвѣ, Орлѣ и Тулѣ. Конечно, это все оказалось пуфомъ и надежды рабочихъ рухнули.

Между прочимъ, на собраніяхъ у насъ на квартирѣ я много слышался отъ рабочихъ похвалъ Врангелю. Лѣтомъ 1920 года Александровскъ былъ занятъ бѣлыми, и рабочіе теперь съ восторгомъ вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули отъ тираніи большевиковъ и даже, къ моему удивленію, съ большимъ удовольствіемъ рассказывали о тѣхъ приставахъ и околоточныхъ, которые вновь появились въ Александровскѣ при бѣлыхъ. Говорили о той свободѣ, которая въ то время существовала въ Александровскѣ, объ отсутствіи безпричинныхъ арестовъ и объ общемъ довольствѣ всѣхъ гражданъ бѣлой властью. Особенно восторженно они отзывались о генералѣ Врангелѣ, который, по ихъ словамъ, являлся ихъ избавителемъ отъ коммунистовъ, и высказывали недовольство Польшею, которая, заключивъ миръ съ большевиками, по ихъ словамъ, подвела генерала Врангеля, допустивъ этимъ большевиковъ обрушиться всѣми силами на него.

Я особенно обращаю вниманіе читателя на эти строки, такъ какъ только что прочелъ книгу Григорія Раковскаго «Конецъ бѣлыхъ», гдѣ онъ такъ опредѣленно говоритъ объ общемъ недовольствѣ всего населенія, а главнымъ образомъ рабочихъ и крестьянъ, какъ генераломъ Врангелемъ, такъ и его режимомъ, тогда какъ я слышалъ совершенно обратное, какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ, и не только въ Александровскѣ, но и въ Крыму. Можетъ быть такіе отзывы

были результатомъ большевистскаго произвола, котораго они не ожидали, но во всякомъ случаѣ должны были быть какіе-то особые побудительныя причины, заставлявшія рабочую массу вспоминать съ умиленіемъ не только генерала Врангеля, но даже приставѣвъ и околоточныхъ. И вотъ теперь я не знаю, кому-же вѣрить — г-ну Раковскому или-же тому, что я самъ видѣлъ и слышалъ отъ тѣхъ, кто перенесъ режимъ бѣлыхъ и не мирился съ режимомъ красныхъ?

Городъ Александровскъ имѣлъ очень печальный видъ. Все было расхищено, разграблено, вездѣ была грязь. Когда-то красивые стильные дома пустынно смотрѣли своими окнами безъ рамъ; дверей не было, полы разобраны, потолки провалились: все пошло на топливо помѣщеній, занимаемыхъ красноармейцами. За чертой города валялись трупы лошадей, заражая воздухъ зловоніемъ съ наступленіемъ тепла. Городской водопроводъ за отсутствіемъ топлива прекратилъ свою работу, и жители принуждены были съ ведрами ходить за водой на Днѣпръ, что для многихъ было очень тяжело, такъ какъ приходилось дѣлать для этого нѣсколько верстъ. Вода въ Днѣпрѣ была мутная, грязная, такъ какъ только что кончился ледоходъ, да и кромѣ того по Днѣпру нерѣдко плыли трупы людей и лошадей, погибшихъ въ осеннихъ бояхъ между бѣлыми и красными выше по теченію Днѣпра. Все это обѣщало вспышку новой эпидеміи тифа всѣхъ трехъ видовъ, которая подъ вліяніемъ весенняго солнца начинала было затихать. Правда, власть принимала мѣры къ очисткѣ улицъ и дворовъ отъ нечистотъ, накопившихся за зиму, и къ вывозкѣ ихъ за черту города, но мѣры эти еще болѣе озлобляли населеніе. Дѣлалось это обыкновенно такъ: несмотря на то, что частная торговля была запрещена, тѣмъ не менѣе на мѣсто бывшего городского базара пріѣзжали окрестные крестьяне съ кое-какими продуктами, для того, чтобы, продавъ ихъ голодающему населенію, на вырученныя деньги купить вещи, необходимыя въ крестьянскомъ обиходѣ. Нечего и говорить, что и населеніе города тянулось на базаръ, неся что-либо изъ дома для обмѣна на продукты. Такимъ образомъ городскіе базары не пустовали, а таковыхъ въ городѣ было три. Милиція и комендантъ города по взаимному соглашенію наряжали роту красноармейцевъ, руководимыхъ агентами мѣстной Чека, внезапно оцѣпляли одинъ изъ базаровъ и объявляли всѣхъ находившихся на немъ «спекулянтами», послѣ чего продукты отбирались, якобы въ отдѣлъ распределенія общественнаго питанія, а на самомъ дѣлѣ просто везлись въ мѣстную Чека для распределенія между коммунистами, а крестьяне съ подводами и городское населеніе, бывшее на базарѣ, подъ густымъ конвоемъ сгонялось на какую-либо улицу собирать и вывозить навозъ за городъ. На слѣдующій день повторялась та же самая исторія уже на другомъ базарѣ. Продуктивность работъ по очисткѣ улицъ отъ этого получалась очень небольшая, такъ какъ масса времени уходило на оцѣпленіе базара, отбирание продуктовъ и перереканія съ публикой, и къ самой работѣ по очисткѣ улицы приступали далеко за полдень, при чемъ у рабочихъ не было ни метель, ни лопать. Все это вызывало громкое недовольство населенія и большое удовольствіе коммунистовъ, такъ какъ они получали бесплатно «реквизированные у спекулянтовъ» продукты. Но никто ничего не могъ сказать или сдѣлать, такъ какъ наиболѣе рьяныхъ протестантовъ отправляли въ концентраціонный лагерь по дорогѣ Павло-Кичкасъ, какъ контръ-революціонеровъ. Думаю, что это уже одно заставляло населеніе города вспоминать Врангелевскихъ городовыхъ и околоточныхъ съ большой любовью.

Какъ я упоминалъ выше, въ Александровскѣ стоялъ штабъ бригады 42-ой дивизіи. Въ десятыхъ числахъ марта командиръ бригады получилъ приказъ по арміи, которымъ 42-ая дивизія переформировывалась въ бригаду, въ виду малочисленности людей, полки въ батальоны и, слѣдовательно, командиръ бригады переходилъ уже на должность командира полка. Все это, конечно, очень не нравилось старшему командному составу. Для переформирования бригадъ было

приказано итти къ штабу дивизіи въ с. Жеребецъ. Она выступила, но по дорогѣ получила приказаніе слѣдовать походнымъ порядкомъ въ Крымъ, куда двинулись и другія бригады. Мѣсто назначенія было г. Керчь, откуда вся дивизія, переформированная въ бригаду, должна была быть переброшена на Кубань для слѣдованія во Владикавказъ. Этой бригадѣ не повезло: подходя къ Мелитополю, она была окружена бандами Махно, которымъ не могла оказать серьезнаго сопротивленія по малочисленности штыковъ въ полкахъ, при чемъ погибло много команднаго состава и коммунистовъ, которые были изрублены бандитами; красноармейцевъ же, по обыкновенію, раздѣли и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ команднаго состава лишь немногимъ удалось выскочить, въ томъ числѣ и полковому адъютанту одного изъ полковъ, котораго я впоследствии встрѣтилъ въ г. Гомелѣ и отъ котораго я и слышалъ вышеописанное.

Съ уходомъ этой бригады изъ Александровска вопросъ о довольствіи моемъ и моего вѣстового Тишкова повисъ въ воздухѣ. Пайка получать было неоткуда, денегъ - же у меня не было. Въ это время въ освободившемся помѣщеніи штаба бригады помѣстился штабъ артиллерійскаго дивизиона. Тишковъ повелъ меня туда, и я попросилъ завхоза дивизиона принять насъ на довольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ были аттестаты. Завхозомъ оказался офицеръ старой арміи, который очень любезно исполнилъ мою просьбу. Но паекъ оказался еще хуже, чѣмъ въ бригадѣ.

Въ 20-хъ числахъ марта у меня понемногу стало возвращаться зрѣніе, прекратились рѣжущія боли глазъ, но все-таки я видѣлъ очень плохо, и Тишковъ все еще водилъ меня подъ руку. Тѣмъ не менѣе я торопился съ отъѣздомъ въ Симферополь, откуда я не получалъ никакихъ свѣдѣній, что меня нѣсколько беспокоило. Ходили слухи о расформированіи арміи и надо было куда-нибудь устроиваться. Между тѣмъ докторъ не отпускалъ меня, такъ какъ боялся рецидива; я же задумывался надъ тѣмъ, какъ попасть въ вагонъ и сколько времени мы будемъ тянуться до мѣста. Наконецъ, 31-го марта я получилъ согласіе доктора на поѣздку въ Симферополь, при чемъ докторъ снабдилъ меня на дорогу лѣкарствами, и я, поблагодаривъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и распрощившись съ моими милыми хозяевами, отправился съ Тишковымъ на вокзалъ. Здѣсь по обыкновенію не отъ кого было узнать, когда и гдѣ отходить поѣздъ на югъ. Долго меня водилъ Тишковъ по рельсовымъ путямъ, наконецъ, мы случайно попали, очень далеко отъ станціи, на поѣздъ, который готовился къ отходу. Но надо было еще попасть въ вагонъ, между тѣмъ они были всѣ переполнены и насъ ни въ одинъ не пускали. Особенно наглы были въ этомъ отношеніи матросы, которые, занявъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ вагонъ, никого туда не пускали, не слушая никакихъ просьбъ. Наконецъ, мы набрали на вагонъ, въ которомъ ѣхали инвалиды. Должно быть, видя во мнѣ товарища по несчастью, старшій вагона разрѣшилъ мнѣ взобраться въ него, но не соглашался впустить моего вѣстового Тишкова. Пришлось доказывать, что мы съ нимъ неразлучная пара, такъ какъ я ѣхать безъ него не могу. Пока шли переговоры, поѣздъ тронулся и Тишковъ уже на ходу вскочилъ въ вагонъ и, такимъ образомъ, приобрѣлъ себѣ право на мѣсто. Вагонъ, какъ и всѣ въ этомъ поѣздѣ, былъ товарный, безъ нарѣ, поэтому пришлось размѣститься на полу. Поѣздъ на этотъ разъ шелъ довольно хорошо, и мы въ три часа ночи на 2-ое апрѣля были уже въ Симферополѣ.

По дорогѣ въ вагонѣ пришлось много наслушаться сѣтованій на большевиковъ; и на этотъ разъ главными застрѣльщиками выступали матросы, сѣвшіе въ вагонъ въ Мелитополѣ. Съ нами въ вагонѣ ѣхали два коммуниста, ответственные работники изъ Иркутска; оба они были въ послѣднемъ градусѣ чухотки. ѣхали они въ санаторію, въ Ялту, нынѣ переименованную въ Красноармейскъ. Вообще на южный берегъ Крыма въ это время была сильная тяга коммунистовъ, которые слыхали, что когда-то туда ѣздили буржуи. Теперь

для новой совѣтской буржуазіи была открыта масса санаторій въ націонализированныхъ дачахъ прежнихъ богачей, куда широкимъ потокомъ и стремились полѣчиться и отдохнуть вѣрнопопдаанные слуги совѣтскаго режима. Между ними были дѣйствительно больные, но въ большинствѣ были чекисты, которые хотѣли отдохнуть отъ своихъ трудовъ по сыску и разстрѣлу, и главнымъ образомъ, имъ хотѣлось отвѣдать той жизни, которой пользовался прежде зажиточный классъ населенія Россіи. Конечно, тѣхъ удобствъ и комфорта, которые были раньше въ санаторіяхъ, въ настоящее время ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ эти дачи и санаторіи были разграблены, да и питаніе въ нихъ было неважное по причинѣ начинавшася уже отсутствія продовольствія въ Крыму, тѣмъ не менѣе наплывъ былъ туда очень большой. Кстати надо замѣтить, что недѣли черезъ двѣ, послѣ моего приѣзда въ Симферополь, я встрѣтилъ одного изъ этихъ коммунистовъ на улицѣ этого города, который шелъ изъ главнаго Санитарнаго Управленія Крыма. На мой вопросъ, почему - же онъ не въ Ялтѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что уже былъ тамъ, но возвращается назадъ и заходилъ въ Санитарное Управленіе, чтобы выправить себѣ обратный проѣздъ домой, такъ какъ въ санаторіяхъ нечего ѣсть и, кромѣ того, отсутствуютъ самыя примитивныя удобства. «Тамъ скорѣй умрешь, чѣмъ дома», закончилъ онъ свою рѣчь.

Такъ вотъ по дорогѣ, въ нашемъ вагонѣ эти два коммуниста начали расхваливать прелести совѣтскаго строя и говорить о томъ, какъ гладко идетъ жизнь въ Сибири при большевикахъ послѣ Колчака, но матросы тотчасъ - же вступили съ ними въ споръ и настолько энергично и настойчиво стали имъ доказывать обратное, что коммунистамъ пришлось замолчать. Меня крайне удивило это новое настроеніе у матросовъ, тѣмъ болѣе, что, когда, всего три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ въ командировку въ городъ Александровскъ, то въ вагонѣ были тоже матросы, которые вели между собой разговоры, дѣлились воспоминаніями и съ какой - то особенной радостью рассказывали другъ другу, какъ они разрывали на части, за руки и ноги, попавшихъ въ плѣнъ Врангелевскихъ офицеровъ, а также о тѣхъ грабежахъ и насиліяхъ, которые производили они у буржуевъ въ занятой области послѣ ухода бѣлыхъ.

Со мной сидѣлъ рядомъ молодой матросъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, заданныхъ мнѣ по поводу настоящаго положенія, и получивъ отъ меня сочувственные отвѣты, а именно подтвержденіе его мнѣнія, что эти коммунисты лгутъ, онъ мнѣ рассказалъ, что онъ и другіе матросы Балтійскаго флота во время Кронштадтскаго возстанія были вывезены вмѣстѣ съ другими изъ Петрограда въ Севастополь, такъ какъ большевики опасались, что они поддержать кронштадтцевъ. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ они сочувствуютъ кронштадтцамъ, держатъ ихъ сторону и что совѣтская власть, зная мятежный духъ матросовъ, въ настоящее время увольняетъ старшіе возрасты въ безсрочный отпускъ, оставляя на службѣ лишь послѣдніе два призывные года, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. Это, конечно, сильно подрывало сплоченность матросовъ и развязывало руки большевикамъ, но тѣмъ не менѣе матросъ этотъ меня увѣрялъ, что духъ сопротивленія коммунистамъ у нихъ не погашенъ и что они намѣрены съ ними упорно бороться, на платформѣ безпартійныхъ совѣтовъ, и что онъ является однимъ изъ секретныхъ агентовъ комитета борьбы противъ большевиковъ и теперь ѣздитъ по Крыму для освѣдомленія о настроеніи Крымскихъ частей и агитаціи, а по окончаніи своей поѣздки долженъ вернуться въ Петроградъ для доклада центральному комитету о результатахъ. Предлагалъ мнѣ дать еще большее освѣдомленіе по этому дѣлу впоследствии, для чего хотѣлъ зайти ко мнѣ на квартиру въ Симферополь и спросилъ мой адресъ, но я адреса своего не далъ, сказавъ, что самъ ѣду въ Симферополь первый разъ и не знаю, гдѣ буду жить, потому что, сказать по правдѣ, несмотря на то, что по наружному виду онъ былъ крайне искрененъ, равно какъ и его товарищи, въ спорѣ съ коммунистами, я, тѣмъ не менѣе, боялся, не секретный - ли

онъ агентъ - провокаторъ Чека. Тѣмъ не менѣе въ Симферополѣ мы разстались очень дружественно, я вышелъ изъ вагона, а матросы поѣхали дальше въ Севастополь.

XII.

Было три часа ночи. Мнѣ было извѣстно, что въ Симферополѣ осадное положеніе и ходить по городу послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя до 6-ти часовъ утра. Шелъ дождь, ожидать разсвѣта на перронѣ не хотѣлось, залы вокзала были такъ сильно набиты спавшими вповалку на полу красноармейцами, что тамъ не только сидѣть, но стоять было негдѣ, да кромѣ того былъ опять сильный рискъ заразиться вшами, и я поэтому рѣшилъ пойти въ Управление коменданта станціи узнать пропускъ. Тамъ, когда я предъявилъ свое удостовѣреніе, мнѣ его сказали, и мы отправились на ту квартиру, изъ которой я уѣхалъ въ командировку. По дорогѣ на улицѣ мы были остановлены на большомъ разстояніи тремя красноармейцами, которые, взявъ на - изготовку, довольно испуганнымъ голосомъ закричали: «Стой, что пропускъ?» Видно, что повстанцы (бандиты) работали и здѣсь, иначе бы у дозора не было такого испуганнаго вида. Я, сообразивъ все это, отвѣтилъ имъ, что пропускъ слово секретное и кричать на всю улицу я его не могу, а что пусть старшій подойдетъ ко мнѣ, и я скажу ему пропускъ. Послѣ нѣкотораго колебанія одинъ изъ нихъ отдѣлился и нерѣшительными шагами подошелъ къ намъ, а остальные продолжали держать винтовки на - изготовкѣ. Когда я сказалъ пропускъ, то онъ крикнулъ своимъ товарищамъ, они опустили винтовки и подошли къ намъ. Началась дружеская бесѣда. Красноармейцы стали спрашивать насъ, кто мы такіе, откуда пріѣхали, каковъ тамъ паекъ, выдаютъ - ли обмундированіе и не слыхатъ - ли тамъ, скоро ли отпустятъ красноармейцевъ въ безсрочный отпускъ. Жаловались на плохой кормъ здѣсь, на большіе наряды, на караульную службу, на невыдачу обмундированія и на опасность ходить въ дозоры по ночамъ. Бесѣдуя такимъ образомъ, мы дошли до дома, гдѣ я жилъ.

Здѣсь я засталъ всѣхъ дома, но жилось уже много хуже. На другой день утромъ я отправился въ Управление Инспекціи явиться по начальству. Встрѣтили меня довольно равнодушно и, если бы я пропалъ безъ вѣсти, то едва - ли кто - либо сталъ меня разыскивать. Отчетъ о результатѣ инспектированія 42 дивизіи уже не понадобился, такъ какъ она вышла изъ состава 4-ой арміи въ Кавказскую, да кромѣ того я и не могъ его составить, такъ какъ плохо еще видѣлъ, черновыя же замѣтки по инспектированію я бросилъ въ печку.

Въ это время былъ полученъ приказъ изъ центра о расформированіи 4-ой арміи къ 1-му мая. Командующій арміей генеральнаго штаба Лазаревичъ получилъ назначеніе командующимъ Туркестанскимъ фронтомъ, куда и уѣхалъ. За него командовалъ арміей бывший генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлый, на котораго было возложено расформированіе арміи. Согласно плану расформированія, 3-я дивизія оставалась въ Крыму и должна была изъ г. Феодосіи перейти въ Симферополь, 46-ая — занимать Севастополь и Евпаторію, а 30-ая дивизія — районъ Мелитополя. Въмѣсто штаба 4-ой арміи создавался штабъ Укрѣпленнаго Крымскаго Раіона, которому подчинялись названныя дивизіи. Кромѣ того, въ Крымъ были передвинуты части 3-го коннаго корпуса, которыя, впрочемъ, были вскорѣ вызваны въ Екатеринославъ, гдѣ и сосредоточились для борьбы съ бандами Махно. Конечно, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ Крыма уже находились командные красные курсы, а изъ Москвы были переведены въ Симферополь красные кавалерійскіе курсанты, которые заняли казармы бывшаго Крымскаго Коннаго полка. Расположены также были вездѣ и отдѣльные батальоны В. Ч. К. Всѣ эти войска были поставлены въ лучшія зданія города, какъ - то въ Епархіальномъ училищѣ, Ду-

ховной семинаріи и въ зданіяхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Казармы бывшаго 51-го Литовскаго пѣхотнаго полка были обращены въ тюрьму-лагерь, такъ какъ прежняя губернская тюрьма не могла вмѣстить всѣхъ арестованныхъ, несмотря на усиленные разстрѣлы.

Часть служащихъ штаба 4-ой арміи поступила на укомплектованіе штаба Укрѣпленнаго района, остальные, которыхъ было больше, зачислялись въ резервъ штаба войскъ Украйны и должны были отправиться въ Харьковъ. Туда же должны были слѣдовать чины инспекціи пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, каждая входя въ резервъ инспекцій войскъ Украйны. Такимъ образомъ, наша инспекція должна была поступить въ непосредственное вѣдѣніе инспектора войскъ Украйны, бывшаго генераль-маіора генеральнаго штаба Ольдерогге, который пріѣхалъ въ Крымъ и набиралъ себѣ служащихъ изъ нашей инспекціи, говоря, что у него нѣтъ опытныхъ работниковъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Харьковъ, да кромѣ того, мнѣ необходимо было какъ-нибудь «затеряться», скрыть свой слѣдъ, такъ какъ я зналъ, что большевики выпустили меня изъ тюрьмы и отправили на польскій фронтъ только потому, что имъ нужны были военспецы, теперь же, когда у нихъ идетъ демобилизація арміи, они болѣе во мнѣ не нуждаются и, слѣдовательно, нужно ожидать новыхъ репрессій. Если Архангельская Чека узнаетъ о моемъ мѣстопробываніи, то немедленно потребуетъ моего ареста и отправленія въ ея распоряженіе въ городъ Архангельскъ, чему уже были прецеденты съ бывшими бѣлыми офицерами, несмотря на то, что при выпускѣ насъ на свободу въ 1920 году, въ Москвѣ, агенты большевистской власти гордо намъ говорили о ея великодушій и о томъ, что, если совѣтская власть предастъ забвенію наше прежнее прошлое и опредѣлитъ насъ къ себѣ на службу, то она никогда не унижится до того, чтобы вновь карать насъ за старые противъ нея грѣхи. Какъ всегда и вездѣ, большевики лгали и въ данномъ случаѣ.

Зрѣніе мое туго поправлялось, хотя я каждый день ходилъ на пріемъ къ врачу специалисту. Меня все еще водили подъ руку. Мои сотоварищи по службѣ посовѣтовали мнѣ подать рапортъ о назначеніи меня на комиссію выздоравливающихъ для полученія отпуска по болѣзни, какъ перенесшаго тифъ и его послѣдствія. И дѣйствительно, въ комиссіи мнѣ дали отпускъ по болѣзни на одинъ мѣсяць, и я могъ ѣхать въ любой городъ Россіи совершенно безпрепятственно. Это уже много для меня значило: я имѣлъ возможность уѣхать изъ Крыма, не являясь въ инспекцію войскъ Украйны, а по прошествіи мѣсяца, долженъ былъ вновь подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію въ комиссіи и могъ получить еще одинъ мѣсяць отпуска, какъ не вполне еще оправившійся послѣ болѣзни. Пробывъ такимъ образомъ два мѣсяца въ отпуску по болѣзни, я согласно положенія о военнослужащихъ въ красной арміи, автоматически исключался изъ списковъ по мѣсту моей прежней службы и передавался въ вѣдѣніе мѣстнаго уѣзднаго военнаго комиссара, откуда назначался на пополненіе какой-либо воинской части. Въ старой арміи такое положеніе существовало только для нижнихъ чиновъ, въ красной-же арміи оно распространялось на всѣхъ военнослужащихъ. Конечно, это положеніе меня очень устраивало, ибо, будучи зачисленъ въ резервъ мѣстнаго военнаго комиссаріата, я заметалъ свой слѣдъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что, при существующемъ хаосѣ въ красной арміи, штабу войскъ Украйны не будетъ извѣстно о моемъ увольненіи въ отпускъ. Этотъ планъ мнѣ понравился, и я рѣшилъ ѣхать въ какой-нибудь городъ западнаго края, ближе къ польской границѣ, чтобы при удобномъ случаѣ перейти ее впоследствии. Такимъ городомъ могъ быть Гомель, гдѣ я былъ въ прошломъ 1920-мъ году и путь изъ котораго за границу до Пинска мнѣ былъ извѣстенъ. Я окончательно остановился на этой мысли и сталъ собираться въ путь-дорогу. Путешествіе это представляло большія затрудненія, въ виду моего слабаго зрѣнія и трудности попасть на поѣздъ, хотя у меня и былъ сопровождающій красноармеецъ Тишковъ, котораго я рѣ-

шилъ не отправлять обратно въ дивизию, мѣстонахожденіе которой въ настоящее время не было извѣстно, да кромѣ того онъ и самъ былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и не прочь былъ побывать дома.

Врачъ - окулистъ, у котораго я лѣчился, меня задерживалъ, чтобы настолько подлѣчить глаза, чтобы они у меня не разболѣлись дорогою. Тѣмъ не менѣе, съ отъѣздомъ надо было спѣшить: штабъ спѣшно расформировывался, наша инспекція собиралась переѣзжать въ Харьковъ, и я могъ повиснуть въ воздухѣ. Кромѣ того, въ Симферополѣ и жить уже какъ-то было жутко: вездѣ шли разговоры объ арестахъ и разстрѣлахъ, цѣны на продукты вздулись уже неимоვნно, а жалованія я получалъ всего восемь тысячъ въ мѣсяцъ.

Вскорѣ я случайно встрѣтилъ знакомаго бывшего офицера, служившаго преподавателемъ на красныхъ кавалерійскихъ курсахъ, которые были переведены въ январѣ мѣсяцѣ изъ Москвы въ Симферополь. Онъ рассказывалъ, что они ѣхали эшеломомъ до Крыма 49 дней. Не было топлива для паровозовъ, и имъ приходилось сидѣть на станціяхъ по цѣлымъ недѣлямъ. Сначала отъ Москвы движеніе ихъ шло довольно сносно, такъ какъ при выѣздѣ имъ былъ отпущенъ авансомъ провіантъ и фуражъ. Въ провіантъ входили замороженные бараньи туши. И вотъ на тѣхъ станціяхъ, гдѣ приходилось стоять за недостаткомъ паровоза, стоило лишь дать по бараньей тушѣ коменданту станціи и начальнику ОРТЧК и паровозъ тотчасъ прицѣплялся, но гдѣ-то, не то въ Курскѣ, не то въ Харьковѣ, ихъ эшелонъ нагналъ комиссаръ курсовъ и запретилъ это дѣлать, въ результатѣ чего пошли безконечныя стоянки на станціяхъ. Впослѣдствіи комиссаръ этотъ заплатился за свое необдуманное распоряженіе. Въ Александровскѣ эшелону пришлось стоять три недѣли. Въ это время тамъ накопилось до 30 эшелоновъ, слѣдующихъ въ различныхъ направленіяхъ. Съ юга шли эшелоны съ демобилизованными красноармейцами, съ сѣвера перебрасывались новыя красноармейскія части. Былъ конецъ января, стояли сильные холода, топливо совершенно отсутствовало. Эшелоны демобилизованныхъ красноармейцевъ голодали, мерзли и разбрелись по окрестностямъ, занимаясь мародерствомъ. Красные курсы, какъ болѣе дисциплинированная часть, состоящая наполовину изъ коммунистовъ, не могли самостоятельно разбрестись на всѣ четыре стороны, но мерзнуть не хотѣли, и поэтому, въ поискахъ топлива и обратили свое вниманіе на пустующіе вагоны разбѣжавшихся красноармейцевъ и начали ихъ ломать на дрова. Конечно, начальство курсовъ вмѣстѣ съ комиссаромъ ничего подѣлать не могло, такъ какъ былъ одинъ выборъ — или жечь вагоны, или мерзнуть отъ холода, да къ тому-же и слабыя попытки воспретить это не имѣли никакого успѣха. Въ результатѣ красными курсами только въ одномъ Александровскѣ было сожжено триста вагоновъ. Нечего и говорить, что ихъ примѣру послѣдовали и другіе эшелоны, и въ результатѣ рельсовые пути этой станціи были надолго загромождены одними только вагонными телѣжками. Не обошлось, конечно, и безъ трагическихъ сценъ. «Отворять, бывало, вагонъ» — рассказывалъ мой знакомый — «а въ немъ валяются трупы замерзшихъ красноармейцевъ; трупы тутъ-же выбросятъ на полотно, а вагонъ быстро разберутъ на топливо». Такая система отопленія эшелона понравилась краснымъ курсантамъ, и они ее примѣняли въ Мелитополѣ и въ Джанкоѣ, а когда мѣстная ОРТЧК попробовала было воспрепятствовать этому и, какъ водится въ Совдепіи, арестовать за попустительство начальство и комиссара, то курсанты выставили противъ нея пулеметы. Нечего и говорить, что окрестныя села и колоніи по пути стоянокъ были начисто обобраны въ порядкѣ «реквизицій». Такимъ образомъ, въ 49 дней доѣхали изъ Москвы въ Симферополь. Вскорѣ послѣ пріѣзда пришло донесеніе о сожженіи вагоновъ, въ результатѣ чего были отданы подъ судъ Ревтрибунала начальникъ школы, комиссаръ и командиры эскадроновъ.

Однако, даже судьи «съ революціонной совѣстью», принимая во вниманіе безвыходность положенія, въ которомъ находились обвиняемые во время путе-

шествія, отнеслись къ нимъ болѣе, чѣмъ снисходительно. Приговоромъ Ревтрибунала они всѣ были присуждены къ пяти годамъ принудительныхъ работъ, но въ виду декрета объ амнистїи въ память 3-ей годовщины октябрьской революціи отъ наказанія освобождены. Такимъ образомъ остались и овцы цѣлы и волки сыты. Совѣтское правосудіе не пострадало, а все начальство красныхъ курсовъ и комиссаръ остались на прежнихъ мѣстахъ.

Мой знакомый сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ на дняхъ въ Москву въ командировку съ нѣсколькими курсантами и поэтому будетъ имѣть отдѣльный товарный вагонъ прямо до Москвы. Онъ предложилъ довести меня до Харькова въ своемъ вагонѣ, откуда я могъ свернуть на Ворожбу и Гомель. Конечно, я съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ собираться въ дорогу.

20-го апрѣля въ 12 часовъ ночи мы тронулись изъ Симферополя. Поѣздъ былъ неимоვნно длинный — около 85 вагоновъ. По дорогѣ на станціяхъ онъ буквально осаждался народомъ, который взбирался на крыши вагоновъ, садился на буфера и тормазныя площадки. Въ составѣ поѣзда, кромѣ товарныхъ вагоновъ, было нѣсколько пульмановскихъ, въ которыхъ ѣхала совѣтская аристократія. Конечно, внутрь вагоновъ никто не допускался, при чемъ у дверей вагоновъ стояли съ винтовками часовые, но за то я видѣлъ, какъ люди сидѣли между рессорами этихъ вагоновъ и даже въ ящикѣ, который подвѣшенъ подъ поломъ середины вагона. Крыши вагоновъ, не выдерживая тяжести, проваливались, и это заставляло пассажировъ отъ себя выставлять часовыхъ къ вагонамъ, чтобы не пускать на крышу. То же сдѣлали и мы въ своемъ вагонѣ.

Въ это время въ Крыму и Тавріи скопилось громадное количество мѣшочниковъ. Мѣсяца два до этого центральной властью, въ виду голода, было разрѣшено ѣздить на югъ за хлѣбомъ, при чемъ въ то время платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ не требовалось. И вотъ, благодаря этому, а также и голоду въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, на югѣ собралось около полумилліона мѣшочниковъ, которые не могли выѣхать обратно домой. Всѣ немногіе поѣзда, отходившіе съ мѣста отправленія одинъ-два раза въ недѣлю, были уже переполнены съ пункта отправленія, и на слѣдующихъ станціяхъ для новыхъ пассажировъ мѣста, кромѣ какъ на крышѣ, буферахъ и рессорахъ пульмановскихъ вагоновъ, не было. Между скученной на вокзалахъ массой мѣшочниковъ развились эпидеміи тифа. Залы вокзаловъ были полны валяющихся на полу человѣческихъ тѣлъ, по которымъ ходили тучи паразитовъ, передавая тифозную заразу. Кромѣ того, многіе изъ мѣшочниковъ, не попавъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на поѣздъ, проѣлись, или сами съѣли тѣ запасы, которые думали привезти домой, или же изъ-за нужды продали ихъ тутъ же спекулянтамъ. Наиболѣе энергичные изъ нихъ, пренебрегая всѣми опасностями ѣзды на крышахъ и буферахъ, бросались занимать эти мѣста, но послѣднихъ было очень мало по сравненію съ желающими ихъ захватить, да къ тому-же у каждаго изъ мѣшочниковъ былъ грузъ отъ 10 до 15 пудовъ, который надо было куда-нибудь помѣстить. Пассажиры, слѣдовавшіе такъ сказать на законномъ основаніи, вродѣ насъ, опасались перегруженности поѣзда, а тѣмъ болѣе устройства деревянныхъ площадокъ мѣшочниками на буферахъ вагоновъ, куда они грузили свой грузъ и садились сами, такъ какъ отъ этого могло произойти крушеніе поѣзда или разрывъ между вагонами при подъемахъ, и поэтому протестовали противъ перегрузки поѣзда, помогая агентамъ ОРТЧК на станціяхъ сгонять съ этихъ мѣстъ мѣшочниковъ. Но мольбы, слезы и плачь, которыми встрѣчали мѣшочники требованія пассажировъ, заставляли послѣднихъ отказаться отъ нихъ, а если въ данномъ случаѣ агенты ОРТЧК и были болѣе настойчивы и безжалостны, то во всякомъ случаѣ и это приносило мало пользы дѣлу. Обыкновенно на станціи агенты ОРТЧК обходили поѣздъ и требовали, чтобы слѣзли съ крышъ и буферовъ, угрожая при этомъ стрѣльбой по ослушникамъ и не разрѣшая отправлять поѣздъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе. Въ концѣ концовъ, послѣ долгаго стоянія

поѣзда на станціи, мѣшочники сходили со своихъ мѣсть, но когда раздавался свистокъ и поѣздъ трогался, то въ ту же минуту мѣшочники на ходу поѣзда моментально карабкались на свои мѣста. Я поражаюсь той акробатической ловкости и быстротѣ, съ которой взбирались на крышу вагона или буферъ не только мужчины, но и женщины, да не однѣ, а съ грузомъ. Видна была и привычка, и организованность, и помощь другъ другу. Конечно, не обходилось безъ массы несчастныхъ случаевъ. Повсюду были слышны разговоры о раздавленныхъ и замерзшихъ мѣшочникахъ, но на это мало кто обращалъ вниманіе.

Троцкій издалъ приказъ о вывозѣ всѣхъ мѣшочниковъ съ юга къ 1-му мая, для чего должны были быть назначены особые поѣзда, но дальше этого приказа дѣло такъ и не пошло, ибо не было подвижного состава и мѣшочники были предоставлены собственной участи.

Въ Крыму, на ст. Таганашъ находились огромные запасы соли, заготовленные еще въ мирное время. Соль эту, проѣзжающіе пассажиры, пользуясь остановкой, набирали, кто сколько могъ, и грузили съ собою въ вагоны. Каждому было извѣстно, что дальше соли нѣтъ и ее можно обмѣнять на рынкахъ на продукты и очень выгодно. Такъ, на примѣръ, за четыре фунта соли можно было получить фунтъ коровьяго масла. Запаслись солью и мы, и она намъ дѣйствительно впоследствии пригодилась.

Когда проѣхали Мелитополь, въ поѣздѣ стали слышаться разговоры, что далѣе къ Александровску будетъ ѣхать не безопасно, ибо въ томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ приближается къ желѣзной дорогѣ, въ такъ называемыхъ плавняхъ, скрываются бандиты Махно, которые совершаютъ нападенія на поѣзда. Эти разговоры особенно взволновали коммунистовъ, да и лицамъ, принадлежащимъ къ командному составу, грозила та же самая участь, что и коммунистамъ; у нѣкоторыхъ были подложные документы, въ которыхъ они именовались красноармейцами, но едва ли это могло принести какую-нибудь пользу. Стали готовиться къ самооборонѣ. Объявился комендантъ поѣзда, который сталъ обходить вагоны, опрашивая, у кого имѣется какое-либо оружіе, но такового оказалось очень мало, да къ тому же между красноармейцами пошли разговоры, что въ случаѣ нападенія оказывать сопротивленія не слѣдуетъ, ибо они знали, что красноармейцамъ бандиты ничего не сдѣлаютъ, развѣ только оставятъ въ одномъ бѣльѣ. Особенно сильно стали нервничать пассажиры, когда поѣздъ пришелъ на станцію «Васильевка». Въ это время у вагоновъ появились два всадника, которые стали разспрашивать, много ли ѣдетъ въ поѣздѣ народу, есть ли между ними вооруженные красноармейцы и т. п. Люди бывалые говорили, что это обычный маневръ бандитовъ. Обыкновенно они на станціи произведутъ развѣдку состава поѣзда, а затѣмъ развѣдчики удаляются, сообщаютъ все, что они узнали, спрятавшимся въ плавняхъ бандитамъ и тѣ производятъ налетъ на поѣздъ. Въ данномъ случаѣ, когда поѣздъ тронулся далѣе, эти два всадника долго ѣхали рядомъ съ поѣздомъ и, наконецъ, отстали, когда онъ пошелъ быстрѣе подъ уклонъ. Во всякомъ случаѣ, опасное мѣсто мы проѣхали благополучно, и у многихъ вырвался вздохъ облегченія, въ томъ числѣ и у меня, такъ какъ, принадлежа къ командному составу большевистской арміи, я не могъ рассчитывать на доброжелательное къ себѣ отношеніе бандитовъ, и никакія мои увѣренія, что я состою на службѣ у большевиковъ принудительно, не подѣйствовали бы: меня зарубили бы шашками вмѣстѣ съ другими.

Мнѣ пришлось ѣхать на Харьковъ и Ворожбу, хотя другой путь — Лозовая—Полтава—Ромны—Бахмачъ былъ короче, но по этой линіи не было движенія, какъ за отсутствіемъ топлива, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній бандитовъ на поѣзда. Эта мѣстность была въ состояніи полного возстанія, но только никто не называлъ тогда вещи ихъ именами, какъ, впрочемъ, не называютъ ихъ въ Совдепіи и теперь.

Поѣздъ нашъ двигался довольно скоро, и мы на четвертыя сутки въ 10 час. утра приѣхали въ Харьковъ. Распростившись съ любезными хозяевами вагона,

мы вышли на платформу и отправились узнавать, какъ ѣхать дальше на Ворожбу. Оказалось, что мы находимся въ столицѣ Совѣтской Украинской Республики, входящей въ составъ Россіи — Р. С. Ф. С. Р., и, поэтому, намъ надо выправить пропускъ на право выѣзда изъ этой республики въ мѣстной Чека, а для того, чтобы получить пропускъ, надо было простоять въ очереди не менѣе трехъ сутокъ, что, конечно, насъ не устраивало, такъ какъ жить было негдѣ, а на вокзалѣ всѣ залы были переполнены валявшимся на полу народомъ. Мы оказались въ большомъ затрудненіи, но насъ случайно выручилъ изъ бѣды дежурный по станціи агентъ, который посоветовалъ намъ ѣхать съ мѣстнымъ поѣздомъ на станцію Люботинъ, отстоящую отъ Харькова верстахъ въ 30, гдѣ, по его словамъ, можно сѣсть безъ всякихъ пропусковъ въ первый попавшійся отходящій поѣздъ на Ворожбу. Мы этимъ совѣтомъ тотчасъ же воспользовались и съ большимъ трудомъ погрузились въ мѣстный поѣздъ. Давка была страшная, но все-таки мы кое-какъ попали въ товарный вагонъ. Въ Люботинѣ намъ посчастливилось: часа черезъ два, по пріѣздѣ нашемъ туда, отошелъ поѣздъ на Ворожбу, въ которомъ мы довольно удобно размѣстились. Удобство заключалось въ томъ, что мы завладѣли отдѣльнымъ товарнымъ вагономъ, который, правда, былъ безъ всякихъ приспособленій, и намъ пришлось расположиться на полу. Но это было не важно, а важно было то, что этотъ вагонъ мы получили въ собственное распоряженіе на время нашего путешествія, т. е. сдѣлались его хозяевами и могли впускать или не впускать по своему желанію въ него публику на промежуточныхъ станціяхъ. Дѣло въ томъ, что на станціи Люботинъ скопилось очень много народу; здѣсь были демобилизованные красноармейцы, уволенные по болѣзни въ отпускъ послѣ тифа, командированные по службѣ и т. п. Всѣ эти люди объединялись между собой въ отдѣльныя группы и занимали для себя вагоны. Объединились и мы въ группу уволенныхъ по болѣзни въ отпускъ и заняли тоже вагонъ, куда набралось насъ человѣкъ около двадцати, и, поэтому, въ немъ особенно тѣсно не было. Далѣе же, при остановкахъ на станціяхъ, мы къ себѣ пускали публику съ большимъ разборомъ и, въ зависимости отъ мѣста въ вагонѣ, такъ какъ онъ получилъ уже названіе вагона особаго назначенія. Слѣдовалъ онъ безъ отцѣпки до станціи Ворожба, но по прибытіи туда, намъ удалось уговорить начальника станціи не выключать вагона изъ состава поѣзда и отправить его до Гомеля. Правда, на станціяхъ приходилось иногда выставлять къ своему вагону часового, чтобы не допустить нахлынувшую публику, но намъ, все-таки, удалось отстоять свое право на вагонъ и, поэтому, можно сказать, мы ѣхали съ комфортомъ.

Была ранняя южная весна, и ѣхать было тепло, но не такъ спокойно, какъ мы думали, когда выбрались изъ Харькова. Здѣсь опять-таки стали ходить разговоры о нападеніи бандитовъ на поѣзда и станціи. Въ подтвержденіе этихъ разговоровъ, когда мы пришли на ст. Богодухово, мы услышали, что два дня тому назадъ городъ Богодуховъ покинула банда повстанцевъ, владѣвшая имъ три дня. Она вырѣзала болѣе двухсотъ коммунистовъ и разгромила мѣстный исполкомъ и другія совѣтскія учрежденія. Прислушиваясь къ разговорамъ въ вагонѣ, можно было всегда съ точностью опредѣлить симпатіи большинства къ бандитамъ, именно за ихъ расправу съ коммунистами.

Въ нашемъ вагонѣ ѣхали двое коммунистовъ, но они очень осторожно вступали въ споры съ красноармейцами и, видимо, чувствовали себя одинокими, не встрѣчая сочувствія въ массѣ. А обвиненія были страстны и горячи, и имъ пришлось много чего наслушаться. По обыкновенію, красноармейская масса жаловалась на отсутствіе пищи, обмундированія, обуви, дѣлая не лестныя для совѣтской власти сравненія съ порядками въ старой арміи, высказывала осужденіе за обращеніе съ ними комиссаровъ и начальства, говорила, что кормятъ только митингами, а не хлѣбомъ, и указывала на то разочарованіе и обманъ, которые имъ дала совѣтская власть. Это были все землеробы, ѣхавшіе домой по демобилизаціи съ разныхъ концовъ юга Россіи: съ Кавказа, изъ Новороссійска, Мариуполя и

другихъ южныхъ городовъ. Они уже видѣли, какъ было разорено тамъ населеніе, да и сами принимали непосредственное участіе въ этомъ разореніи, участвуя въ карательныхъ экспедиціяхъ совѣтской власти противъ непокорнаго крестьянства, не желавшаго выполнять разверстку, а теперь, приближаясь къ роднымъ деревнямъ, они предполагали встрѣтить дома то же самое, что они видѣли на чужбинѣ, и это сильно ихъ волновало и заставляло рѣзко высказываться о совѣтской власти. Наболѣе горячіе говорили, что если по приѣздѣ домой найдутъ тамъ все разореннымъ, то пойдутъ въ бандиты, такъ какъ иного исхода нѣтъ. «Дрался я три года, а за что дрался, совершенно не знаю, и теперь только, когда кончилъ драться, вижу, что дрался въ пустую. Никакого облегченія совѣтская власть не принесла намъ, а только окончательно разорила. Остается взять дубину и пойти на большую дорогу».

Въ началѣ нашего пути моего спутника между станціями Люботинъ и Богодуховъ обокрали, при чемъ воромъ оказался курсантъ красныхъ кремлевскихъ кавалерійскихъ курсовъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы и помѣстился въ нашемъ вагонѣ. Тутъ же ѣхалъ, какъ онъ самъ себя отрекомендовалъ, начальникъ штаба Харьковскаго Военнаго Округа со своимъ адъютантомъ, личность мало внушавшая довѣрія, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по манерѣ говорить. Всѣ они втроемъ вышли изъ вагона, не доѣзжая до Богодухова, при чемъ, взявъ свои вещи, кавалеристъ - курсантъ прихватилъ мѣшокъ моего спутника. Было темно, огня въ вагонѣ не было и вышедшіе скрылись въ темнотѣ. Когда поѣздъ тронулся, мой спутникъ хватился своихъ вещей, ихъ не оказалось на мѣстѣ. Пошли разспросы, какія именно вещи украдены; нашлись люди, которые видѣли, какъ курсантъ несъ описываемый мѣшокъ; сталъ вспоминать этотъ фактъ и самъ потерпѣвшій, который хотя и замѣтилъ свой мѣшокъ въ рукахъ курсанта, но былъ настолько полонъ довѣрія къ кавалеристу - юнкеру, будущему красному офицеру, что никакъ не могъ предположить, что послѣдній способенъ на воровство. Какъ на грѣхъ, незадолго до этого, мой спутникъ раскрывалъ свой мѣшокъ, а въ немъ было порядочное количество табаку, который онъ везъ изъ Крыма домой, и этимъ табакомъ сильно заинтересовался курсантъ. Этимъ происшествіемъ были очень смущены оба наши коммуниста и дали обѣщаніе это дѣло такъ не оставить, а когда они будутъ въ Москвѣ, куда они должны были приѣхать впоследствии, то зайти на курсы и заявить о кражѣ. Красноармейцамъ же это дало лишній поводъ, чтобы поднять на смѣхъ коммунистовъ и будущихъ красныхъ офицеровъ, и я думаю, что, если бы эта продѣлка была во время замѣчена, то курсанту жестоко досталось бы за это отъ нихъ.

Красноармейцы узнали во мнѣ бывшаго офицера и очень почтительно относились ко мнѣ, такъ что, несмотря на долгое путешествіе — ѣхали мы отъ Харькова до Гомеля пять сутокъ —, я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, которая мнѣ дала очень богатый матеріалъ по наблюденію эволюціи мысли красноармейца и крестьянина вправо, а также еще лишній разъ убѣдила меня, что коммунизмъ неприемлемъ для широкой массы населенія Россіи.

XIII.

30-го апрѣля, въ 4 часа ночи, мы приѣхали въ Гомель, затративъ, такимъ образомъ, на переѣздъ изъ Симферополя девять сутокъ, что по тому времени надо было считать малымъ срокомъ, такъ какъ поѣздка наша складывалась довольно удачнымъ образомъ, и мы, сравнительно легко, часто совершенно случайно, попадали на поѣзда и даже ѣхали въ собственныхъ отдѣльныхъ вагонахъ. Можно прямо сказать, что намъ повезло. Тишковъ отправился дальше къ себѣ домой въ Мстиславскій уѣздъ; мы сердечно распростились, оставшись довольны другъ другомъ.

Просидѣвъ до утра на вокзалѣ, я отправился въ городъ искать себѣ квартиру и по счастливой случайности нашелъ себѣ уголь у порядочныхъ людей, которые не знали о моемъ прошломъ, т. е. службѣ у бѣлыхъ. Въ Гомелѣ меня никто не зналъ и, конечно, не въ моихъ интересахъ было самому рассказывать о себѣ, ибо впоследствии свѣдѣнія о моемъ прошломъ могли дойти до мѣстной Чека и за мной началась бы слѣжка, а теперь я былъ только военнотрудовой инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, уволенный по болѣзни въ отпускъ. Такимъ я и явился въ Уѣздвоенкоматъ (Уѣздный военный комиссариатъ, управляющій функциями Уѣзднаго воинскаго начальника), предъявивъ свой отпускной билетъ. Здѣсь меня зачислили за собой, выдавъ мнѣ удостовѣреніе на право жительства въ Гомелѣ съ правомъ поѣздки на ст. Житковичи, куда я былъ уволенъ также въ отпускъ инспекціей пѣхоты.

Ст. Житковичи находилась въ 30 верстахъ отъ рѣки Случъ, которая служила границей между Польшей и Совдепией. Эта мѣстность была мнѣ относительно знакома съ прошлаго года, когда я ѣздилъ въ Пинскъ и обратно и, кромѣ того, у меня осталась съ прошлаго же года топографическая карта этой мѣстности въ масштабѣ двухъ дюймовъ. Изучивъ подробно эту карту, я рѣшилъ въ этомъ направленіи перейти границу и слѣдовать далѣе на Вильно, гдѣ у меня были знакомые, которые помогли бы мнѣ матеріально, а также благодаря своимъ связямъ, избавили бы меня отъ польскаго концентраціоннаго лагеря.

Кромѣ того, путемъ осторожныхъ вопросовъ, не выдавая своего желанія бѣжать, мнѣ нужно было выяснить, насколько строго охраняется граница, гдѣ находится пограничный Особый Отдѣлъ и въ какомъ мѣстѣ безопаснѣе всего перейти рѣку. На это у меня ушло времени болѣе двухъ недѣль. Что касается моей поѣздки на ст. Житковичи, т. е. въ районъ пограничной полосы, которая, какъ оказалось, вся была наводнена агентами - шпионами Чека, то у меня на случай, если бы при повѣркѣ документовъ спросили, почему я оказался въ этой мѣстности, былъ приготовленъ отвѣтъ: «Бду за своими вещами, которыя я оставилъ на хуторѣ за Житковичами въ прошломъ году при дослѣшномъ отправленіи изъ Пинска вмѣстѣ съ отступающимъ штабомъ 4-ой арміи». Это въ дѣйствительности такъ и было, но только не со мной, а съ нѣкоторыми сослуживцами по штабу 4-ой арміи.

Наконецъ, 17-го мая я тронулся въ путь - дорогу, сказавъ дома, что ѣду за своими вещами въ Житковичи и что на это имѣю разрѣшеніе отъ Уѣздвоенкомата. Въ то время, какъ я уже выше упомянулъ, не существовало правильнаго пассажирскаго движенія и билетовъ на поѣздъ покупать не надо было: все было бесплатно, въ томъ числѣ и ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Ѣхать мнѣ надо было въ направленіи Рѣчица - Калинковичи (Мозырь). Изъ окрестностей этихъ мѣстечекъ большевики вывозили въ Гомель дрова, заготовленные прошлой зимой лѣсозаготовительными дружинами для желѣзной дороги. Отсюда обратно ежедневно отходилъ опорожненный составъ товарныхъ вагоновъ вновь за дровами, и вотъ въ такомъ поѣздѣ мнѣ удалось устроиться вмѣстѣ съ другими, ѣдущими до Мозыря по своимъ дѣламъ, и доѣхать до ст. Калинковичи. Здѣсь посчастливилось пересѣсть на подобный же поѣздъ и доѣхать до ст. Житковичи. По дорогѣ была повѣрка документовъ, я предъявилъ свое удостовѣреніе и, какъ не внушающій никакого подозрѣнія, былъ оставленъ въ поѣздѣ. Доѣхавъ въ двое сутокъ до ст. Житковичи, я вышелъ на этой станціи и отправился по знакомой мнѣ дорогѣ къ селу Людженевичи. Пройдя версты четыре, я свернулъ съ дороги въ лѣсъ и пошелъ уже по компасу и картѣ, тщательно избѣгая встрѣчи съ кѣмъ-либо, а также обходя встрѣчающіеся хутора, которыхъ здѣсь было особенно много, такъ какъ изъ раньше произведенныхъ мною разспросовъ мнѣ было извѣстно, что жители пограничной полосы и особенно пастухи находятся на службѣ у мѣстной Чека и доносятъ ей о всякомъ видѣнномъ ими человѣкѣ, особенно въ настоящее время, когда шла усиленная тяга бѣглецовъ за рубежъ. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ выше, производилась демобилизація арміи и изъ различныхъ

воинскихъ частей были уволены въ безсрочный отпускъ красноармейцы, родина которыхъ была въ окрестностяхъ Лунинца и Пинска. Мѣстности эти отошли по Рижскому договору съ Польшей къ послѣдней, а въ штабахъ воинскихъ частей, благодаря невѣжеству и безграмотности начальства, а также и секретности Рижскаго договора (долой тайные договоры), который большевики весь не опубликовали, никто не зналъ, гдѣ проходитъ настоящая граница между Польшей и Совдепией, и увольняли въ означенные пункты безсрочноотпущенныхъ красноармейцевъ, которые, приѣхавъ въ Калинковичи и Житковичи, узнавали, что они теперь уже подданные Польши, а черезъ границу ихъ не пропускала мѣстная Чека.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ пунктахъ скопилось нѣсколько тысячъ такихъ красноармейцевъ, которые сидѣли на весьма скудномъ пайкѣ, томились отъ бездѣлья и неизвѣстности и рвались домой. Размѣщены они были отвратительно въ нетопленыхъ домахъ съ выбитыми окнами и дверьми. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли уже давно, съ января мѣсяца сего года. Наиболѣе ярые протестовали противъ задержки ихъ отправки на родину, но были мѣстной Чека арестованы и въ назиданіе остальной публики разстрѣляны. Послѣ этого вся эта масса притихла, но за то началось усиленное бѣгство за - границу и именно въ этомъ направленіи, которое и я избралъ для себя. Обо всемъ этомъ я раньше ничего не зналъ и услышалъ только въ вагонѣ отъ ѣхавшихъ со мной красноармейцевъ, случайныхъ попутчиковъ. Нѣкоторымъ счастливицамъ удавалось проскользнуть черезъ границу, но большинство арестовывалось агентами Чека и отправлялось въ Житковичи, гдѣ для нихъ была устроена тюрьма въ помещеніи двухъ еврейскихъ синагогъ и сельской школы, окруженная высокимъ заборомъ и окутанная колючей проволокой. Кромѣ того, черезъ границу перевозилась въ большомъ количествѣ контрабанда, которую большевики преслѣдовали, и пойманные контрабандисты отправлялись тоже въ эту тюрьму. Конечно, по большевистскому обычаю шла жестокая расправа съ обитателями этой тюрьмы, по ночамъ постоянно были слышны разстрѣлы и, хотя все это было извѣстно красноармейской демобилизованной массѣ, тоска по родинѣ и ужасныя условія жизни у большевиковъ гнали ихъ къ границѣ.

Въ этомъ году было большое половодье, а я не принялъ этого во вниманіе при своемъ выступленіи въ путешествіе. Мѣстность, по которой мнѣ пришлось итти, находится въ бассейнѣ рѣки Припяти, перерѣзана массою мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Припять, которыя лѣтомъ пересыхаютъ отъ жары, а въ настоящее время были полны водой. Кромѣ того, эта мѣстность была преддверіемъ знаменитыхъ Пинскихъ болотъ, и мнѣ было очень трудно итти безъ дороги, только по компасу глухими Полѣскими лѣсами. Приходилось дѣлать большіе обходы трясинъ, попадая иногда въ совершенно безвыходное положеніе, сбиваясь съ пути и опять выправляя направленіе по компасу. Это не былъ обыкновенный сосновый лѣсъ, а сплошная трясина, поросшая вязомъ, осиною и березой. Если прибавить къ этому огромное количество комаровъ, которые тучами меня окружали, то легко представить себѣ, какъ мнѣ было трудно итти этимъ путемъ. По картѣ разстояніе отъ Житковичей до границы выходило въ 30 верстахъ, но я думаю, что прошелъ больше въ два раза, блуждая по болотамъ. Переночевавъ въ лѣсу на болотной кочкѣ и не сомкнувъ ни на минуту глазъ, несмотря на усталость, такъ какъ утки комаровъ не давали мнѣ покоя, я, какъ только разсвѣло, тронулся дальше и, въ концѣ концовъ, черезъ двое сутокъ своего лѣснаго путешествія пришелъ къ завѣтной цѣли: къ рѣкѣ Случь, въ назначенное мною по картѣ мѣсто, опредѣливъ точку стоянія компасомъ. Но къ моему большому горю р. Случь въ данный моментъ была шириною болѣе 30-ти сажень, благодаря большому половодью, въ то время какъ въ іюльскія жары она пересыхала настолько, что ее можно было перейти свободно въ бродъ. Берега были сильно болотисты и лѣсисты; кругомъ не было ни живой души, и, будь у меня топоръ, я могъ бы смастерить плотъ, на который бы сложилъ свою одежду, и вплавь перебрался бы на тотъ берегъ, толкая плотъ передъ собой; плыть же въ одеждѣ я не рискнулъ —

могъ бы утонуть, явиться же въ Польшу въ костюмѣ Адама тоже было немыслимо. Зная, что вправо и влево отъ точки моего стоянія, верстахъ въ 3—4, есть переправы, я, осторожно пробираясь лѣсомъ, отправился осмотрѣть ихъ, рассчитывая, если онѣ не заняты, перейти по нимъ границу, но и здѣсь меня постигло разочарованіе: на обѣихъ переправахъ стояли красноармейскіе караулы. Осторожно попятившись назадъ, я скрылся въ чащѣ лѣса, не замѣченный карауломъ, и рѣшилъ возвращаться обратно въ Гомель, отложивъ попытку бѣгства до болѣе удобнаго времени. Теперь мнѣ нужно было выйти на какую нибудь дорогу и идти смѣло по ней на ж. д. разъѣздъ «Дѣдовка», который по картѣ находился отъ меня верстахъ въ 10. Мнѣ только нужно было незамѣтно отойти отъ самой границы, далѣе же я рѣшилъ перейти на легальное положеніе и въ случаѣ, если бы кто-нибудь изъ агентовъ Чека меня остановилъ, то я рѣшилъ, предъявивъ выданное мнѣ Уѣздвоенкоматомъ удостовѣреніе на право поѣздки въ Житковичи, заявить, что я возвращаюсь съ хутора, гдѣ взялъ свои оставленные въ прошломъ году вещи, которыя могъ предъявить въ доказательство этого: у меня былъ съ собою мѣшокъ съ бѣльемъ и запасной одеждой.

Благодаря компасу и картѣ я скоро вышелъ на дорогу, ведущую на Дѣдовку, и вскорѣ былъ на ней. Меня никто по дорогѣ не встрѣтилъ. На разъѣздѣ было тихо и пустынно, сидѣлъ только дежурный красноармеецъ отъ желѣзнодорожнаго батальона, который объяснилъ мнѣ, что поѣздъ ушелъ въ Житковичи вчера и снова пойдетъ только черезъ два дня. Дѣло въ томъ, что отъ ст. Житковичи и до границы — до моста черезъ рѣку Случъ — эксплуатація желѣзной дороги была въ рукахъ военныхъ властей, и здѣсь ходили, такъ называемыя, «минутки» — поѣзда, состоящіе изъ 2—3 товарныхъ вагоновъ, обслуживаемые желѣзнодорожнымъ батальономъ. Кромѣ того, здѣсь, равно какъ и въ Житковичахъ, стоялъ броневой поѣздъ: по ту сторону границы на ст. Лохва, по свѣдѣніямъ большевиковъ стоялъ съ двумя полками Булакъ-Балаховичъ, и они сильно побаивались его.

Я очень усталъ, меня клонило ко сну, вѣдь я не спалъ четыре ночи, ибо въ вагонѣ, ѣдучи еще до ст. Житковичи, спать не представлялось возможности, кромѣ того нервы, напряженно работая все время, теперь совершенно ослабѣли, и я чуть не валился съ ногъ. Войдя въ комнату телеграфиста-красноармейца я объяснилъ ему, что я военнослужащій, возвращаюсь обратно въ Гомель, показалъ ему свое удостовѣреніе и сказалъ, что очень усталъ, пройдя большой путь съ хутора, куда ходилъ за своими вещами. Красноармеецъ любезно предложилъ мнѣ лечь на его нары, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись уже поздно вечеромъ, я рѣшилъ, несмотря на усталость, идти пѣшкомъ въ Житковичи, но въ это время пріѣхалъ на дрезинѣ начальникъ участка желѣзной дороги, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ возвращаться обратно въ Житковичи, я попросилъ его подвезти меня, что онъ охотно и исполнилъ.

Пріѣхавъ въ Житковичи, я узналъ, что поѣздъ пойдетъ въ Калинковичи только черезъ три дня; такъ какъ разстояніе отъ Житковичей до ст. Калинковичи пѣшкомъ не пройдешь, то пришлось ждать эти три дня. Недалеко отъ станціи находился заѣзжій дворъ, который содержалъ еврей, пользуясь тѣмъ, что у него жили два агента пограничной Чека, такъ какъ въ то время еще никакія торговля предпріятія Совѣтской властью не разрѣшались. Вотъ эти три дня я и провелъ на заѣзжемъ дворѣ. На второй день моего пребыванія, около 11 часовъ вечера, пришли во дворъ агенты Чека съ обыскомъ и предложили предъявить всѣмъ намъ документы. Я предъявилъ свое удостовѣреніе, и они имъ удовлетворились.

Разговаривая съ евреемъ, содержателемъ гостиницы, а также съ его тестемъ, евреемъ почтенныхъ лѣтъ, пріѣхавшимъ изъ мѣстечка Турова погостить къ дочери, я вынесъ для себя очень много интересныхъ наблюденій. Обыкновенно днемъ, когда въ домѣ никого не было изъ агентовъ Чека, старикъ еврей, который позондировалъ вначалѣ мои политическія убѣжденія и убѣдился въ томъ, что я не красный, начиналъ горько жаловаться на Совѣтскую власть, при чемъ

къ нему присоединился и его зять. Конечно, его жалобы на нынѣшнее положеніе всегда сопровождались сравненіемъ съ прежнимъ режимомъ и выходило такъ, что тогда было золотое время. «Вотъ, что вы скажете, господинъ. Тогда у насъ была черта осѣдлости, и мы не имѣли права никуда выѣзжать. Жилъ я въ Туровѣ, понадобилось мнѣ ѣхать въ Кіевъ по дѣламъ. Сѣлъ на пароходъ и черезъ сутки былъ въ Кіевѣ. Выхожу на пристань, смотрю: стоитъ городской и манить къ себѣ пальцемъ. Ну, я понялъ уже въ чемъ дѣло; подошелъ къ нему и положилъ ему въ руку рубль. Онъ только сказалъ: «Ступай себѣ». Прожилъ я въ Кіевѣ пять дней, сдѣлалъ всѣ свои дѣла и вернулся обратно. А вотъ теперь черту осѣдлости отмѣнили, а выѣхать никто не можетъ, такъ какъ безъ удостовѣренія на право выѣзда никуда не пускаютъ, а удостовѣренія не даютъ; положимъ, удостовѣреніе получить можно, но для этого надо дать въ Чека 200 000 рублей (въ то время порядочная сумма), а откуда я ихъ возьму, да и это бы еще ничего, а дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше поѣдешь, тѣмъ больше надо давать: и Чека, и милиціи, и кондукторамъ, и всѣмъ, кто на бѣдномъ еврейчикѣ нажиться хочетъ. Нѣтъ, господинъ, прежде съ городovýmъ лучше было».

Жаловались они и на запретъ торговли, на постоянныя реквизиціи и аресты — однимъ словомъ на все, отъ чего вездѣ стоналъ обыватель. Когда же я возразилъ имъ, что евреи, казалось бы, теперь должны лучше жить, такъ какъ вездѣ у Совѣтской власти фигурируютъ евреи, и указалъ при этомъ на Троцкаго, Зиновьева и другихъ видныхъ представителей центральной власти, то на это получилъ отвѣтъ:

«— Ой, господинъ, что вы говорите. Какіе же это евреи, холера имъ въ животъ! Развѣ это евреи? Когда наши еврейчики ходили къ Троцкому депутаціей просить, чтобы онъ оставилъ всякія безчинства и ушелъ бы изъ комиссаровъ, потому за это евреямъ не поздоровится и имъ будутъ устраивать погромы; такъ таки, что, вы думаете, онъ сказалъ? Онъ сказалъ, идите отъ меня прочь, я не еврей, а интернаціоналистъ, и мнѣ до васъ, буржуевъ, никакого дѣла нѣтъ. Правда, за это его предали хериму въ синагогѣ. Ну, такъ, господинъ, отъ этого ему хуже не стало, онъ себѣ живетъ въ Москвѣ, а бѣдныхъ евреевъ рѣжутъ Балаховскіе бандиты. Правда, и здѣсь, въ Гомелѣ, есть много молодыхъ евреевъ, которые служатъ въ Чека, ну, такъ вѣдь это все «шпруцимъ» — никуда негодные люди, про которыхъ въ Талмудѣ сказано, что они будутъ у власти на вредъ людямъ, только ненадолго. Они и въ синагогу не ходятъ, и въ Бога не вѣруютъ. Нѣтъ, господинъ, мы ихъ за своихъ не считаемъ и они насъ тоже».

«Ну, а какъ вамъ жилось здѣсь, въ Житковичахъ въ прошломъ году, когда былъ Булакъ - Балаховичъ? Мнѣ много говорили, что онъ сильно притѣснялъ евреевъ?»

«Нѣтъ, господинъ, неправда это, жилось не хуже другихъ; никого онъ изъ нашихъ не трогалъ, если только не служилъ у большевиковъ или не былъ коммунистомъ. Правда обыски были, мы сами знаемъ, что безъ нихъ не обойтись, но жаловаться на эти обыски нельзя. Я самъ видѣлъ Балаховича. Его поѣздъ стоялъ на станціи, такъ мы ходили туда смотрѣть, и насъ никто не прогналъ и никакой обиды не причинилъ. Все было чинно. А вотъ, когда пришли обратно большевики, такъ опять пошли опросы: «почему васъ Балаховичъ не разстрѣлялъ? Значитъ, вы ему служили?» У Балаховича было все равно: что русскій, что еврей, что полякъ; коммунистовъ онъ всегда ставилъ къ стѣнкѣ, а другихъ людей не трогалъ».

Гуляя отъ нечего дѣлать по мѣстечку и станціи, я наткнулся на группу «американцевъ». Это были русскіе эмигранты изъ Америки, пробывшіе тамъ по пяти и десяти лѣтъ и въ настоящее время, соблазненные тамъ коммунистической пропагандой о жизни въ Совѣтскомъ раю, вернувшіеся обратно на свою родину. Какъ они рассказывали, мѣсяца два тому назадъ пріѣхали прямо въ Петроградъ, согласно маршруту Совѣтскихъ властей, «чтобы протянуть дружественную руку американскаго рабочаго русскому пролетариату». И вотъ съ той поры начались

ихъ мытарства. Конечно, никакой работы на Петроградскихъ заводахъ и фабрикахъ они не получили, а между тѣмъ надо было ѣсть и пить. Бесплатныхъ государственныхъ столовыхъ и общежитій, о которыхъ такъ много писалось въ коммунистическихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Америкѣ, они не нашли. Хорошо, что еще ихъ оставили жить на станціи въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ они пріѣхали. Доллары, которые они привезли съ собой, совѣтская власть у нихъ отобрала, выдавъ вмѣсто нихъ по своему курсу совѣтскіе рубли, да кстати, попутно и реквизировала у нихъ тѣ лишніе костюмы, которые они привезли съ собой. Совѣтскія деньги при той дороговизнѣ, которая въ то время была въ Петроградѣ, быстро были израсходованы на пропитаніе; дальше жить было не на что. Пришлось продавать съ себя одежду. Между тѣмъ волокита по отправкѣ на родину была невѣроятная. Нѣсколько разъ опрашивали агенты Чека: Зачѣмъ пріѣхали? Что дѣлали въ Америкѣ? Написали массу анкетъ. Нѣкоторые хотѣли ѣхать обратно въ Америку: совѣтская власть не выпускаетъ, да и Америка не принимаетъ. Наконецъ, послѣ долгаго сидѣнія въ Петроградѣ, разрѣшили ѣхать домой, но когда пріѣхали сюда въ Житковичи, то оказалось, что ихъ деревни отошли подъ Польшу, о чемъ въ Петроградѣ имъ не сказали. Здѣсь пограничная Чека задержала ихъ и не пропускаетъ за границу домой. Уже нѣсколько недѣль сидятъ они въ товарныхъ вагонахъ на станціи и ждуть у моря погоды. Окончательно промѣняли всю свою одежду, привезенную изъ Америки на хлѣбъ и сало мѣстнымъ крестьянамъ, сильно завшивѣли, о чемъ въ Америкѣ забыли и думать, появилась эпидемія тифа. Хотѣли они написать письма въ Америку, чтобы предупредить оставшихся тамъ русскихъ, мечтающихъ о совѣтскомъ раѣ, чтобы они не ѣхали сюда, но большевистская цензура не пропускаетъ этихъ писемъ. Надо было только послушать тѣ проклятія, которыя они сыпали на голову большевиковъ и тѣхъ, кто соблазнилъ ихъ прелестями коммунистической свободы. И свободѣ этой тоже порядкомъ доставалось. Конечно, тутъ же дѣлались сравненія съ американской жизнью и ея свободой. Говорили они, что какъ только пріѣдутъ домой въ Польшу, то сейчасъ же напишутъ обо всемъ въ Америку. Сколько времени эти «американцы» пробыли въ Житковичахъ въ ожиданіи пропуска на родину — не знаю. Но недѣли черезъ четыре послѣ этого я встрѣтилъ въ Гомелѣ одного знакомаго, который былъ на ст. Житковичи, и онъ говорилъ мнѣ, что эти «американцы» все еще сидѣли въ Житковичахъ.

Наконецъ, отошелъ поѣздъ на Гомель, куда я снова въ товарномъ вагонѣ добрался. Неудача первой попытки бѣжать изъ совѣтскаго рая въ этомъ направленіи не разочаровала меня, и я рѣшилъ ее повторить, какъ только представится къ тому удобный случай.

Между тѣмъ срокъ моего мѣсячнаго отпуска истекъ, и я былъ назначенъ Уѣздвоенкоматомъ на комиссію врачей для опредѣленія степени моего здоровья. Здѣсь я заявилъ, что зрѣніе мое еще не возстановилось и, поэтому, я просилъ дать мнѣ еще одинъ мѣсяцъ отпуска. Комиссія врачей отправила меня на испытаніе къ врачу-окулисту, который послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣйствительно нашелъ, что зрѣніе у меня еще не возстановлено, въ чемъ и выдалъ мнѣ удостовѣреніе, согласно котораго комиссія продлила мнѣ отпускъ еще на одинъ мѣсяцъ. Такимъ образомъ я списывался съ учета по мѣсту моей прежней службы и зачислялся на учетъ въ мѣстный Уѣздвоенкоматъ, откуда, какъ я упоминалъ выше, по окончаніи отпуска долженъ былъ получить новое назначеніе.

* * *

Когда я еще былъ въ Крыму, въ сѣверной Таврии и на Украинѣ постоянно приходилось слышать разговоры о бандитахъ, о чемъ я писалъ раньше. При разобъщенности мѣстности, а также при правительственной совѣтской печати, которая пишетъ только то, что выгодно коммунистамъ, намъ ничего не было извѣстно о бандитизмѣ въ Западномъ Краѣ, тѣмъ болѣе что, будучи здѣсь въ прошломъ

году, мы ничего про него не слышали, такъ какъ дѣйствительно въ прошломъ году его здѣсь не было. Отдѣльные слухи доходили до насъ о постоянныхъ возстаніяхъ и о работѣ бандъ на Дону, Кубани и Сѣверномъ Кавказѣ, но про Западный Край ничего не было слышно, и я предполагалъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи спокойно. Каково же было мое удивленіе, когда, еще подъѣзжая къ Бахмачу, мы услышали въ поѣздѣ, что не только здѣсь мы можемъ подвергнуться нападенію бандитовъ, которые скрываются недалеко отъ станціи въ лѣсу, но и далѣе у Гомеля оперируютъ банды знаменитаго здѣсь Галаха. Это имя въ Гомельской губерніи было у всѣхъ на устахъ и окружено ореоломъ таинственности и святостью идеи борьбы съ коммунистами и; увы, съ евреями. Дѣйствительно, проживъ въ Гомелѣ мѣсяць я почти ежедневно слышалъ о его лихихъ налетахъ на мѣстечки, поѣзда и пароходы, ходившіе по рѣкѣ Сожу, при чемъ послѣдніе обыкновенно останавливались имъ у мѣстечка Лоева, при впаденіи Сожа въ Днѣпръ. гдѣ Галахъ, повидимому, имѣлъ свою постоянную резиденцію.

Какъ разсказывали, Галахъ былъ крестьянинъ Гомельскаго уѣзда, участникъ Великой войны, произведенный за храбрость изъ солдатъ въ офицеры. Вернувшись по демобилизаціи старой арміи къ себѣ на родину, въ родную деревню, Галахъ увидѣлъ ту массу зла, которую причинили крестьянамъ коммунисты и выступилъ съ протестомъ противъ нихъ, а когда послѣдніе хотѣли его арестовать, онъ своевременно скрылся, набралъ себѣ банду около 60 человекъ, отъ которой пошли развѣтвленія по всей Гомельской губерніи и которыя въ свою очередь образовали новыя банды, и имя Галаха сдѣлалось грознымъ, какъ для коммунистовъ, такъ и для евреевъ, которыхъ онъ отождествлялъ съ коммунистами, играя въ этомъ отношеніи на неприязни бѣлорусса къ евреямъ вообще. Дѣйствительно бѣлоруссы, видя во всѣхъ совѣтскихъ органахъ и въ мѣстныхъ коммунистическихъ организаціяхъ еврейскую молодежь на отвѣтственныхъ постахъ, которая отличалась своей жестокостью, переносили ненависть и на еврейскую массу, которая сплошь и рядомъ страдала точно такъ же, какъ и другіе, отъ коммунистическаго произвола. Это, конечно, было большое зло, но никто не могъ убѣдить или доказать, что еврейская масса здѣсь не при чемъ. Обыкновенно по городу съ особымъ удовольствіемъ передавали слухъ, что нѣсколько дней тому назадъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстечкѣ, Галахъ со своими молодцами вырѣзалъ мѣстный совѣтъ, состоящій изъ коммунистовъ, и заодно съ ними всѣхъ евреевъ мѣстечка, не щадя ни пола, ни возраста. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ въ Гомель начали прибывать изъ окрестныхъ мѣстечекъ бѣженцы - евреи, которыхъ совѣтская власть стала вселять въ квартиры, уплотняя населеніе, и мнѣ пришлось самому слышать разсказъ еврея, прибывшаго изъ Городни Гомельской о томъ, какъ бандиты, ворвавшись къ нимъ въ домъ, убили его мать и брата, онъ же избѣгъ той - же участи только потому, что въ это время не былъ дома. Обыкновенно послѣ такого налета изъ города посылались отрядъ милиціи, но когда онъ прибывалъ на мѣсто, то тамъ уже никого не было.

Въ концѣ іюня мѣсяца былъ случай, что въ Лоевѣ были остановлены въ одинъ день два парохода — одинъ изъ нихъ «Восходъ», названія другого не помню. Это были два лучшихъ парохода воднаго транспорта, образованнаго изъ национализированныхъ судовъ частныхъ владѣльцевъ. Одинъ изъ этихъ пароходовъ отошелъ изъ Гомеля на Кіевъ, наполненный публикой, а другой подымался вверхъ изъ Кіева къ Гомелю. Мѣстомъ встрѣчи ихъ была мѣстность около Лоева. Первымъ былъ остановленъ пароходъ шедшій изъ Гомеля, на который были наведены съ берега пулеметы, и капитанъ, видя послѣдніе, исполнилъ требованіе бандитовъ и присталъ къ берегу, тѣмъ болѣе, что находившаяся на пароходѣ команда красноармейцевъ для охраны его, зная, что бандиты красноармейцамъ, не оказавшимъ сопротивленія, ничего не дѣлаютъ, требовали у капитана исполненія приказанія бандитовъ. Бандиты вошли на пароходъ вооруженные до зубовъ, прекрасно обмундированные, оставивъ на берегу съ коноводами отличныхъ верховыхъ лошадей. Какъ передавали впослѣдствіи очевидцы, у нихъ была строгая дисциплина

и безпрекословное исполненіе приказаній начальника. Пассажирамъ было приказано сойти на берегъ, при чемъ коммунистамъ и евреямъ — стать въ одну сторону, а остальной публикѣ въ другую. Послѣ этого была произведена повѣрка документовъ и вновь обнаруженные коммунисты извлекались изъ общей толпы. Въ это время показался пароходъ шедшій снизу. Съ нимъ и съ его пассажирами было поступлено точно такъ - же. Послѣ сортировки пассажировъ коммунисты и евреи были перебиты и сброшены въ воду, а остальной публикѣ было предложено идти, кто куда хочетъ, при чемъ никакого насилія надъ ними не было сдѣлано, равно какъ и надъ красноармейцами. Пароходы же были сожжены. Всего погибло при этомъ 72 человекъ. Этого происшествія въ Гомелѣ скрыть уже было нельзя, такъ какъ туда явились очевидцы и рассказывали обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Гомельскій Губисполкомъ выпустилъ по этому поводу оффиціальное сообщеніе, появившееся на страницахъ «Полѣсской Правды» и расклеенное отдѣльными экземплярами на стѣнахъ домовъ, въ которомъ говорилось о происшедшемъ и въ заключеніе было помѣщено предупрежденіе всему населенію, что въ случаѣ, если кто - либо изъ пассажировъ, при слѣдующемъ налетѣ бандитовъ на пароходъ или поѣздъ, будетъ себя держать пассивно и не окажетъ сопротивленія, а также и не предприметъ ничего къ защитѣ коммунистовъ и евреевъ, то будетъ преданъ суду, какъ соучастникъ бандитовъ. Это нелѣпое распоряженіе только сократило число пассажировъ на пароходахъ.

На Сожѣ появились канонерки. Это были товарные пароходы, съ поставленными на нихъ орудіями и пулеметами, но пользы дѣлу онѣ не принесли, такъ какъ, конечно, банды съ ними въ открытый бой не вступали, а нападенія на пароходы продолжались въ теченіе всего лѣта, ибо канонерки не конвоировали суда, а только занимались патрулированіемъ по рѣкѣ, и банды, всегда прекрасно освѣдомленные о мѣстѣ нахожденія канонерокъ, дѣлали нападенія на пароходы тамъ, гдѣ канонерокъ не было.

Сожженіе этихъ двухъ пароходовъ нанесло большой ущербъ водному транспорту Гомельскаго узла, такъ какъ, несмотря на то, что въ дореволюціонное время по рѣкамъ Сожу и Днѣпру существовали большія пароходныя общества, водный транспортъ влачилъ жалкое существованіе, ибо почти всѣ пароходы прежняго торговаго флота стояли теперь у пристани или были вынесены половодьемъ на берегъ: машины у нихъ были испорчены, а сами пароходы не отремонтированы. Все, что болѣе или менѣе представляло цѣнность, какъ - то мѣдныя части, трубки и т. п., неизвѣстно кѣмъ, было похищено. Жалко было смотрѣть на тѣ пароходы, которые кое - какъ ходили по рѣкѣ. Они были совершенно не отремонтированы, не выкрашены, съ плохо обученной командой, лишеные какого - либо удобства. Зимой ремонта пароходамъ не производилось, и они были пущены въ ходъ въ томъ - же состояніи, въ которомъ окончили прошлогоднюю кампанію. О правильномъ освѣщеніи береговъ и лоцманахъ говорить не приходилось, а также и объ очисткѣ рѣки дноуглубительными машинами. Пароходы постоянно терпѣли аваріи и садились на мель.

Случай съ нападеніемъ на пароходы былъ далеко не единственный. Въ теченіе лѣта были донесенія о нападеніи на баржи съ сѣномъ, собраннымъ на заливныхъ лугахъ подъ Лоевымъ. Эти баржи были сожжены во время слѣдованія въ адресъ Гомельскаго Упродгуба, а также были сожжены стоявшія въ затонахъ съ прошлаго года судна разныхъ наименованій, принадлежавшія къ водному транспорту.

Нападенія бандъ Галаха имѣли мѣсто ежедневно; но совѣтской печатью обыкновенно это замалчивалось, и только какой - либо особенный случай расправы съ коммунистами и евреями устно доходилъ до Гомеля, волнуя еврейское населеніе, и тогда уже, когда нельзя было утаить шила въ мѣшкѣ, на страницахъ «Полѣсской Правды» появлялось объ этомъ оффиціальное сообщеніе Губисполкома.

Въ началѣ сентября въ Гомель пришла вѣсть о налетѣ банды на станцію Абрамовскую, находящуюся на вѣткѣ желѣзной дороги Василевичи - Хойники По-

лѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это была особенно звѣрская расправа, жертвами которой стали вновь коммунисты и евреи. Какъ мнѣ рассказывали очевидцы этого нападенія, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Абрамовской, на платформѣ находились прекрасно вооруженные и одѣтые бандиты, числомъ около 30 человѣкъ. Станція оказалась изолированной отъ другихъ станцій выключеніемъ телеграфа и телефона. Интересно отмѣтить, что слѣдующая станція была «Хойники», въ которой стоялъ совѣтскій кавалерійскій полкъ XI-ой дивизіи, узнавшій о происшедшемъ уже послѣ того, какъ бандиты скрылись. Бандиты окружили поѣздъ и приказали всѣмъ пассажирамъ выйти изъ вагоновъ, произвели повѣрку документовъ, причемъ коммунистовъ и евреевъ заперли въ помѣщеніи станціи, а прочихъ пассажировъ въ вагонахъ. Грабежа или какого-либо насилія къ послѣднимъ примѣнено не было. Коммунистовъ и евреевъ выводили по очереди изъ помѣщенія станціи и тутъ же ломомъ разбивали имъ головы. Всего при этомъ погибло 32 человѣка. Картина этой звѣрской расправы была настолько ужасна, что нѣкоторые изъ очевидцевъ заболѣли нервнымъ расстройствомъ. Стѣны станціи были забрызганы кровью и мозгами убитыхъ. Сдѣлавъ свое дѣло, бандиты сѣли на коней и скрылись. Присланные впослѣдствіи сюда конныя части XI-ой дивизіи, несмотря на тщательные поиски, бандитовъ не нашли.

До чего дошло огрубѣніе нравовъ у народа во время гражданской войны, можно судить по тому, что рассказы объ этихъ ужасахъ не вызывали сожалѣнія къ несчастнымъ, попавшимъ въ руки бандитовъ, а наоборотъ человѣкъ, который не могъ смотрѣть, какъ рѣжутъ курицу, въ данномъ случаѣ говорилъ, что потерпѣвшіе достойны понесенной ими кары и хорошо было - бы, если бы было возможно вырѣзать всѣхъ остальныхъ коммунистовъ и евреевъ въ одинъ разъ. Сколько надо было вынести страданій такому человѣку, а также и наглядѣться на чужія страданія, чинимыя коммунистами, чтобы дойти до такого рѣшенія?

Въ концѣ концовъ, Галахъ былъ все-таки убитъ, о чемъ осенью было выпущено официальное сообщеніе Губисполкома. Губчека, отчаявшись изловить его воинскими командами, подслала къ нему трехъ коммунистовъ, которые должны были войти къ нему въ довѣріе и при случаѣ его убить. Двое изъ нихъ были избиты Галахомъ и разстрѣляны, третій же успѣшно выполнилъ свою миссію. Галахъ сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ, и тотъ какъ-то вечеромъ, слѣдуя съ нимъ вдвоемъ, выстрѣломъ изъ револьвера сзади убилъ его. Галаха не стало, но дѣло его не пропало. Тотчасъ-же появились его замѣстители различныхъ наименованій и стали жестоко мстить за смерть своего начальника, вымѣщая злобу преимущественно на несчастныхъ евреяхъ, которые въ паникѣ потянулись въ Гомель, бросая свои насиженные мѣста.

XIV.

Кончился июнь мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ мой отпускъ; я опять явился въ Уѣздвоенкоматъ, который направилъ меня снова въ комиссію по освидѣтельствуванію здоровья. Я попросилъ врачей дать мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я по состоянію своего здоровья негоденъ къ строевой службѣ. Врачи исполнили мою просьбу, признавъ меня годнымъ къ службѣ на административныхъ или хозяйственныхъ должностяхъ, и я былъ зачисленъ въ резервъ чиновъ, въ ожиданіи открытія таковой должности, при чемъ этимъ я списывался съ мѣста своей прежней службы, что мнѣ только и надо было. При томъ хаосѣ въ дѣлопроизводствѣ, который, какъ я замѣтилъ, царилъ въ Уѣздвоенкоматѣ, я былъ увѣренъ, что послѣднимъ штабъ войскъ Украины не былъ извѣщенъ о случившейся перемѣнѣ въ моемъ послужномъ спискѣ, а также и о мѣстѣ моего нахождения и, слѣдовательно, я теперь уже «затерялся». Черезъ недѣлю послѣ этого вышелъ приказъ по войскамъ Р.С.Ф.С.Р. о демобилизаціи офицеровъ свѣше 35-лѣтняго возраста, при чемъ все-таки были сохранены градаціи и должность помощника инспектора

пѣхоты арміи была приравнена къ должности командира бригады, а таковой могъ быть уволенъ отъ службы только въ томъ случаѣ, если къ 1-му января 1921 года ему исполнилось 50 лѣтъ и если къ тому - же онъ не состоялъ въ чинѣ генерала, что обязывало служить до 60 лѣтъ. Какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по чину я не подходилъ къ этой категоріи, но тѣмъ не менѣе я въ Уѣздвоенкоматѣ, гдѣ мнѣ было предложено написать самому себѣ послужной списокъ, отмѣтилъ себя полковникомъ и заявилъ, что мнѣ 53 года и поэтому я прошу меня уволить отъ службы. У меня спросили метрическое свидѣтельство, котораго, конечно, у меня не оказалось, тогда меня отправили опять въ комиссію врачей, которая должна была опредѣлить мой возрастъ по паружному виду. Врачи согласились съ моимъ заявленіемъ и лишь одинъ комиссаръ комиссіи соглашался только на 52 года, но это мнѣ было рѣшительно все - равно. Съ рѣшеніемъ комиссіи относительно моего возраста я отправился въ Уѣздвоенкоматъ, который и уволилъ меня въ безсрочный отпускъ. Такимъ образомъ я покончилъ съ большевистской военной службой и получилъ изъ Гомельской городской милиціи совѣтскій паспортъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ, въ которомъ я именовался просто уже гражданиномъ. Это меня уже окончательно устраивало, но 10-го іюля послѣдовалъ опять приказъ, согласно котораго всѣ бывшіе офицеры должны были явиться вновь въ Уѣздвоенкоматъ и заполнять анкеты, въ которыхъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, стояли: 1) Вашъ бывший чинъ? и 2) Не служили - ли Вы въ бѣлыхъ арміяхъ: Деникина, Колчака, Врангеля и Миллера? На первый вопросъ я написалъ: «полковникъ», а на второй: «никогда въ бѣлыхъ арміяхъ не служилъ»; и очень хорошо сдѣлалъ, ибо впоследствии всѣ офицеры, служившіе въ бѣлыхъ арміяхъ, были высланы въ концентраціонный лагерь въ г. Череповецъ. Такимъ образомъ большевики поблагодарили тѣхъ, кто, хотя и принудительно, служилъ имъ во время польской войны.

Такимъ образомъ, я сдѣлался относительно свободнымъ человѣкомъ, если таковые могли быть въ Совдепіи, но я былъ безъ всякихъ средствъ, и мнѣ нужно было ѣсть и пить. Приходилось надъ этимъ вопросомъ задумываться, такъ какъ въ то время еще «Нэпа» не существовало и, слѣдовательно, служить гдѣ - либо въ частномъ учрежденіи не представлялось возможнымъ, за неимѣніемъ таковыхъ. Поэтому пришлось искать мѣста снова въ какомъ нибудь совѣтскомъ учрежденіи, чтобы обезпечить себя пайкомъ. На мое счастье я встрѣтилъ въ Гомелѣ своего знакомаго, съ которымъ служилъ въ инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, когда она была въ прошломъ году въ Гомелѣ. Знакомый этотъ при переброскѣ штаба 4-ой арміи въ Крымъ не поѣхалъ туда и, какъ имѣвшій связи съ совѣтской администраціей, устроился на службу въ Гомелѣ. Узнавъ отъ меня, что я теперь нахожусь безъ мѣста, а слѣдовательно мнѣ грозитъ голодное существованіе, онъ предложилъ мнѣ поступить въ агрономическое отдѣленіе Гомупродгуба въ качествѣ инструктора, говоря, что хотя жалованіе тамъ и не большое, но за то я буду обезпеченъ тамъ красноармейскимъ пайкомъ, и хотя это учрежденіе и военное, но я тамъ буду служить по вольному найму и, слѣдовательно, если мнѣ эта служба не понравится, то я могу уйти оттуда, когда захочу. На выраженное мною сомнѣніе въ пригодности моемъ къ агрономической службѣ онъ заявилъ, что это не такъ важно, лишь бы я выразилъ желаніе, а онъ уже все устроитъ, такъ какъ въ Упродгубѣ у него есть знакомства. Мнѣ не приходилось выбирать, и я поспѣшилъ поблагодарить его за предложеніе и согласиться. Мы условились на другой день итти въ Упродгубъ.

Гомупродгубъ — это управленіе по снабженію красной арміи по Гомельской губерніи. Функции его — приблизительно окружного интендантства старой арміи, конечно со многими измѣненіями и дополненіями. Такъ, напримѣръ, ввиду отсутствія средствъ у центра кормить воинскія части, было рѣшено, что послѣднія должны прокармливать себя сами, для чего Упродгубъ долженъ былъ получать изъ Губернскаго Земскаго Отдѣла (Губземотдѣла) въ пользованіе имѣнія, отобранныя у помѣщиковъ, за исключеніемъ лѣсныхъ угодій, и эксплуатировать ихъ

самъ, для чего въ его распоряженіи былъ рабочій батальонъ, или же сдавать, главнымъ образомъ, огороды и сѣнокосные луга воинскимъ частямъ, расположеннымъ въ губерніи, оставляя надзоръ и руководство по эксплуатаціи этихъ участковъ за собой. Упродгубъ дѣлился на нѣсколько отдѣленій, въ числѣ которыхъ было и агрономическое, которое завѣдывало всѣмъ вышеизложеннымъ; въ качествѣ агронома - инструктора въ это отдѣленіе и выставлялась моя кандидатура. Начальникомъ агрономическаго отдѣленія былъ нѣкто Михайловъ, какъ говорили, бывшій штабсъ - капитанъ артиллеріи, человѣкъ очень ловкій и умѣющій устраивать свои дѣла при какомъ угодно режимѣ, но въ агрономическомъ отношеніи человѣкъ совершенно ничего не смыслившій, такъ какъ никакого агрономическаго образованія не имѣлъ, да это, впрочемъ, какъ я увидѣлъ впоследствии, на совѣтской службѣ и не особенно было нужно. Когда на другой день я со своимъ знакомымъ явился къ нему, онъ меня принялъ очень любезно и, на мою просьбу дать мнѣ мѣсто, предложилъ подать заявленіе. Когда же я, рѣшивъ быть откровеннымъ, сказалъ ему, что, собственно говоря, я не имѣю никакихъ агрономическихъ познаній и что это меня сильно смущаетъ, онъ мнѣ возразилъ: «Ну, полно, развѣ вы до сихъ поръ еще не знаете, что въ совѣтской республикѣ, если вамъ прикажутъ быть акушеркой, то и это придется исполнить; напишите только въ заявленіи, что вы прежде жили въ деревнѣ и видѣли сельское хозяйство». Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я пересталъ сомнѣваться и написалъ указанное мнѣ заявленіе, и сдѣлался инструкторомъ - агрономомъ Упродгуба. Эта служба обезпечила мнѣ полугодное существованіе, такъ какъ я сталъ получать тыловой карсноармейскій паекъ и 4500 рублей жалованія въ мѣсяцъ.

Начальникомъ Упродгуба былъ нѣкто Куделько, бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а въ настоящее время коммунистъ и очень большая персона. Правой рукой его былъ начальникъ административнаго управленія нѣкто Бучинскій, бывшій подполковникъ, окончившій старую интендантскую академію, человѣкъ очень ловкій съ растяжимой совѣстью и знающій канцелярское дѣло; онъ держалъ весь Упродгубъ въ своихъ рукахъ. Какъ я впоследствии узналъ, они съ Куделько обдѣлывали свои личныя дѣла, обкрадывая совѣтскую казну, но такъ ловко, что прямыхъ уликъ никто не могъ представить, а съ начальниками Губчека и Особаго Отдѣла они были свои люди, такъ какъ дѣлились съ ними прибылями.

Штаты Упродгуба въ то время были чрезвычайно обширны, съ массой служащихъ, главнымъ образомъ, изъ еврейской молодежи обоего пола. Коммунисты занимали должности комиссаровъ въ отдѣленіяхъ и въ военныхъ совѣтскихъ имѣніяхъ (Военсовхозы). Вся эта масса ни на грошъ не приносила пользы дѣлу: во - первыхъ, потому, что никто, какъ и я, не зналъ своего дѣла, а во - вторыхъ, каждый былъ занятъ мыслью использовать службу лично для себя, стараясь урвать все, что только можно было, чтобы обезпечить себѣ существованіе, и если это удавалось, то и отложить на черный день. Моя послѣдующая служба въ Упродгубѣ дала мнѣ возможность хорошо познакомиться съ совѣтскими учрежденіями и видѣть, какой вредъ приносятъ государству эти учрежденія, гдѣ дѣла никакого не дѣлаютъ, а только расхищаютъ государственное имущество. Не мудрено, что всякое предпріятіе и учрежденіе давало убытокъ не только потому, что въ немъ сидѣли не знающіе дѣла люди, но и потому, что тамъ шло безконечное воровство. Ворovali всѣ: и отвѣтственные начальники - коммунисты, и рядовые служащіе; разница была только въ томъ, что первые хватали большіе куши, а вторые оставались мелкими взяточниками и ворюшками. Впрочемъ, послѣднимъ нельзя поставить это въ вину, такъ какъ дѣлать это заставляла ихъ нужда, а существовавшій взглядъ, что «все - равно вѣдь это совѣтское и тоже украдено у другихъ», дѣлалъ совѣсть болѣе покладистой и спокойной.

Я поступилъ въ Упродгубъ 15 іюля въ самый разгаръ сельской работы. У Упродгуба были въ распоряженіи огромные заливные луга по рѣкѣ Сожу, въ окрестностяхъ Лоева. Въ прежнее время эти луга давали огромный доходъ управленію имѣніями княгини Паскевичъ; тамъ были прежде сѣнопрессовальные заво-

ды, откуда сѣно развозилось на баржахъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Сожу и Днѣпру и поставлялось въ интендантство. Около этого дѣла кормились тысячи людей. Сѣнокосъ производился машинами ввиду огромной площади луговъ. Въ настоящее время объ этомъ и говорить не приходилось: сѣнопрессовальные заводы были сожжены, а машины сломаны и растащены и Упродгубъ уже по одному этому не могъ справиться со своей задачей. Рѣшено было сѣно косить ручнымъ способомъ, пользуясь въ качествѣ рабочей силы, красноармейцами рабочаго батальона, а также и изъ воинскихъ частей. Строевое начальство не давало людей на эти работы, такъ какъ у него было слишкомъ мало штыковъ въ ротахъ и люди находились постоянно во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ противъ бандитовъ. Красноармейцы рабочаго батальона были распределены по военсовхозамъ губерніи, и ихъ было далеко не достаточно. Отдавались распоряженія: снять рабочихъ съ такого то имѣнія и отправить на сѣнокосъ въ Лоевъ, но этому противились управляющіе совхозами, отписываясь, что у нихъ самихъ работы по горло. Шла безконечная канцелярская волокита, уходило время, а трава сохла на корню. Часть красноармейцевъ, прибывшая все-таки въ Лоевъ, работала крайне неохотно, такъ какъ они были всѣ мобилизованные солдаты прежней арміи и всѣ ихъ мысли сводились къ тому, когда придетъ ихъ очередь уволиться домой. Съ грѣхомъ пополамъ къ работѣ приступили, но оказалось, что есть манташки, бруски для точки косъ, но нѣтъ молотковъ для отбиванія ихъ. Работа опять остановилась, пока разыскали молотки. Ъздили за ними въ Москву, а время шло. Въ военсовхозахъ въ это время поспѣла рожь. Управляющіе стали требовать возвращенія рабочихъ домой. Получилась полная неразбериха, а изъ Упродзапфронта (Управленіе продовольствіемъ западнаго фронта), изъ Смоленска шли грозные запросы: въ какомъ положеніи находится сѣнокосъ. Между тѣмъ завѣдующій сѣнокосомъ, посланный туда Упродгубомъ, доносилъ, что рабочіе красноармейцы требуютъ увеличенія пайка, такъ какъ изнуряются на работѣ, не получая достаточнаго питанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на крайне лѣнливую работу послѣднихъ. Увеличили хлѣбный паекъ съ полутора фунта до двухъ, но это мало могло дѣлу. Ко всему этому стали получаться тревожныя донесенія, что завѣдующій сѣнокосомъ получаетъ предупрежденія отъ крестьянъ, что бандиты собираются произвести на него нападеніе и, когда сѣно будетъ смѣтано въ стоги, поджечь ихъ.

Вообще крестьянство въ этой мѣстности относилось крайне враждебно къ работѣ Упродгуба, такъ какъ думало, что оно одно является наслѣдникомъ земель княгини Паскевичъ, и поэтому хотѣло воспользоваться сѣнокосомъ, но мечтамъ ихъ былъ положенъ предѣлъ декретомъ о націонализациіи земли государствомъ. Въ деревнѣ ставился вопросъ: «Для чего мы дѣлали революцію, если земли намъ не дадутъ?» А отсюда появилась симпатія къ бандитамъ, борющимся съ коммунистами. Предвидя, что травы останется много на корню, крестьяне прислали ходокъ въ Упродгубъ съ предложеніемъ убрать сѣно съ половины; такія же предложенія пришли изъ другихъ совхозовъ. Запросили разрѣшеніе Упродзапа, но онъ категорически отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что зимой понадобится масса фуража.

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Упродгубъ завѣдующій сѣнокосомъ и заявилъ, что на него произвели нападеніе бандиты, увели двухъ лошадей, поломали косы, забрали веревки, его одежду и 200 000 казенныхъ денегъ. Къ этому заявленію въ Упродгубѣ отнеслись подозрительно, такъ какъ дѣйствительно это былъ типъ готовый на все, но тѣмъ не менѣе ему было приказано вернуться обратно, чтобы скосить сколько возможно травы и доставить ее на баржѣ въ Гомель. Конечно, въ Упродгубѣ онъ говорилъ, что у него, несмотря на всѣ помѣхи, заготовлено сѣна порядочно. Вернувшись обратно, въ концѣ лѣта, онъ вызвалъ въ Лоевъ баржу, на которую погрузилъ сѣно и отправилъ въ Гомель, выѣхавъ самъ впередъ туда - же, якобы для хлопотъ о предоставленіи большого количества тоннажа для перевозки сѣна, но когда онъ прибылъ въ Упродгубъ, то одновременно полу-

чились два донесенія: одно говорило, что баржа по пути слѣдованія подверглась нападенію бандитовъ и была сожжена, что подтверждали и отпущенные бандитами конвоиры, красноармейцы, а другое донесеніе гласило, что на лугахъ Лоева сѣно, сложенное въ стоги, сожжено бандитами. Въ Упродгубѣ пошли разговоры, что тутъ дѣло не чисто и что завѣдующимъ сѣнокосомъ большая часть собраннаго сѣна была продана, а мелочь сожжена бандитами для отвода глазъ не безъ его вѣдома. Въ теченіе лѣта никто изъ агентовъ Упродгуба не соглашался ѣхать для повѣрки сѣнокоса въ Лоевъ, такъ какъ эта мѣстность кишѣла бандитами, и завѣдующій сѣнокосомъ былъ внѣ контроля. Въ концѣ концовъ, завѣдующій сѣнокосомъ былъ арестованъ Особымъ Отдѣломъ въ началѣ сентября, посаженъ въ тюрьму, и по дѣлу о сѣнокосѣ на лугахъ Лоева началось слѣдствіе. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года неожиданно я встрѣтилъ его уже на свободѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что его только что выпустили изъ тюрьмы, такъ какъ при слѣдствіи не нашли основаній предать суду Ревтрибунала, ибо онъ представилъ доказательства своей невинности, и въ настоящее время онъ увольняется по демобилизаціи отъ службы. Самый фактъ освобожденія его для всѣхъ насъ былъ крайне загадоченъ, такъ какъ между служащими Упродгуба ходили настойчивые слухи, что собранное имъ сѣно дѣйствительно было продано, а часть для отвода глазъ была дѣйствительно сожжена бандитами по уговору съ нимъ. Очевидно, въ этомъ «коммерческомъ дѣлѣ» были замѣшаны воротилы Упродгуба, или же онъ далъ большую взятку слѣдователю Особого Отдѣла.

Такъ кончилось дѣло съ сѣнокосомъ на заливныхъ лугахъ Лоева, гдѣ большая часть сѣна осталась на корню, благодаря веденію хозяйства коммунистами. Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Упродгубу, какъ, на примѣръ, Голы, Острогляды, Теробовша и т. д. Вездѣ было собрано сѣно, котораго еле хватило для прокормленія въ теченіе зимы немногочисленнаго количества лошадей и рогатаго скота, бывшаго въ этихъ имѣніяхъ, а для нуждъ расположенной въ Гомелѣ и его окрестностяхъ XI кавалерійской дивизіи и артиллерійскихъ частей сѣна не оказалось и съ прекращеніемъ подножнаго корма въ этихъ частяхъ начался сильный падежъ лошадей отъ безкормицы.

Какъ я упомянулъ выше, въ распоряженіи Упродгуба находились реквизируемые у помѣщиковъ имѣнія, общее число которыхъ доходило до 16, разбросанныя по всей Могилевской губерніи. Въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣсторасположенія Упродгуба - Гомеля, были созданы районныя управляющіе, которымъ подчинялись три - четыре имѣнія въ данномъ уѣздѣ, съ обширными служебными штатами; эти послѣдніе подчинялись Упродгубу, а послѣдній Упродзалфронту. Благодаря такой системѣ, создавалась колоссальная волокита и переписка, что приносило громадный ущербъ дѣлу въ тѣхъ случаяхъ, когда управляющій военсовхозомъ, будучи человѣкомъ честнымъ, (что случалось, впрочемъ, очень рѣдко), хотѣлъ проявленіемъ собственной инициативы принести пользу дѣлу. Безъ разрѣшенія онъ не могъ ни купить что - либо, ни нанять рабочихъ, такъ какъ, во - первыхъ, это ему вообще не разрѣшалось, а вторыхъ, не было денегъ. И вотъ, о всякомъ вопросѣ онъ писалъ районному управляющему, тотъ отправлялъ рапортъ въ Упродгубъ, а послѣдній по вопросамъ денежнаго характера въ Упродзалъ. Когда приходилъ отвѣтъ, то уже время оказывалось упущеннымъ, и всѣ немногія, добрыя начинанія сводились къ нулю. Кромѣ того, имѣнія были совершенно разорены и даже при честномъ отношеніи къ дѣлу ничего не могли дать. Мнѣ по своей должности инструктора - агронома приходилось бывать, главнымъ образомъ, въ двухъ имѣніяхъ, лежащихъ недалеко отъ Гомеля. Первое было Голы, принадлежавшее прежде графу Меньжинскому. До революціи это было правильно поставленная экономія, приносившая большой доходъ ея бывшему владѣльцу. Здѣсь были сѣнокосные луга, пашни и фруктовый садъ въ 75 десятинъ. Въ настоящее время все было разорено. Имѣніе, переживъ разгромы 1917—18—19 годовъ, результатомъ которыхъ было расхищеніе земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота,

а также и сожженіе усадебныхъ построекъ, въ 1920 году было отдано во владѣніе коммунѣ, которая хищнической эксплуатаціей испугала даже Губисполкомъ. Послѣдній отобралъ отъ нея это имѣніе обратно, передалъ его въ Уземотдѣль, отъ котораго въ 1921 году Упродгубъ получилъ его для эксплуатаціи.

Фруктовый садъ, дававшій въ прежнее время громадныя доходы, въ настоящее время былъ въ безотрадномъ состояніи. Ухода за деревьями не было уже въ теченіе трехъ лѣтъ, и они поросли дичками, появилась масса червей, которые съѣдали весь плодъ; обѣ обмазкѣ и окопкѣ деревьевъ нечего было и думать, и они стали сохнуть. Если же прибавить къ тому, что сборка плодовъ производилась самымъ варварскимъ способомъ, при чемъ ломались сучья, то ожидать какого-нибудь урожая въ этомъ саду, а слѣдовательно и прибыли, нечего было и думать, и на него новые владѣльцы махнули рукой. Заборъ, окружавшій раньше садъ, былъ растащенъ на дрова, и по саду бродило крестьяское стадо.

Не въ лучшемъ состояніи были и поля этого имѣнія. Почва въ Западномъ Краѣ требуетъ постояннаго удобренія, для чего, помимо искусственнаго удобренія, помѣщики держали массу скота, откармливая его на мясо для Петроградскихъ и Московскихъ рынковъ, для чего пользовались тѣми огромными лугами, которые прилежали къ имѣнію. Въ настоящее время въ имѣніи не было ни одной головы скота, а для полевыхъ работъ имѣлись три чесоточныя лошади, выбракованныя по неизлѣчимости изъ XI-й кавалерійской дивизіи, и двѣнадцать человѣкъ красноармейцевъ рабочаго батальона. Вотъ съ этими-то силами коммунистическая власть и хотѣла поднять это имѣніе до такой степени, чтобы оно могло служить источникомъ прокормленія красныхъ войсковыхъ частей. Конечно, шчего изъ этой затѣи не вышло. Съ сѣнокосомъ вышла та же исторія, какъ и въ Лоевѣ, а съ овсомъ, рожью, картофелемъ еще хуже. Дѣло въ томъ, что благодаря канцелярской волокитѣ, на которую я указывалъ выше, сѣмена опоздали съ прибытіемъ къ посѣвной кампаніи и были получены въ концѣ мая. Сѣменной картофель, который, какъ и прочія сѣмена, въ 1920 году собирался съ крестьянъ путемъ продрозверстки, будучи сваленъ въ холодные сараи, зимой замерзъ. Но такъ какъ надо было исполнить номеръ предписанія, то его, хотя онъ и сгнилъ и хотя и было поздно, все-таки кое-какъ доставили на мѣсто. Управляющій своевременно донесъ о негодности его, а также и о поздней доставкѣ остальныхъ сѣмянъ и спрашивалъ указаній, стоитъ ли приступать къ посѣву, въ виду поздняго времени. Получился приказъ — посадить и засѣять. Управляющій рѣшилъ, что дѣло «совѣтское», и исполнилъ приказъ. Результаты получились плачевныя: на той небольшой площади земли, которую успѣли развспахать 12 красноармейцевъ и три лошади, картофель совсѣмъ не взошелъ, и поле къ концу лѣта заросло лебедой, а овесъ, ячмень и рожь, дали поздніе и очень рѣдкіе всходы, благодаря истощенности земли. Кромѣ того, рожь оказалась не яровая, а озимая, такъ какъ въ пути сѣмена перепутали, а на мѣстѣ управляющіе оказались настолько невѣжественными, что не могли отличить одну отъ другой, и въ этомъ году, конечно, снять ее не пришлось.

Остальная земля огромнаго имѣнія осталась неиспользованною и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда крестьяне окрестныхъ деревень пытались запахивать для своихъ нуждъ землю имѣнія, то они немедленно изгонялись съ нея, при чемъ управляющій имѣніемъ, по приказанію Упродгуба, привлекалъ этихъ захватчиковъ въ народный судъ. Осенью я неоднократно бывалъ командированъ изъ Упродгуба въ это имѣніе въ качествѣ предсѣдателя комиссій для опредѣленія количества урожая и составленія актовъ, что на такой-то площади земли было посеяно столько-то пудовъ картофеля или овса, ячменя и ржи и что вслѣдствіе плохого качества сѣмянъ, а также истощенности земли родилось столько-то, при чемъ, конечно, комиссіи приходилось констатировать, что урожай въ нѣкоторыхъ случаяхъ не возвратилъ даже и сѣмянъ, какъ, на примѣръ, и было дѣло съ картофелемъ. Конечно, не обошлось и безъ пополненія управляющимъ своего

кармана за счет совѣтскаго хозяйства. Комиссія, въ составъ которой, кромѣ меня, входилъ представитель РКИ — рабоче-крестьянской инспекции и РКП — Россійской коммунистической партіи, — взвѣшивала снятый урожай, но управляющій, стакнувшись съ красноармейцами до пріѣзда комиссіи, обыкновенно большую часть и безъ того скуднаго урожая пряталъ. Впослѣдствіи одинъ изъ красноармейцевъ, обойденный въ дѣлѣ краденаго, донесъ на управляющаго, но послѣдняго только отчислили отъ занимаемой имъ должности, прикомандировавъ къ Упродгубу, даже не привлекая къ отвѣтственности. Да, впрочемъ, и къ чему привлекать? Это была сравнительно маленькая кража и, если бы всѣхъ такихъ дѣятелей отдавать подъ судъ, то суду пришлось бы разбирать эти дѣла лѣтъ черезъ 20—30, настолько онъ былъ бы ими перегруженъ.

Другое имѣніе, въ которомъ мнѣ приходилось часто бывать по дѣламъ службы, было Теробовна, отстоявшее отъ Гомеля въ 38 верстахъ и принадлежавшее раньше члену Государственнаго Совѣта Герарду, бывшему когда-то Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. До революціи это имѣніе, руководимое опытнымъ агрономомъ-управляющимъ, было широко и образцово поставлено. Здѣсь также былъ фруктовый садъ, но только въ 10 десятинъ; былъ винокуренный заводъ и сохранились еще огромныя помѣщенія для четырехсотъ головъ воловъ, которые откармливались на мясо и для прокормленія которыхъ были заливныя луга по рѣкѣ Бѣсяда. Такимъ образомъ здѣсь шелъ кругооборотъ. Земля удобрялась навозомъ отъ скота, росла рожь, поступавшая на винокуренный заводъ, послѣдній давалъ спиртъ, остатками обработки котораго выкармливался скотъ, который, помимо своей прибыльности и рабочей силы, давалъ навозъ и т. д. Въ настоящее время здѣсь была мерзость запустѣнія, винокуренный заводъ стоялъ закрытымъ, части машинъ неизвѣстно кѣмъ были расхищены, въ огромныхъ хлѣвахъ стояли восемь коровъ, принадлежащія управляющему, и шесть лошадей, а рабочими состояли пятнадцать красноармейцевъ рабочаго батальона. Управляющій съ семьей и рабочіе-красноармейцы ютились въ домѣ, въ которомъ когда-то жилъ управляющій Герарда. Имѣніе это пострадало отъ погромовъ 1918 года, но въ 1920 году было отдано въ пользованіе 88-мъ Минскимъ пѣхотнымъ команднымъ курсамъ, а въ 1921 году перешло къ Упродгубу. Результаты хозяйничанія курсовъ здѣсь были на лицо: фруктовый садъ поломанъ и запущенъ, а домъ управляющаго — безъ оконъ и дверей. Такъ какъ другого помѣщенія не было, а оконнаго стекла въ то время негдѣ было достать, то вмѣсто стеколъ была вставлена уже нынѣшнимъ управляющимъ фанера и сдѣланы кое-какъ двери. Условія жизни самыя примитивныя и убогія.

Съ посѣвомъ и сборомъ урожая здѣсь повторилась та же самая исторія, что и въ Голахъ, такъ какъ сѣмена пришли поздно, а почва была не удобрена за отсутствіемъ навоза. Осенью мнѣ приходилось сюда ѣздить и составлять акты объ отсутствіи урожая вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя помѣшали урожаю и въ Голахъ. Въ такомъ же положеніи были и всѣ остальные имѣнія, отданныя Гомельскому Упродгубу. Эта затѣя принесла огромный дефицитъ, но тѣмъ не менѣе она не была оставлена, а въ теченіе зимы 1921—22 года Упродгубомъ разрабатывался планъ весенней кампаніи использованія этихъ имѣній. Несмотря на то, что они не вернули сѣмянъ, продолжали тратиться деньги на содержаніе громадной администраціи, на выдачу каждому служащему пайка, и упорно твердили, что коммунистическая власть докажетъ всѣмъ свое превосходство надъ прежней системой частной собственности, и несмотря на неудачу нынѣшняго года, слѣдующій годъ принесетъ уже прибыль. Конечно, этому никто не вѣрилъ, и даже отдѣльные коммунисты иронически на это улыбались. Дѣло въ томъ, что всѣ прекрасно понимали, что разграбленное имѣніе, при отсутствіи капитала и специалистовъ, казенными руками никогда не довести до той степени культуры, въ какой оно находилось, будучи въ рукахъ собственника, который былъ лично заинтересованъ въ доходахъ, получаемыхъ съ имѣнія, что заставляло его бережно относиться къ самому имѣнію и всѣми силами ста-

раться поднять его культуру. Теперь же были только одни чиновники, правда отличающиеся от прежней формации тѣмъ, что они носили на головномъ уборѣ красную звѣзду и ноганы на поясѣ, но въ сущности оставались тѣми же людьми 20-го числа, до коммунистовъ включительно, не говоря уже о безпартийныхъ. Было бы лишь только сдѣлано, а какъ — это уже вопросъ другой, на это всегда можно было отписаться.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отвѣты, когда я задавалъ вопросъ: Почему то или другое сдѣлано плохо? — «Да вѣдь это совѣтское». И въ этомъ отвѣтѣ слышалось столько презрительнаго къ совѣтскому строю, что дальнѣйшихъ поясненій и не требовалось. Если же ко всему этому прибавить, что большая часть руководителей и исполнителей были совершенно не на своемъ мѣстѣ, а знаніемъ дѣла, пожалуй, стояли ниже меня, то нечего и говорить о томъ, чтобы надежды на прибыль отъ эксплуатаціи имѣній въ будущемъ году могли оправдаться. Отсутствіе скота и земледѣльческихъ машинъ, а также сама работа руками мобилизованныхъ красноармейцевъ, которые, не питая пріязни къ совѣтской власти, думали только о томъ, какъ бы уклониться отъ работы, не позволяли привести въ исполненіе даже самые скромные проекты, которыхъ было такое множество въ Упродгубѣ, т. е. поднятія производительности отобранныхъ имѣній до прежняго ихъ благосостоянія. И это было вездѣ и на каждомъ шагу.

Подъ самымъ городомъ Гомелемъ въ пользованіи Упродгуба была площадь земли около 40 десятинъ, выдѣленныхъ изъ общей земли культурнаго имѣнія княгини Паскевичъ подъ названіемъ «Прудокъ». Само это имѣніе находилось въ 3-хъ верстахъ отъ Гомеля и представляло раньше большую статью дохода для владѣльца. Здѣсь была культура всѣхъ злаковъ, растущихъ въ Западномъ Краѣ: огромный питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, благодаря которому получили такую громкую извѣстность фруктовые сады Гомеля на рынкахъ Петрограда и Москвы, огромный скотный дворъ, оранжереи и огороды. Теперь это имѣніе, послѣ разгрома въ 1918—19 годахъ, отъ котораго остались только поля и огороды, совѣтская власть націонализировала и Уземотдѣломъ, въ распоряженіе котораго оно перешло, оно было раздроблено на нѣсколько участковъ и роздано въ пользованіе различнымъ коммунистическимъ организаціямъ, а часть площади въ 40 десятинъ земли, прилегавшей непосредственно къ городу, получилъ для эксплуатаціи Упродгубъ. Бывшій волостной писарь Игуменскаго уѣзда, а нынѣ интендантскій генералъ, товарищъ Куделько, рѣшилъ эту площадь земли обратить въ огородъ для питанія зеленью и овощами собственной заготовки, безъ большихъ затратъ, больныхъ и раненыхъ красноармейцевъ въ госпиталяхъ Гомеля и войсковыхъ частяхъ, тѣмъ болѣе, что зелень и овощи были необходимы при цынгѣ, которая въ то время такъ себя давала знать вслѣдствіе плохого питанія. Со свойственнымъ имъ апломбомъ и нахальствомъ люди, бывшіе раньше или волостными писарями, или приказчиками въ сельдяной лавкѣ, теперь принялись за огородное дѣло, ничего въ немъ не понимая. Былъ составленъ проектъ о коренной реформѣ краснаго интендантства въ заготовкѣ соленыхъ огурцовъ, капусты, свеклы и картофеля еще весною 1921 года и отправленъ на утвержденіе въ Упродзакфронтъ въ Смоленскъ, а также расчетъ денежной смѣты на потребное количество необходимыхъ сѣмянъ, которыя должны были быть откуда-то высланы. Въ Смоленскѣ Куделько былъ отмѣченъ открывшимъ Америку и поставленъ въ примѣръ прочимъ начальникамъ Упродгубовъ и, конечно, денежные средства были отпущены, а сѣмена тоже обѣщали выслать.

Упродгубскіе агрономы, со стажемъ приказчиковъ кожевенной лавки, принялись за дѣло, какъ только сошелъ снѣгъ съ полей, а результаты этого дѣла я увидѣлъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда поступилъ въ Упродгубъ, какъ «инструкторъ - агрономъ». Прежде всего надо сказать, что отпущенныя деньги, вѣроятно, пошли по прямому назначенію, такъ какъ вспашка поля и посадка огородныхъ растений была произведена «безъ расходовъ отъ казны», а именно, лошадьми

стоявшаго въ Гомелѣ полка, командиру котораго отдавались приказанія о нарядѣ лошадей «въ порядкѣ боевого задания», а что это значитъ, всѣ чины комсостава красной арміи знаютъ—ибо неисполненіе его влечетъ за собою знакомство съ Особымъ Отдѣломъ В. Ч. К. Посадка же огородныхъ сѣмянъ была произведена красноармейцами рабочаго батальона. Куделько и его агрономы упустили изъ виду въ своемъ проектѣ созданія гомельскаго военнаго огорода то обстоятельство, что земля, отведенная въ ихъ распоряженіе, никогда раньше подъ огородами не была, а засѣвалась овсомъ, рожью, пшеницею и т. п., и, слѣдовательно, почва была не такъ воздѣлана, какъ огородная земля; что же касается удобренія, которое требуется для огорода въ усиленномъ количествѣ, то его уже нѣсколько лѣтъ на этой почвѣ не было, такъ какъ скотъ княгини Паскевичъ былъ расхищенъ еще въ 1918 году. Одно изъ главныхъ условій огорода — близость воды для поливки всходовъ сѣмянъ — также отсутствовало; но все это не остановило новыхъ агрономовъ. Земля была вспахана одинъ разъ, за отсутствіемъ лошадей, ибо командиръ полка, хотя и исполнялъ «боевое задание», но все же ему надо было обслуживать и нужды полка. Съ сѣменами опоздали; они пришли въ концѣ мая, при чемъ все было перепутано. Устроили субботникъ, на который всѣ должны были придти, включительно до машинистокъ Упродгуба, и поработали на славу Р. С. Ф. С. Р.

Было посѣяно всего во множествѣ. Посадили гнилой картофель, посѣяли бураки, кормовые и столовые, огурцы, капусту, брюкву, морковь, рѣдьку и редисъ. Передъ началомъ посѣва участвующимъ въ субботникѣ былъ устроенъ митингъ, на которомъ ораторы - коммунисты разъяснили красноармейцамъ и «тупоголовой» служащей интеллигенціи Упродгуба превосходство коммунистическаго государства надъ капиталистическимъ строемъ Европы, чему яркій примѣръ налицо: посѣвъ общими силами совершенно бесплатно на пользу государства, который дастъ большіе результаты для питанія красной арміи. По этому случаю была послана телеграмма въ Упродзапъ, откуда пришла благодарность Куделько. Но результатовъ не оказалось: земля, вспаханная одинъ разъ, безъ удобренія, дала очень рѣдкіе всходы, которые поливать было некому и нечѣмъ; сѣмена гнилого картофеля тоже всходовъ не дали, и въ концѣ лѣта вся площадь огорода, за очень малымъ исключеніемъ, поросла лебедой и бурьяномъ, а мнѣ осенью приходилось составлять акты о неурожаѣ, обвиняя въ этомъ сѣмена. А число цынготныхъ въ госпиталяхъ и частяхъ войскъ по прежнему продолжало увеличиваться. Такъ кончилась и эта коммунистическая затѣя.

Не лучше дѣло обстояло и съ фруктовыми садами. Въ Западномъ Краѣ вообще, а въ окрестностяхъ Гомеля, въ частности, — громадное количество фруктовыхъ, садовъ, завоевавшихъ себѣ рынки въ столицахъ и славившихся своими фруктами, главнымъ образомъ яблоками и грушами. Здѣсь, благодаря климату и почвѣ, а также рационально поставленному веденію садоводства, произрастаютъ всевозможные сорта яблокъ, отличающіеся, какъ хорошимъ нѣжнымъ вкусомъ, такъ и выносливостью къ перевозкѣ. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ вездѣ были частные фруктовые сады, образцово поставленные, приносившіе въ прежнее время громадный доходъ владѣльцамъ. Особенно большое количество ихъ было въ окрестностяхъ деревни Брилево. Въ настоящее время всѣ эти сады были отняты отъ прежнихъ владѣльцевъ и числились за Гомельскимъ Уземотдѣломъ, который раздавалъ ихъ въ пользованіе различнымъ Коммунистическимъ организаціямъ для эксплуатаціи. Получилъ въ этомъ году и Упродгубъ одинъ садъ въ самомъ городѣ, такъ называемый «Лисовскаго», и садъ у деревни Брилево, бывшій Мельникова. И что это была за эксплуатація!

Въ 1921 году былъ сравнительно небольшой урожай, такъ какъ ему предшествовалъ урожай 1920 года, и деревья въ этомъ году отдыхали, по тѣмъ не менѣе все-таки яблокъ было такое количество, что ихъ дѣвать было некуда. Прежде, когда эти сады были въ опытныхъ рукахъ хозяина, то онъ, предвидя урожай, заранее нанималъ рабочихъ, которые подъ его наблюденіемъ осторожно снимали

фрукты, сортировали, укладывали въ ящики и отправляли на желѣзную дорогу, для транспортированія на столичные рынки. Теперь - же урожай засталъ врасплохъ коммунистическую власть. Продавать ихъ было нельзя, такъ какъ въ то время продажи по коммунистическимъ декретамъ не могло быть, а дѣвать ихъ было некуда. И вотъ приказано было ихъ сушить съ тѣмъ, чтобы потомъ выдавать ихъ въ пайкѣ, какъ суррогатъ чая, но сушилокъ въ городѣ, приспособленныхъ къ этой цѣли, оказалось очень мало, и масса яблокъ сгнила. Самый сборъ фруктовъ производился крайне варварскимъ способомъ. Обыкновенно для этого красноармеецъ влѣзалъ на дерево и принимался усиленно его трясти: яблоки сыпались, какъ горохъ, и бились о землю и, конечно, впрокъ уже не годились. Это еще и не такъ важно, но крайне жалко было смотрѣть, какъ ломались при этомъ деревья.

Красноармейцы мало заботились о сохраненіи дерева и, на замѣчанія быть осторожными въ обращеніи съ ними, отвѣчали: «все равно вѣдь совѣтское». Конечно, масса фруктовъ расходилась по рукамъ, потому что завѣдывающему садомъ, чтобы соблюсти свои личные интересы, нужно было дать кое-что и служащимъ Упродгуба, тѣмъ болѣе, что начальникомъ Упродгуба приказано было отправить нѣсколько вагоновъ фруктовъ въ Москву въ подарокъ членамъ Реввоенсовѣта Республики, а также и въ штабъ фронта въ Смоленскъ. Въ концѣ концовъ, высушено яблокъ было очень мало, и кому они выдавались зимой — неизвестно, такъ какъ въ красноармейскій паекъ входила попрежнему вмѣсто чая жженая морковь.

Результаты же такой эксплуатаціи сказались на садѣ: осенью завѣдующій садомъ подалъ рапортъ о томъ, что необходимо вычистить садъ, вырубивъ въ немъ болѣе трехъ тысячъ яблонь, засохшихъ на корню. Осенью же понадобилась окопка деревьевъ, для чего былъ назначенъ нѣсколько разъ «субботникъ», но лучше бы его и не дѣлали: люди, совершенно не заинтересованные въ этой работѣ и согнанные на этотъ субботникъ противъ своего желанія и воли, окапывая деревья, только портили корни, и я думаю, что въ сезонъ 1922 года въ этомъ саду оказалось еще болѣе засохшихъ деревьевъ. Къ этому надо прибавить, что въ распоряженіи завѣдывающаго садомъ не было ни садоваго инструмента, ни опрыскивателей для уничтоженія вредителей деревьевъ, ни извести для обмазки ихъ. Тщетно онъ подавалъ объ этомъ рапорты въ теченіе осени и, наконецъ, зимой, готовясь къ веснѣ, но ничего не могъ добиться, такъ какъ денегъ на приобрѣтеніе всего этого не отпускалось, да и купить-то не было гдѣ. Подобное безобразіе происходило также и во всѣхъ садахъ военсовхозовъ Упродгуба по губерніи, а также и въ другихъ огромныхъ садахъ Гомеля, принадлежащихъ Уземотдѣлу. Вездѣ имѣло мѣсто крайне хищническое веденіе хозяйства, которое вело къ полной разрухѣ и истребленію всего того, что съ такимъ упорнымъ трудомъ создавалось въ продолженіе десятковъ лѣтъ людьми, относившимися съ любовью къ этому дѣлу. Теперь же стояли у этого дѣла люди, ничего не понимающіе, ничѣмъ не заинтересованные и, слѣдовательно, смотрѣвшіе на него, какъ на «совѣтское». Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ специалистовъ, бывшихъ садовниковъ въ этихъ садахъ, что, если будетъ вестись такъ садовое хозяйство и впредь, то не больше какъ года черезъ два - три надо ожидать полной гибели фруктоваго садоводства въ губерніи.

Такъ велось хозяйство въ имѣніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Упродгуба. Моя служба инструктора - агронома заключалась, собственно говоря, въ томъ, чтобы ѣздить по имѣніямъ и составлять акты о неурожаѣ того или другого вида с. х. производства. Въ этихъ поѣздкахъ мнѣ приходилось сталкиваться съ работой въ имѣніяхъ или совхозахъ Уземотдѣла, и вездѣ была общая картина развала и расхищенія всего того, что еще хоть немного сохранилось отъ прежняго владѣльца. Вездѣ у дѣла стояли люди, совершенно съ нимъ незнакомые, невѣжественные, съ крайне растяжимой совѣстью, заботившіеся, главнымъ образомъ, о своемъ

карманѣ. Въ учрежденіяхъ сидѣло нѣсколько прежнихъ специалистовъ, мобилизованныхъ на эти должности совѣтской властью, но они были только пѣшками въ рукахъ комиссара учрежденія, по большей части молодого еврея, бывшего при старомъ режимѣ мальчикомъ на побѣгушкахъ въ какой нибудь лавкѣ; теперь это была важная персона съ «наганомъ» на боку, говорившая много о контрѣ - революціи, саботажѣ буржуазіи, къ которой причислялись и эти голодные и нуждающіеся спецы, и рѣшенія котораго должны были приводиться безапелляціонно въ исполненіе. Конечно, эти спецы, хотя бы только для того, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, исполняли явно абсурдныя распоряженія комиссаровъ, и результатомъ этого являлась крайняя неразбериха. Надо замѣтить, что съ демобилизаціей арміи и сокращеніемъ ея, за штатомъ осталось много коммунистовъ, которымъ надо было дать мѣста. Люди эти были совершенно невѣжественны, едва грамотные, но у нихъ была заслуга передъ Совѣтской властью въ томъ, что каждый изъ нихъ въ свое время разстрѣлялъ или выдалъ въ руки Особаго Отдѣла В. Ч. К. нѣсколькихъ бѣлогвардейцевъ, офицеровъ или бандитовъ, и поэтому Совѣтская власть не могла оставить подобнаго человѣка безъ пайка и приличнаго содержанія тѣмъ болѣе, что коммунистическая партія требовала, чтобы во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ не положено было быть комиссарамъ, во главѣ стояли коммунисты, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что ея члены будутъ глазами и ушами Совѣтской власти и не допустятъ контрѣ - революціи. Такимъ образомъ, чтобы быть начальникомъ какого - либо совѣтскаго учрежденія, не надо быть специалистомъ какого - либо дѣла, надо быть только коммунистомъ, которому подчинены уже спецы. При такомъ порядкѣ положеніе спецовъ крайне не завидное; они должны унижаться передъ коммунистами, заискивать ихъ расположеніе и не расходиться съ ними во мнѣніяхъ, хотя бы это и противорѣчило ихъ знанію, опыту и совѣсти. Въ противномъ случаѣ, какъ бы ни былъ правъ спецъ, мнѣніе и желаніе начальника - коммуниста всегда восторжествуетъ, а спецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть перемѣщенъ на худшее мѣсто, если не познакомится съ Чека, благодаря личной мести коммуниста. Даже если спецу и удастся доказать свою невиновность, то перспектива отсидѣть въ тюрьмѣ и въ застѣнкахъ Чека отъ 4—6 мѣсяцевъ, пока ведется о немъ слѣдствіе, голодая и рискуя получить тифъ, который тамъ не переводится, едва - ли это заставитъ такого спеца быть стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не поступиться ими въ состязаніи съ начальникомъ - коммунистомъ. Принимая - же во вниманіе, что всѣ, въ томъ числѣ и спецы, издерганы нервами и душой, что всѣ они, какъ и другіе, перенесли и переносятъ жестокою нужду, обременены семьями и въ поискахъ средствъ къ жизни должны прибѣгать къ взяткамъ, спекуляціи и даже хищенію казеннаго имущества, чѣмъ занимается теперь въ Совдепіи 99 процентовъ служащаго элемента, и что возможно для нихъ дѣлать сравнительно безнаказанно лишь только тогда, когда они живутъ въ согласіи съ коммунистами, то всякому понятно, что заставляеть ихъ быть покорными исполнителями коммунистической воли и не противорѣчить, хотя бы самому абсурдному распоряженію. И вотъ получается картина, что съ одной стороны дѣло идетъ къ развалу потому, что оно ведется вопреки всякому здравому смыслу, а съ другой стороны — въ силу грандіозныхъ хищеній, взятокъ и спекуляціи.

Въ Совдепіи всѣ такъ къ этому привыкли, всѣ такъ нравственно опустились, что никто въ этомъ не видитъ ничего предосудительнаго и, обыкновенно, общественное мнѣніе попавшемуся въ этомъ высказываетъ не осужденіе, а сожалѣніе въ томъ, что данный субъектъ не умѣлъ спрятать концы въ воду.

Совѣтская власть борется съ этимъ явленіемъ жестокими мѣрами до разстрѣла включительно и, надо правду сказать, разстрѣливаются и коммунисты, но тѣмъ не менѣе побѣдить это зло она бессильна: вмѣсто одного разстрѣланнаго, появляются десятки новыхъ взяточниковъ, воровъ и спекулянтовъ, которыхъ плодится такъ много, которые такъ стараются преуспѣть, которые такъ торопятся сдѣлать это сегодня, что начинаетъ казаться, какъ будто сегодня по-

слѣдній день и завтра произойдетъ что - то такое, когда они это сдѣлать уже будутъ не въ состояніи. Однимъ словомъ, всѣ живутъ только сегодняшнимъ днемъ, а завтра — хоть потопъ.

XV.

Городъ Гомель, переименованный Совѣтской властью въ губернской, былъ переполненъ всевозможными совѣтскими учрежденіями. Учрежденія эти были расположены въ націонализированныхъ домахъ прежнихъ богачей, которые были или безжалостно выброшены на улицу, или въ свое время разстрѣляны, или же скрылись за границу. Однако, отъ этихъ особняковъ въ настоящее время остались однѣ только стѣны, такъ какъ все, что можно было только вытащить оттуда, своевременно было кѣмъ - то украдено и увезено въ разные города Россіи, до Москвы включительно. Совѣтскимъ учрежденіямъ въ настоящее время приходилось самимъ обзаводиться обстановкой, ибо реквизировать какую - либо мебель не было уже возможности: обыватель былъ ограбленъ до нитки. Поэтому въ учрежденіяхъ были кое - какіе самодѣльные столы и табуретки, которыхъ обыкновенно не хватало для служащихъ, и обыкновенно служебный день начинался съ того, что каждый служащій прежде всего принимался за розыски себѣ мѣста у стола и табуретки, на что шло довольно много времени, а потомъ уже за работу. Лучшіе дома - особняки прежнихъ владѣльцевъ въ городѣ, какъ - то: барона Нолькена, Лисовскаго, предводителя дворянства Стожа, гостиница «Савоя» Шановича, домъ Маянца, домъ Виленскаго Банка и городской Думы были взяты аристократическими совѣтскими учрежденіями, какъ - то: Губревтрибуналомъ, Губчеккой, Партиной школой, Исполкомомъ и Коммунистическимъ клубомъ, Губсовнархозомъ, Штабомъ дивизіи, Губкомомъ, Особымъ Отдѣломъ и т. д. Для мебелировки этихъ учреждений было собрано все, что еще не было отобрано у обывателя, при чемъ указаніе и доставка мебели, отъ письменнаго стола, стула, постели и до граммофона включительно, была возложена на председателей Уличкомовъ, въ порядкѣ «боевого задания». Послѣдніе, будучи выбранными изъ рядовой обывательской среды, должны были обходить дома и квартиры и описывать всю ту рухлядь, которая осталась отъ былого уюта, и просить, а иногда и требовать, чтобы обыватель отдалъ данную вещь, иначе будетъ неприятность имъ, а также и обывателю за неисполненіе боевого задания.

Остальныя большія зданія города, какъ - то: бывшая мужская и женская гимназіи, коммерческое училище, семинарія, епархіальное училище, были отведены подъ казармы для войскъ, такъ какъ имѣющіяся въ городѣ казармы 160-го Абхазскаго полка стояли безъ оконъ, дверей и половъ, а другія зданія были обращены въ тюрьму Губчека, желѣзнодорожной Чека и Особаго Отдѣла. Въ огромномъ и специально выстроенномъ при прежнемъ режимѣ зданіи для мужской гимназіи помѣщалось Управление Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ помѣщеніи семинаріи находился госпиталь, несмотря на то, что въ Ново - Бѣлицѣ, предмѣстьи Гомеля, находилось множество барачковъ, специально выстроенныхъ для этой цѣли прежней властью во время Великой войны. Помѣщеній же для учебныхъ заведеній, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было, и они ютились въ тѣхъ реквизированныхъ домахъ, которые неудобны для совѣтскихъ учреждений, т. е. иначе говоря, это были такіе дома, въ которыхъ жить было нельзя. Уже по одному этому можно себѣ представить, какъ шло обученіе дѣтей при такихъ условіяхъ.

Краса и гордость города Гомеля, знаменитый замокъ графа Паскевича Эриванскаго, стоявшій на высокомъ берегу рѣки Сожа, окруженный громаднымъ тѣнистымъ паркомъ, который по своей чистотѣ, планировкѣ и разновидности деревьевъ, а также и аллей, украшенныхъ мраморными статуями, могъ бы въ прежнее время смѣло конкурировать съ любымъ паркомъ Императорскихъ и

Великокняжескихъ дворцовъ въ окрестностяхъ Петрограда, въ настоящее время лежалъ въ развалинахъ. Отъ него сохранилась только башня и галлерей, соединявшая послѣднюю съ главнымъ зданіемъ. Историческій замокъ, принадлежавшій еще когда-то графу Румянцеву, вмѣщалъ въ себѣ массу художественныхъ картинъ, античныхъ вещей и стильной мебели. Все это накоплялось въ теченіе долгихъ лѣтъ его прежними владѣльцами и представляло громадную художественную цѣнность. Замокъ, начиная съ 1917 года, много перенесъ: во времена Керенскаго въ немъ, конечно, поселился совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пребываніе котораго нанесло неисправимый вредъ художественнымъ цѣностямъ. Много вещей пропало, а помѣщеніе и мебель были загажены. Послѣ этого во времена Гетмана на Украинѣ, Гомель былъ отнесенъ къ послѣдней, и въ замокъ помѣстился штабъ оккупационныхъ германскихъ войскъ. Нѣмцы художественныхъ цѣнностей не тронули, навели порядокъ, разставили вездѣ часовыхъ, доступъ въ замокъ «товарищамъ» былъ прекращенъ, и отъ нѣмцевъ пострадалъ только знаменитый погребъ винъ замка, который былъ ими распитъ.

Престарѣлая 86-лѣтняя владѣлица замка свѣтлѣйшая княгиня Паскевичъ, урожденная графиня Воронцова - Дашкова, проживала по смерти мужа зимой въ своемъ особнякѣ въ Петроградѣ на Галлерной улицѣ, а лѣтомъ въ Гомельскомъ замкѣ. Революція застала ее въ Петроградѣ. Незадолго до оккупациі нѣмцами Гомеля она переехала изъ Петрограда въ свою вотчину и здѣсь благополучно жила при нѣмцахъ. Съ уходомъ нѣмцевъ и съ паденіемъ власти гетмана она бѣжала въ Кіевъ и, въ настоящее время, всеміи оставленная, безъ средствъ вела жалкое существованіе. Княгиня, благодаря своей добротѣ и щедрой благотворительности, оставила добрую память по себѣ въ Гомелѣ и, находясь въ настоящее время въ Кіевѣ со своей камеристкой, которая одна ее не бросила, ютилась гдѣ-то въ комнатѣ, живя подъ чужой фамиліей и питаясь въ польской столовой. Помня ея доброту и отзывчивость къ бѣднымъ, вліятельные люди изъ еврейскихъ круговъ собирали въ еврейской общинѣ деньги и высылали ихъ камеристкѣ княгини, какъ бы въ видѣ дохода съ имѣнія, прибѣгая къ этой уловкѣ, чтобы не обидѣть самолюбія бѣдной старухи. Это было единственное пособіе, на которое кое-какъ жила въ Кіевѣ княгиня.

Съ уходомъ нѣмцевъ замокъ вновь перешелъ въ руки большевиковъ, и въ немъ помѣстился штабъ красныхъ войскъ. Въ 1919 году 25-го марта въ большевицкихъ частяхъ, расположенныхъ въ Гомелѣ, вспыхнуло извѣстное Стрыковское возстаніе. Въ это время Совдепія была въ состояніи войны съ Польшей, хотя обѣ стороны къ активнымъ дѣйствіямъ не приступали. Поляки ограничились занятіемъ праваго берега Днѣпра и г. Рѣчицы, въ 40 верстахъ отъ Гомеля; построили тамъ позицію, изрѣдка обстрѣливая артиллерійскимъ огнемъ большевицкія части, расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Рѣчицы. Мостъ черезъ Днѣпръ былъ взорванъ. Большевики, не имѣя достаточнаго количества войскъ въ своемъ распоряженіи, не могли сбить поляковъ, да кромѣ того ихъ дальнѣйшему продвиженію впередъ препятствовало отсутствіе переправъ черезъ Днѣпръ, что не мѣшало, однако, полякамъ выслать свои разъѣзды и на лѣвый берегъ Днѣпра въ тылъ большевикамъ, какъ на примѣръ, до разъѣзда «Приборъ», лежавшаго въ 15 верстахъ отъ Гомеля. Въ большевицкихъ частяхъ тогда еще не было плотной спайки, дисциплина совершенно отсутствовала. Резервныя части, стоявшія въ Гомелѣ, большевицкимъ властямъ приходилось отправлять на позицію послѣ митинговъ, на которыхъ ораторы лѣзли воцѣ изъ кожи, чтобы убѣдить красноармейцевъ защищать рабоче-крестьянскую власть отъ нападенія буржуевъ-поляковъ. Для усиленія количества войскъ подъ Рѣчицей, изъ Москвы перебрасывался въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года полкъ, почему-то прозванный впоследствии обывателями Гомеля «интеллигентнымъ». Вѣроятно названіе это было присвоено ему потому, что этотъ полкъ былъ укомплектованъ преимущественно студентами и воспитанниками старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній г. Москвы по мобилизаціи и, слѣдовательно, былъ доста-

точно ненадеженъ въ смыслѣ вѣрности Р.С.Ф.С.Р. Этотъ полкъ, остановившись на ст. Гомель, по пути слѣдованія къ Рѣчицѣ, отказался ѣхать на позицію. Когда власть попробовала принять строгія мѣры, дабы привести его къ повиновенію, то въ полку вспыхнулъ уже настоящій бунтъ, при чемъ къ этому полку присоединилась большая часть войскъ Гомельскаго гарнизона, среди которыхъ велъ дѣятельную пропаганду нѣкто капитанъ Стрыкопытовъ, служившій въ одной изъ частей. Получилось уже настоящее Гомельское возстаніе, которое впоследствии получило названіе «Стрыкопытовщины». Капитанъ Стрыкопытовъ сталъ во главѣ возставшихъ частей и объединилъ общее командованіе. Небольшая часть войскъ, остававшаяся вѣрной большевикамъ, ушла изъ города за рѣку Сожъ въ предмѣстье Ново-Бѣлицу. Въ гостиницѣ «Савоя», на Румянцевской улицѣ собрались все большевицкіе дѣятели, захваченные врасплохъ возстаніемъ, и рѣшили обороняться при помощи батальона китайцевъ. Возставшіе съ вокзала «Гомель - Полѣскій» открыли артиллерійскій огонь по гостиницѣ, причемъ сразу же оказались меткія попаданія. Послѣ небольшой артиллерійской подготовки, возставшіе штурмомъ взяли гостиницу «Савоя», перебили китайцевъ и комиссаровъ, и Стрыкопытовъ сдѣлался хозяиномъ положенія въ Гомелѣ.

Несмотря на кажущійся успѣхъ, это вспыхнувшее стихійно возстаніе, какъ и другія, ему подобныя, не имѣло въ концѣ концовъ почвы подъ ногами и было подавлено большевиками. Стрыкопытовъ, не имѣя ни съ кѣмъ связи, не могъ рассчитывать на подкрѣпленіе. Военныя силы у него таяли, ибо возставшіе красноармейцы стали расходиться по домамъ, а большевики стянули къ Ново-Бѣлицѣ порядочныя силы изъ Брянска и начали артиллерійскій обстрѣлъ города. Нѣсколько снарядовъ попало въ главное зданіе замка и произвело въ немъ пожаръ, отъ котораго онъ и сгорѣлъ. Стрыкопытовъ держался въ Гомелѣ около недѣли, но по мѣрѣ того, какъ большевики стали проявлять болѣе энергичныя мѣры къ наступленію на Гомель, все болѣе и болѣе терялъ своихъ единомышленниковъ, которые, какъ я уже выше сказалъ, или расходились по домамъ, или же просто перебѣгали къ большевикамъ, чуя конецъ возстанія. Наконецъ Стрыкопытовъ, оставшись съ небольшой горстью идейныхъ защитниковъ бѣлаго движенія, видя, что его дѣло прогораетъ, вышелъ изъ города и отошелъ благополучно къ Рѣчицѣ, гдѣ и перешелъ къ полякамъ. Характерно при этомъ то обстоятельство, что этому не воспрепятствовали тѣ большевицкія части, которыя были расположены на позиціи противъ поляковъ и черезъ которыхъ Стрыкопытовъ, казалось бы, долженъ былъ пробиваться. Большевики вошли въ Гомель и устроили пышныя похороны «жертвамъ революціи». Двадцать четыре комиссара, найденные убитыми въ гостиницѣ «Савоя», съ большой помпой были похоронены въ центрѣ города въ Гоголевскомъ скверѣ, который съ этого времени носитъ названіе уже не Гоголевскаго, а «скверъ 25 марта». На могилахъ погребенныхъ были поставлены гипсовые памятники съ обозначеніемъ фамиліи и званія погребеннаго. Я былъ въ этомъ скверѣ и читалъ надписи — все еврейскія фамиліи. Памятники развалились, могилы затоптаны и покрыты шелухой сѣмячекъ; не видно ни ухода, ни заботы о нихъ. Прошло всего два года, и совѣтская власть забыла тѣхъ, кто погибъ за нее.

Какъ я уже выше сказалъ, главное зданіе замка погибло отъ пожара, погибли въ немъ и вся обстановка и художественныя цѣнности. Во время пожара мало кто заботился о выносѣ ихъ изъ огня, и лишь случайно уцѣлѣвшія вещи были перенесены въ зданіе башни, которая уцѣлѣла отъ пожара, такъ какъ была соединена съ главнымъ зданіемъ только стеклянной галлереей. Уцѣлѣло точно также отъ пожара и противоположное башнѣ зданіе съ домовою церковью. Въ описываемое время въ немъ была расположена «Гомельская консерваторія», а въ лѣвомъ зданіи съ башней были расположены, въ покояхъ князя, художественныя и историческія вещи, бывшія тамъ ранѣе и случайно спасенныя отъ пожара, и все это получило названіе: «Художественно-историческаго музея имени Луначарскаго», что и спасло все художественныя и историческія цѣнности отъ

дальнѣйшаго разграбленія. Это большая заслуга завѣдующаго музеемъ нѣкоего Маневича, еврея по національности, образованнаго человѣка, который своей энергіей отстоялъ художественныя цѣнности отъ разграбленія большевиками и сумѣлъ заинтересовать этимъ музеемъ во время центральную власть въ Москвѣ, которая, признавъ правильность доводовъ Маневича, пазначила его завѣдующимъ музеемъ, выдавъ ему мандаты на неприкосновенность музея отъ посягательства какой-либо Гомельской мѣстной совѣтской власти и объявивъ этотъ музей государственной собственностью.

Для осмотра музея были назначены два дня въ недѣлю въ извѣстное время, причеиъ поясненіе посѣщающимъ давалъ самъ Маневичъ. Публика очень охотно его посѣщаетъ, а особенно школы, причеиъ, надо сказать правду, очень бережно относится къ вещамъ, расположеннымъ въ комнатахъ музея. Много, конечно, импонируетъ той части публики, у которой остались еще грабительскія наклонности, и заставляеть ее сдерживать свои аппетиты названіе музея — «имени Луначарскаго». Я также побывалъ въ немъ. Это обширное зданіе, состоящее изъ башни въ четыре этажа, горделиво возвышающейся на высокомъ берегу р. Сожа. Первый этажъ, имѣющій нѣсколько большихъ комнатъ, былъ прежде личнымъ покоемъ князя и уставленъ весь предметами, относящимися къ жизни свѣтлѣйшаго князя фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго. Здѣсь находятся два громадные хрустальные канделябра — подарокъ фельдмаршалу Императора Николая I, масса батальныхъ картинъ изъ его походовъ, портреты, какъ его самого въ различныхъ формахъ до мундира австрійскаго фельдмаршала включительно, такъ и Императоровъ и Императрицъ, начиная съ Петра Великаго; шатеръ персидскаго Шаха Абассъ-Мирзы, регалии, коллекція монетъ, мундиры фельдмаршала, ордена и т. д. Здѣсь же стоитъ старая мебель работы извѣстныхъ мастеровъ Парижа, въ свое время выписанная оттуда фельдмаршаломъ. Между прочимъ, интересно отмѣтить отношеніе къ такимъ вещамъ Гомельскаго исполкома. Какъ я уже выше упомянулъ, совѣтскія учрежденія Гомеля въ последнее время были озабочены мебелировкой своихъ помѣщеній, и вотъ Исполкомъ, обративъ вниманіе на мебель музея, постановилъ реквизиловать ее для своихъ нуждъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но Маневичъ всталъ на дыбы и заявилъ, что мебели этой онъ ни въ коемъ случаѣ не выдастъ и будетъ искать поддержки у центральной власти.

Второй и третій этажъ башни заняты огромной библіотекой французскихъ книгъ, доходящей до 20 000 томовъ, между которыми есть очень рѣдкіе экземпляры; кромѣ того, здѣсь висятъ также батальныя картины походовъ фельдмаршала, а въ четвертомъ этажѣ находится довольно большая коллекція костей ископаемыхъ животныхъ, начиная отъ мамонта, найденныхъ въ свое время по берегамъ рѣки Сожа, чуть ли ни противъ замка. Все это содержится въ полномъ порядкѣ, регистрируется и охраняется благодаря Маневичу, который положительно влюбленъ въ свой музей, и надо отдать ему справедливость, что не будь его, все бы исчезло въ свое время безъ возврата.

Вокругъ замка расположенъ огромный паркъ, который въ прежнее время содержался съ исключительной заботливостью. Теперь же онъ находится въ полной запущенности. Гомельская публика, преимущественно совѣтскаго типа, избрала его своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ и, конечно, загадила его до неузнаваемости. Мраморныя статуи разбиты, дорожки завалены шлухой отъ сѣмячекъ, а лужайки истоптаны, несмотря на запрещеніе, оставшееся въ силѣ и при совѣтской власти, ходить по травѣ. Прудъ занесенъ пескомъ, и затянулся уже въ болото; отъ бывшихъ здѣсь лебедей остался только ихъ домикъ. Громадныя оранжереи, въ которыхъ культивировались персики, абрикосы и виноградъ, зіяютъ разбитыми стеклянными крышами, и все, что раньше въ нихъ росло, погибло зимой отъ морозовъ. Въ противоположномъ концѣ парка находится усыпальница князей Паскевичъ. Она представляетъ собой большую часовню, построенную изъ отшлифованнаго финляндскаго гранита въ русско-

византійскомъ стилѣ. Подъ часовней находится обширный склепъ, въ которомъ находится прахъ фельдмаршала, его жены и дѣтей, и между ними лежитъ и послѣдній усопшій князь, владѣлецъ замка.

Лѣтомъ 1921 года въ Гомелѣ ходилъ слухъ, возмущавшій жителей, о томъ, что чекисты открыли склепъ и сняли съ труповъ всѣ вещи, представлявшія цѣнность и между прочимъ у послѣдняго князя отрѣзали голову для того, чтобы легче было снять какой-то шейный орденъ, съ которымъ онъ былъ погребенъ.

Около башни замка противъ окна кабинета князя стоитъ громадная конная статуя польскаго короля Понятовскаго, работы Торвалдсена, вывезенная какъ трофей изъ Варшавы фельдмаршаломъ. Въ городѣ говорили, что въ связи съ Рижскимъ договоромъ большевикамъ придется возвратить полякамъ этотъ памятникъ. И дѣйствительно передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гомеля въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года въ Гомель прибыла депутація изъ Польши за памятникомъ въ составѣ двухъ ксендзовъ и двухъ гражданскихъ лицъ.

Паркъ еще былъ замѣчателенъ обиліемъ соловьевъ, которые наполняли своимъ пѣніемъ всѣ аллеи, но думаю, что въ недалекомъ будущемъ и они тоже исчезнутъ, такъ какъ ихъ перетаскаютъ на кормъ своихъ птенцовъ грачи, которыхъ въ паркѣ поселилось уже громадное количество. Въ Гомелѣ и его окрестностяхъ вообще много грачей, но прежде садовники строго слѣдили за тѣмъ, чтобы грачи не селились въ паркѣ, разоряя ихъ гнѣзда и даже стрѣляя по нимъ. Отсутствіемъ грачей и объясняется такое количество соловьевъ въ паркѣ. Въ настоящее время никакихъ садовниковъ нѣтъ, и всѣ аллеи парка унижены гнѣздами грачей, которые, къ тому же, приносятъ вредъ деревьямъ, ломая сучья, отъ чего деревья сохнутъ и, если такъ пойдетъ дальше, то и парку грозитъ уничтоженіе, неизбежное при большевицкой власти. Одна надежда на Маневича, который, какъ говорятъ, предполагалъ съ наступленіемъ весны 1922 года забрать паркъ въ свои руки, повѣсить замки на ворота, привести паркъ въ порядокъ и впускать туда публику только за плату съ благотворительной цѣлью, въ извѣстные дни, какъ это было прежде при владѣльцѣ.

Огромное имѣніе княгини Паскевичъ, доходившее до 80 000 десятинъ земли, большей частью покрытое лѣсомъ, лежало втунѣ, такъ какъ хозяйство въ экономіяхъ велось тѣмъ же варварскимъ способомъ, о которомъ я упоминалъ выше. Извѣстная бумажная фабрика въ Добрушѣ, дававшая въ прежнее время миллионные доходы, въ настоящее время еле влачила существованіе, такъ какъ не было, ни специалистовъ, ни сырья, а рабочіе, хотя и находились теперь уже на совѣтской службѣ въ государственномъ предпріятіи, по постоянно бастовали, своевременно не получая жалованія.

Лѣсничества, которыхъ было пять, тоже находились въ полномъ упадкѣ, такъ какъ крестьяне за 1918—19 года, вырубившіе массу лѣса, самовольно и, конечно, безъ соблюденія лѣсоохранительныхъ законовъ, въ настоящее время продолжали эти порубки, валя строевой лѣсъ на дрова, цѣна на которыя зимой въ городѣ поднялась до необычайныхъ размѣровъ. Хотя совѣтская власть мобилизовала всѣхъ прежнихъ лѣсничихъ, а также и лѣсниковъ, и вернула ихъ на прежнія мѣста, приказавъ имъ препятствовать самовольнымъ порубкамъ, но это мало помогало теперь дѣлу. Сторожа, боясь краснаго пѣтуха, а то и убійства, которое такъ возможно въ настоящее время, дѣлали лишь робкія попытки къ составленію протоколовъ на порубленный лѣсъ. Съ другой стороны губернской лѣсотдѣль, во главѣ котораго стояли безграмотные въ этомъ дѣлѣ коммунисты, давая наряды на заготовку лѣса для шпалъ и дровъ, для нуждъ желѣзной дороги и отопленія совѣтскихъ учреждений въ Гомелѣ, не считался съ планомъ рубки лѣса, который составляетъ на десятилѣтія и, такъ какъ въ настоящее время уже всѣ участки, подлежащіе вырубкѣ въ этомъ году, были использованы, отдалъ приказаніе рубить тотъ лѣсъ, который, собственно говоря, можно было бы рубить только черезъ 10—20 лѣтъ. Въ 1919—20 г.г. были сформированы лѣсозаготовительныя дружины изъ мобилизованныхъ солдатъ старшихъ

возрастовъ. Эти дружины въ свое время вырубали много лѣса, но онъ остался почти не использованнымъ по своему назначенію, такъ какъ, во - первыхъ, вывезти его было не на чемъ, а во - вторыхъ, смѣтливые люди перепродали его спекулянтамъ, и отъ него въ настоящее время не осталось и слѣдовъ. Нужда же въ топливѣ на желѣзныхъ дорогахъ была огромная, и поэтому совѣтская власть отдавала приказанія рубить какой ни есть лѣсъ, лишь бы поближе къ желѣзной дорогѣ.

Лѣсная дичь, водившаяся въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ княгини Паскевичъ, въ настоящее время исчезла почти вся. Погибли дикія козы, лоси, кабаны, а также и бережно охраняемый въ прежнее время бобръ, для котораго былъ созданъ заповѣдный участокъ въ лѣсничествѣ около дер. Терешковичи по р. Сожу. Въ періодъ 1918—19 г.г. все это безпощадно истреблялось крестьянами. За то въ настоящее время развелось необыкновенное количество волковъ, которые сдѣлались бичомъ для крестьянскаго населенія. Въ ноябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ постоянно приходилось слышать рассказы о нападеніи волковъ не только на скотъ, но и на людей. Даже подъ самымъ Гомелемъ на окраинахъ города были случаи, когда волки подходили къ самымъ окнамъ. Мнѣ самому пришлось видѣть волка въ полуверстѣ отъ городской черты, который грызъ трупъ павшей лошади. Въ это время въ воинскихъ частяхъ былъ большой падежъ отъ безкормицы, и трупы ихъ по небрежности не закапывались, а просто вывозились за черту города и тамъ бросались. Это, конечно, привлекало голодныхъ волковъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлять ихъ было некому и нечѣмъ. Къ этому времени винтовки у населенія были уже отобраны, а у солдатъ хотя и были, но за то не было патроновъ.

На окраинѣ города, по Могилевскому шоссе, были расположены огромныя помѣщенія Земско - городского союза, выстроенныя во время Великой войны. Здѣсь были мастерскія, фабрики и заводы, работавшіе на западный фронтъ. Въ настоящее время все это было закрыто, и на огромной территоріи Земско - городского городка не видно было ни одной живой души. Все это рушилось и растаскивалось на дрова окрестными жителями, а также и воинскими частями, расположенными въ городѣ, которыя зимой мерзли отъ холода. За Полѣвскимъ вокзаломъ былъ расположенъ интендантскій городокъ, построенный также во время Великой войны. Здѣсь также были когда - то громадныя сараи, вмѣщавшіе въ себѣ интендантское имущество — базы западнаго фронта. Въ настоящее время не только отъ имущества, но и отъ сараевъ не осталось и слѣда.

Еще осенью 1920 года, когда я былъ первый разъ въ Гомелѣ, была назначена совѣтской властью ревизія интендантскаго городка. За день до ревизіи главные склады, въ которые въ свое время было перенесено имущество изъ другихъ сараевъ, сгорѣли, и этимъ дѣло кончилось, хотя въ городѣ усиленно ходили слухи о поджогѣ, чтобы скрыть слѣды расхищенія. Оставшіеся пустые сараи были разобраны воинскими частями частью на дрова, частью на оборудованіе тѣхъ домовъ подъ казармы для войскъ, которые были отведены воинскимъ частямъ за ненадобностью ихъ для привилегированныхъ совѣтскихъ учреждений. Такимъ образомъ, пропало большой цѣнности имущество — и зданія Земско - городского союза и интендантства, которыя при другой власти могли быть использованы съ большой пользой для нуждъ государства.

XVI.

Я пріѣхалъ вторично въ Гомель весной 1921 года, въ то время, когда о Нэпѣ еще ничего не было слышно. Тогда еще оставалось въ силѣ ученіе коммунистовъ о вредѣ свободной торговли, о бесплатномъ пользованіи государственными предпріятіями, какъ - то: желѣзными дорогами, трамваями, пароходами, водопроводомъ и т. д.. На митингахъ все еще продолжали болтать о томъ,

что въ социалистическомъ государствѣ деньги не нужны и скоро ихъ совсѣмъ отмѣнятъ, — какъ бы утѣшая этимъ слушателей, которые жаловались на паденіе рубля, — и что каждый трудящійся человѣкъ будетъ получать все, что хочетъ, изъ государственныхъ складовъ по трудовой книжкѣ, въ которую будетъ записано, сколько часовъ онъ проработалъ въ день, и, соотвѣтственно съ этимъ, ему будетъ выдано столько товару, сколько онъ заработалъ. При этомъ обыкновенно добавлялось, что рабочихъ часовъ въ день будетъ очень мало, а выдача за рабочій часъ будетъ очень большая. На агитпунктахъ, которые были устроены повсюду, приходилось слушать и еще болѣе глупыя вещи, но обыкновенно эти глупости большого успѣха не имѣли. Аудиторія только недовѣрчиво покачивала головой, но оппонентовъ не находилось, такъ какъ это было рискованно: можно было по окончаніи митинга познакомиться съ Чека.

Въ то время въ Гомелѣ все было бесплатно. Были бесплатныя столовыя, въ которыхъ ѣсть не давали, объясняя невыдачей продуктовъ; были бесплатныя парикмахерскія, гдѣ нельзя было ни стричься, ни бриться, хотя парикмахеры и были на жалованіи у городской коммуны, но жалованіе это было такъ ничтожно, что парикмахеры даромъ не стригли и не брили, объясняя свой отказъ отсутствіемъ «общественнаго» инструмента, «а ежели съ нашимъ инструментомъ, то пожалуйте денежки». Былъ государственный оркестръ, собранный изъ всѣхъ музыкантовъ города Гомеля, обязанныхъ играть по приказу исполкома, но онъ въ слѣдствіи распался. Очень плохо обстоялъ вопросъ съ банями, которыя тоже были объявлены бесплатными, но фактически для населенія не существовали. Обѣ бани на Милліонной и на Фельдмаршальской улицѣ были въ свое время реквизированы у владѣльцевъ для нуждъ войсковыхъ частей. Отъ этой реквизиціи бани сильно пострадали: печи, трубы, водопроводъ были испорчены, такъ какъ обращеніе было самое варварское и, хотя въ настоящее время бани были переведены въ коммунальное хозяйство, но ремонтировать ихъ было некому и нечѣмъ, и они стояли закрытыя. Населеніе вшивѣло, такъ какъ мало было счастливицевъ, которые могли попасть въ баню, сохранившуюся гдѣ-нибудь въ усадьбѣ на окраинѣ города, построенную владѣльцемъ для себя. Базары все еще разгонялись, а самое мѣсто базара я при второмъ прибытіи въ Гомель не узналъ: всѣ постройки на немъ были снесены, и онъ представлялъ пустую площадь, тогда какъ въ прошломъ году здѣсь еще стояли лавки и постройки для торговли.

Впервые попытки къ свободной торговлѣ въ Гомелѣ были сдѣланы въ Троицынъ день, въ 20-хъ числахъ іюня. Въ это время уже въ Москвѣ было рѣшено перейти къ Нэпу, но открыто объ этомъ еще не высказывалось. И вотъ въ Троицынъ день въ Гомелѣ прежде всегда была ярмарка, продолжавшаяся 3 дня, на которую съѣзжалась масса окрестныхъ крестьянъ. Къ этому времени начали строить на площади базара балаганъ, въ которомъ на полкахъ стали раскладывать мануфактуру и скобяной товаръ союзы кооперативовъ. Крестьяне, по обычаю, въ этотъ день пріѣхали на базаръ и, увидѣвъ съ удивленіемъ въ балаганѣ такіе рѣдкіе въ настоящее время предметы, осторожно и робко, опасаясь какого-либо подвоха, стали узнавать, въ чемъ тутъ дѣло. Оказалось, что здѣсь можно вымѣнять мануфактуру, гвозди, желѣзо на рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и сало, а если этихъ предметовъ и нѣтъ, то можно купить и за деньги. Дѣло пошло ходко и кооперсоюзъ торговалъ на славу. Потомъ замѣтили, что болѣе недѣли не разгоняли базаръ. Далѣе нѣсколько смѣлыхъ евреевъ открыли лавченки, торгуя всякой дрянью. Вскорѣ пришло извѣстіе, что бесплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ прекращенъ и что теперь надо становиться въ очередь у кассы и покупать билеты. Нѣсколько одураченныхъ на митингахъ чудаковъ, слѣпо вѣрившихъ ораторамъ, попробовали заикнуться, «что, молъ, какъ же это такъ, вѣдь говорили, что все бесплатно», но имъ Чека заткнула глотку. Такимъ образомъ «Нэпъ» появился въ Гомелѣ, и все пошло по новому: открылись магазины, конечно, не прежніе, а нищенски-спекулянтскіе, рестораны,

въ которыхъ появились еврей - музыканты, разбѣжавшіеся изъ «государственнаго оркестра»; бесплатныя столовыя закрылись; открылись бани, сданныя въ аренду городской коммуной, и за 15 000 рублей можно было уже постричься и побриться въ парикмахерской, не встрѣчая отказа. На улицахъ поражало глазъ обиліе такъ называемыхъ «парфюмерокъ». Это были, собственно говоря, аптекарскіе магазины, но, конечно, въ мизерномъ видѣ; товаръ въ нихъ былъ контрабандный изъ Польши, но за то въ нихъ можно было достать все изъ парфюмеріи, а главное, что было очень цѣнно, здѣсь можно было достать, конечно, тихонько и лѣкарства, тогда какъ ихъ въ аптекахъ, со времени націонализаціи и перехода въ совѣтскія руки, достать не было никакой возможности, и въ то тяжелое время, до «Нэпа», больному обыкновенно приходилось слышать отъ врача, что «рецептъ - то я вамъ пропишу, но лѣкарство въ аптекахъ вы все равно не достанете». Съ «Нэпомъ» націонализированныя аптеки вели жалкое существованіе, и уже ходили слухи, что ихъ исполкомъ тоже будетъ сдавать въ аренду прежнимъ владѣльцамъ, между тѣмъ въ то же время еще не разрѣшали открывать аптекарскіе магазины; но изъ этого положенія смѣтливые гомельскіе евреи легко вышли: они открыли «парфюмерки».

Базары стали торговать открыто; на нихъ среди всякаго хлама появились и предметы, необходимые населенію. Почти все это была контрабанда изъ Польши, перекупаемая спекулянтами въ Минскѣ, который благодаря близости къ границѣ пріобрѣлъ громадное значеніе въ торговлѣ Бѣлоруссіи. Такъ продолжалась «нэповская» торговля въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже для «свободной торговли» начались стѣсненія, которыя тотчасъ же отразились на повышеніи цѣнъ. Для того, чтобы имѣть право торговать хотя бы весь товаръ находился на рукахъ, нужно было купить въ исполкомѣ билетъ на право торговли, причемъ цѣна этого билета была очень большая, а самъ билетъ былъ дѣйствителенъ только на одинъ мѣсяцъ; въ слѣдующій же мѣсяцъ цѣна возрастала въ нѣсколько разъ болѣе предыдущаго. Помимо этого такъ называемаго «государственнаго сбора», торговцевъ облагали всякими сборами всѣ, кому было только не лѣнь изъ представителей совѣтской власти.

Въ это время у совѣтской власти были особенно въ модѣ «недѣли». Такъ на примѣръ, была объявлена «недѣля помощи голодающимъ Поволжья», которая продолжалась четыре недѣли; вслѣдъ за тѣмъ была объявлена «недѣля улучшенія матеріальнаго положенія красноармейцевъ», «недѣля школы» и т. п. Всѣ эти «недѣли» обыкновенно ознаменовывались вымогательствомъ, соединеннымъ съ угрозами, у населенія денегъ, вещей, носильнаго бѣлья, обязательствомъ купить лотерейные билеты на устраиваемыхъ большевиками гуляніяхъ, при этомъ послѣдніе не стѣснялись въ средствахъ. Такъ какъ эти гулянія посѣщались празднующимися красноармейцами и коммунистической молодежью изъ молодыхъ евреевъ, а у этой публики не было ни желанія, ни средствъ покупать билеты лотереи, то большевики прибѣгали къ слѣдующему средству: вызывали предсѣдателей уличкомовъ, раздавали имъ лотерейные билеты и обязывали ихъ въ трехдневный срокъ внести деньги за нихъ. Предсѣдателямъ разговаривать много не приходилось, и они обходили всѣ дома въ своемъ районѣ и предлагали по разверсткѣ на каждую семью купить у нихъ извѣстное число билетовъ, предупреждая, что въ случаѣ отказа данное лицо будетъ объявлено контръ - революціонеромъ и будетъ имѣть дѣло съ Губчской. Конечно, при такомъ заявленіи ничего не оставалось дѣлать, какъ купить эти билеты, часто даже занимая для этого деньги. Мнѣ пришлось также заплатить тысячу рублей за такой билетъ. Кромѣ того, на все время этихъ «недѣль» Гомельскій губисполкомъ устанавливалъ принудительный сборъ въ размѣрѣ отъ 25 до 50% стоимости проѣздныхъ билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, а также за перевозку багажа и товара въ предѣлахъ Гомельской губерніи. Болѣе всего при этомъ облагались торговцы, которые, не успѣвъ внести одинъ налогъ, получали повѣстку на другой. Ко всему этому служащіе со своего скуднаго со-

держанія должны были, согласно постановленію исполкома, вносить 10% отъ своего жалованія въ пользу «недѣль». У вѣзда въ городъ были устроены заставы, на которыхъ надо было купить билетъ на право вѣзда въ городъ, при чемъ не дѣлалось различія между крестьяниномъ, который ѣхалъ туда продавать или покупать что-либо. Всѣ эти поборы страшно взвинтили цѣны на предметы первой необходимости, и измученное и обнищавшее населеніе не имѣло возможности пріобрѣтать что-либо для себя.

Въ началѣ 1922 года аппетиты совѣтскихъ властей по наложенію всякихъ сборовъ на торговцевъ разыгрались настолько, что послѣдніе не могли дальше вести свое дѣло и начали закрывать свои предпріятія. Въ послѣднихъ числахъ февраля передъ самымъ моимъ отъездомъ изъ Гомеля на Румянцевской улицѣ передъ зданіемъ финотдѣла, помѣщавшемся въ зданіи бывшаго Сѣвернаго банка, я видѣлъ толпу болѣе 2000 человекъ, которая состояла изъ торговцевъ всевозможныхъ видовъ, принесшихъ свои торговыя свидѣтельства съ отказомъ отъ торговли на будущее время, въ виду невозможности ее вести, вслѣдствіе сильныхъ сборовъ. Толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, была нервно настроена, жестикулировала, шумѣла и волновалась, оцѣпленная конными красноармейцами стоящей въ Гомелѣ XI-й кавдивизіи, со стороны которыхъ шла отборная площадная ругань по адресу толпы. Сновали милицейскіе и красовался гордо на конѣ начальникъ губернской милиціи Фернебокъ. Недоставало только конныхъ жандармовъ и казаковъ, да красноармейцы были рваные, а то была бы полная картина прежняго «произвола полиціи», а не свободного митинга при рабоче-крестьянской власти. Я поспѣшилъ благоразумно удалиться и не знаю, чѣмъ кончилось дѣло, такъ какъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Гомеля, но въ Петроградѣ читалъ въ «Петроградской Правдѣ» телеграмму о томъ, что въ Гомелѣ забаставали торговцы.

Не могу не вспомнить горячихъ жалобъ извѣстнаго въ Гомелѣ булочника, который горько жаловался на то, что онъ повѣрилъ совѣтской власти и съ появленіемъ «Нэпа» открылъ свое прежнее дѣло.

«Вы подумайте только, какъ я попалъ впросакъ, какъ я оказался глупъ, повѣривъ совѣтской власти. Я повѣрилъ совѣтской власти, я, котораго въ нашей еврейской средѣ считаютъ настолько умнымъ, что даже со мной совѣтуются раввины! Пришелъ «Нэпъ», надо какъ-нибудь жить. У меня большая семья, которую надо содержать, раньше были деньги, имущество, все это у меня отобрали, какъ у буржуя, и вотъ я рѣшилъ снова работать. Для открытія дѣла мнѣ нужно было 20 000 000 рублей, и я, доставъ ихъ подъ громадныя проценты, такъ какъ вы сами знаете, какіе теперь берутъ, началъ дѣло. Вы сами знаете, съ какими трудностями теперь можно достать муку въ такомъ количествѣ, чтобы открыть булочную. Сколько надо заплатить за провозъ, сколько денегъ затратить на взятки, но все это я продѣлалъ, дѣло вѣрное, нужда въ моемъ товарѣ у населенія большая, и мнѣ казалось, что я наживу деньги. При самомъ открытіи пекарни я уже наткнулся на затрудненія: оказалось, что рабочихъ я могу нанять только черезъ профсоюзъ, который на мое заявленіе, послѣ нѣкоторой волокиты, прислалъ ихъ мнѣ, но не тѣхъ, которыхъ мнѣ нужно было. Такъ, на примѣръ, вмѣсто булочниковъ и кондиторовъ прибыли хлѣбопеки чернаго хлѣба. Когда же я заявилъ, что они мнѣ не нужны, профсоюзъ отвѣтилъ, что я долженъ держать тѣхъ мастеровъ, которые состоятъ въ профсоюзѣ и что другихъ я не получу, а этимъ долженъ платить жалованіе, хотя бы я въ нихъ и не нуждался. Со стороны же, помимо профсоюза, взять кого-либо я не имѣю права. Пришлось самому стать на работу, чтобы кое-какъ на скорую руку обучить этихъ мастеровъ печь булки и дѣлать пирожныя. Все это, конечно, отрывало меня отъ организациі дѣла и хлопотъ по пріобрѣтенію кліентовъ. Открылъ я дѣло въ октябрѣ мѣсяцѣ, заплатилъ за право торговли три милліона за одинъ мѣсяць, — больше не принимали, такъ какъ было заявлено, что неизвѣстно, какая цѣна будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Въ ноябрѣ заплатилъ

шесть миллионѡвъ, въ декабрѣ десять, въ январѣ пятнадцать, а вотъ теперь въ февралѣ получилъ увѣдомленіе, что долженъ внести тридцать миллионѡвъ. Помимо этихъ государственныхъ сборовъ, сколько я внесъ миллионѡвъ по приказу Губисполкома, когда были разныя «недѣли». Теперь у меня нѣтъ тридцати миллионѡвъ, но тѣмъ не менѣе я могъ бы ихъ достать и внести, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна за право торговли опять не повысится, а уже тогда я не буду въ состояніи внести эту новую сумму, и поэтому мнѣ приходится закрывать свою торговлю, неся убытки, такъ какъ кромѣ вымогательствъ отъ совѣтской власти я ничего не вижу, и мнѣ грозитъ разореніе. Нѣтъ, при совѣтской власти нельзя торговать, можно только спекулировать, и я на этомъ попался.

Съ «Нэпомъ» въ Гомелѣ появилась масса ресторановъ, въ которыхъ можно было получить открыто 20% вино, разрѣшенное къ продажѣ совѣтской властью, а изъ подъ полы сколько угодно спирту. Конечно, все это за баснословно дорогую цѣну; тѣмъ не менѣе рестораны, особенно къ вечеру, были всегда переполнены. Здѣсь кутила новая совѣтская аристократія: нэпманы, чекисты, коммунисты воинскихъ частей и разныхъ совѣтскихъ учреждений; играла музыка, лилось вино рѣкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же происходили аресты агентами Чека, — часто даже по собственной инициативѣ, — а иногда бывала револьверная перестрѣлка между пьяными. Чтобы не закрыли ресторанъ, содержателю приходилось платить громадные деньги, помимо тѣхъ колоссальныхъ поборовъ, которыми облагались рестораны за право торговли и на всевозможныя пожертвованія въ пользу голодающихъ въ Поволжьи, на улучшеніе быта красноармейца и т. п. Тѣмъ не менѣе число ресторановъ въ Гомелѣ быстро увеличивалось. Главная приманка для посѣтителей, конечно, былъ спиртъ и самогонъ.

Спиртъ добывался, главнымъ образомъ, съ ректификаціоннаго завода, находящагося въ предмѣстьи Гомеля Ново-Бѣлицѣ. Этотъ заводъ функционировалъ и въ прежнее время, принадлежа нѣкому Гуревичу, Гомельскому миллионеру. Въ періодъ захвата власти большевиками, Гуревичъ, какъ и остальные буржуи, былъ основательно пощипанъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ Чека, но какимъ-то образомъ остался живъ. Заводъ его уцѣлѣлъ отъ разграбленія, и большевики въ началѣ 19-го года, еще до введенія «Нэпа», рѣшили его открыть, такъ какъ имъ былъ нуженъ спиртъ «для техническихъ и медицинскихъ цѣлей». Гуревича выпустили изъ тюрьмы, мобилизовали и назначили управляющимъ его собственнымъ заводомъ, какъ спеца. Дѣло пошло хорошо, добывался чистый спиртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добывали этотъ спиртъ съ завода нелегальнымъ путемъ спекулянты, которые поставляли его въ рестораны, а также и продавали частнымъ лицамъ въ Гомелѣ. Дѣло было доходное, такъ какъ спекулянты брали большія деньги за спиртъ, но и хищенія на заводѣ были тоже большія. Тамъ спиртъ воровали всѣ, кто хотѣлъ, изъ служащихъ и рабочихъ. Занимался, если не воровствомъ, то во всякомъ случаѣ попустительствомъ къ этому и самъ Гуревичъ, такъ какъ это было куда прибыльнѣе и доходнѣе, чѣмъ одно нищенское жалованье управляющаго завода. Въ концѣ концовъ, онъ по доносу въ Чека, очевидно, не подѣлившись съ кѣмъ-то доходами, въ октябрѣ 1921 года былъ арестованъ и посаженъ въ Гомельскую тюрьму. Слѣдствіе по его дѣлу шло что-то очень долго, говорили, что съ него спрашивали взятку въ восемьдесятъ миллионѡвъ, чтобы потушить его дѣло, но онъ не давалъ, и въ февралѣ 1922 года, когда я уже уѣхалъ изъ Гомеля, онъ еще все сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако, съ арестомъ Гуревича и съ назначеніемъ на его мѣсто коммуниста «добыча» спирта съ завода спекулянтами по прежней системѣ не прекратилась. Только спиртъ поднялся въ цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1921 года бутылка очищеннаго спирта стоила 50—60 тысячъ, а въ февралѣ 1922 года она дошла до 800 000 рублей.

Кромѣ спирта у тѣхъ же спекулянтовъ всегда можно было достать и самогонъ, который они пріобрѣтали у окрестныхъ крестьянъ, цѣна котораго поднялась съ трехъ тысячъ до ста за бутылку. Самогонъ гнался крестьянами

первобытнымъ способомъ, но въ огромномъ количествѣ по всей Гомельской губерніи и особенно на хуторахъ, гдѣ вырабатывать его было сравнительно безопасно, чѣмъ въ деревнѣ, за отсутствіемъ сосѣдей, а слѣдовательно и доноса властямъ. Почти въ каждой деревнѣ Гомельскаго уѣзда стояли конныя части XI-ой кавдивизіи, и присутствіе ихъ обыкновенно стѣсняло самогонщиковъ, на хуторахъ же, которые, въ виду своей разбросанности, были свободны отъ постоя войскъ, гнать самогонъ было удобнѣе. Но все-таки и деревня не особенно отставала въ этомъ дѣлѣ, хотя самогонщикамъ и приходилось тратиться на взятки коммунистамъ ячеекъ эскадроновъ для избѣжанія доноса. Самогонъ дѣло прибыльное для крестьянина, а если принять во вниманіе, что въ прежнее время въ деревнѣ было сильно развито шинкарство, то теперь люди опытные въ этомъ дѣлѣ зарабатывали большія деньги.

Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, а особенно къ Рождественскимъ праздникамъ въ каждой деревнѣ и хуторѣ была приготовлена масса самогона, какъ для продажи, такъ и для собственнаго потребленія. Мнѣ приходилось, при разъѣздахъ по имѣніямъ въ качествѣ агронома-инструктора, часто заночевывать въ пути на хуторахъ. Сначала встрѣчали въ первый разъ обыкновенно недружелюбно, какъ совѣтскаго служащаго, но когда послѣ разговора хозяинъ выносилъ заключеніе, что не сочувствуешь большевикамъ, да еще узнавали, что я бывшій офицеръ, тонъ обыкновенно мѣнялся, и хозяинъ просилъ поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Появлялось на столѣ жареное сало, картофель, борщъ, самогонъ, и дружеская бесѣда затягивалась далеко за полночь. При слѣдующемъ же посѣщеніи, принимали уже какъ своего человѣка и обязательно угощали самогономъ. Въ деревнѣ пьютъ теперь такъ, какъ не пили въ прежнее время, когда существовали казенки; пьютъ всѣ: и старый, и малый. Пьянство тяжелое, нездоровое: отъ самогона болитъ голова и разстраивается желудокъ, но тѣмъ не менѣе это теперь единственная утѣха для мужика. На Рождествѣ 1921 года въ Гомелѣ ходили рассказы о гомерическихъ попойкахъ въ деревняхъ.

ДОКУМЕНТЫ